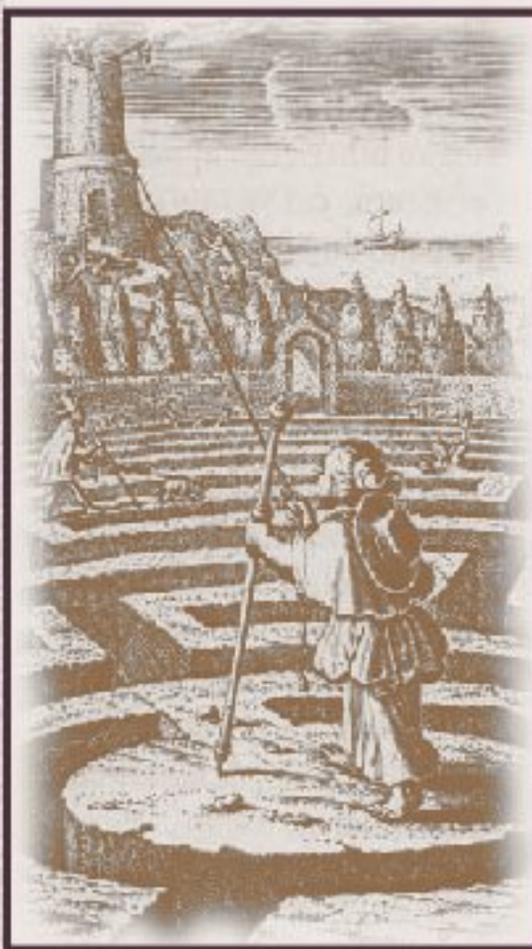

SCIENTIFIC ENQUIRY
IN THE CONTEMPORARY
WORLD:
THEORETICAL BASICS AND
INNOVATIVE APPROACH

Vol. 2. Humanities and social sciences
Economics
Psychology and pedagogics

Research articles

3rd edition

**SCIENTIFIC ENQUIRY IN THE CONTEMPORARY
WORLD: THEORETICAL BASICS
AND INNOVATIVE APPROACH**

3rd edition

Research articles

Vol. 2.
Humanities and social sciences
Economics
Psychology and pedagogics

B&M Publishing
San Francisco, California, USA

B&M Publishing
Research and Publishing Center «Colloquium»

**SCIENTIFIC ENQUIRY IN THE CONTEMPORARY
WORLD: THEORETICAL BASICS
AND INNOVATIVE APPROACH**

Science editor: A. Burkov

Copyright © 2014
by Research and Publishing Center
«Colloquium»

ISBN-10:1941655092
ISBN-13:978-1-941655-09-2

DOI: 10.15350/L_26/3_2

All rights reserved.

Published by B&M Publishing.

For permission to use material from this
text, please contact the publisher at
2076 -16th Ave., Suite A,
San Francisco, California 94116,
Tel (415) 682 2550

CONTENTS**HUMANITIES SCIENCES**

<i>E. Batasheva</i>	5
The impact of the mythological worldview and archetypes, as a factor of efficiency in advertising	
<i>Y. Vlasova</i>	9
Paradigmálne bases of existence of personality in the philosophy of existentialism	
<i>I. Zotova</i>	13
Apprehension of absolute idea: revelation of post-hegelian western philosophy's subject-matter	
<i>G. Korotich</i>	19
About N.A. Berdyaev's conception the peculiarities of development of mankind	
<i>E. Muhina</i>	27
Eros and Thanatos: historico-philosophical digression. Part 1. From Plato to Freud	
<i>Z. Pereselkova</i>	38
Food program as a mechanism to ensure food security in the USSR: a historical analysis	
<i>K. Khadisova</i>	44
Theoretical and methodological bases of formation and development of social education in Russia	
<i>P. Makuhin</i>	48
Theoreticism and factualism as traditions of understanding the connection between scientific facts and theory: problem of the scientific status of philosophy	
<i>N. Doniy</i>	52
Post-enlightenment world experience trends and their impact on the distribution of the individual's social devitalization	

SOCIAL SCIENCES

<i>S. Latyshev</i>	58
Charter of the municipality in municipal regulations	
<i>J. Halikova</i>	63
Ethical claims at investigation officer work	

ECONOMICS

<i>O. Butkova</i>	67
Order of reflection of car tyres in the russian account	
<i>E. Hajzadeh</i>	73
Role and importance of transportation corridor Baku-Tbilisi-Kars	
<i>N. Piniaha</i>	83
Formation and reproduction of labour resources of agricultural enterprises in Lviv region	
<i>O. Butkova & S. Serykh</i>	89
Methodological bases of the accounting of financial results of economic activity of the russian enterprises	

**SCIENTIFIC ENQUIRY IN THE CONTEMPORARY WORLD:
THEORETICAL BASICS AND INNOVATIVE APPROACH**

<i>M. Uzdenova</i>	94
Accounting and taxation of small business in the Karachay-Cherkessian Republic: problems and prospects	
<i>Z. Yurynets</i>	98
Theoretical study of the problems of innovation process in enterprises	
<i>A. Yanchev</i>	103
Institutional aspects of accounting process technology	
<i>E. Murzina</i>	112
Directions of perfection and recommendations for additional tax control measures small businesses	
 PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS	
<i>L. Borysenko</i>	119
Innovative-oriented going near organization of research activity of future economists	
<i>G. Gulko</i>	128
Achievement syndrome as a complex of personality characteristics	
<i>A. Kotsyuba</i>	134
The psychological correction of women engaged in dependent love relations: client-centered paradigm	
<i>V. Kulishov</i>	144
Explanatory model of psychological mechanisms of formation of consumer values increasing human	
<i>E. Malyschkina</i>	148
To the question of teaching english through learning vocabulary	
<i>L. Medvid</i>	153
Development of economic education in Ukraine at the beginning of the twentieth century	
<i>A. Gavryliuk</i>	162
Development of internationalization in the classical German universities	
<i>M. Kudaibergenova & Z. Arysbaeva</i>	167
Model of graduating student of preschool organization in the condition of passing to 12-years-old education	
<i>N. Myroshnychenko & O. Shtemakh</i>	171
Education for sustainable development in Ukraine	
<i>A. Sannikov</i>	176
Components of decision-making style: the personal approach	
<i>Z. Sovmiz</i>	183
Social intelligence as the competitiveness resource in command sports	
<i>M. Moroz</i>	188
Polyart education as perspective tendency of improvement of vocational training of future teachers of the art and aesthetic cycle	

HUMANITIES SCIENCES

**THE IMPACT OF THE MYTHOLOGICAL WORLDVIEW AND ARCHETYPES,
AS A FACTOR OF EFFICIENCY IN ADVERTISING**

¹ Elza Batasheva

¹ Post-graduate student, Chechen State University

Abstract

Modern mythological consciousness shaped by the powerful influence of the mass media and popular culture items. The origins of these processes are reviewed in the second half of the XX century, when the information influence has become an instrument to control the behavior of people change their spiritual lives. This article describes the characteristics of the impact of information on the consciousness of the viewer and management.

Keywords: mythology, myth, mythological thinking, information, magic, mind, advertising, media, archaism.

Миф – это особая форма познания и восприятия бытия людей. Оно формирует определенное мировоззрение людей. В отличие от сказки, миф может восприниматься как некое объективное знание. Ощущение истинности мифа не основано на реальных фактах. Оно базируется на вере и эмоциональном сопереживании, сопричастности. Мифологическое осознание мира обладает рядом особенностей, многие из которых ярко проявляются в современной культуре, и в нас тоже есть элементы мифологического мировосприятия. В мифологическом сознании нередко существуют диаметрально противоположные явления: от когнитивных форм первобытных предков, левое полушарие которых предположительно не было достаточно развито, что влекло за собой отсутствие многих механизмов, необходимых для абстрактного мышления, до суеверий, бытующих у современного человека. В научной литературе представлен целый комплекс терминов, служащих своеобразными синонимами мифологического сознания: это и мифологическое или архаическое, циклическое и пралогическое мышления [1].

Научные разработки по психологии также подтверждают, что мифологическая составляющая мышления человека не исчезла, она укоренена в нашем сознании. В современных условиях человек обладает архаичной склонностью к ритуализации своей жизни, продуцирует «современные

мифы». Реклама, кинематограф, политика содержат немало мифологических элементов.

Целью статьи является рассмотрение мифа в рекламе.

Реклама имеет древнее происхождение. Первый ее прообраз можно датировать I тысячелетием до нашей эры. К этому времени относится высеченная надпись на камне, найденная на развалинах древнеегипетского города Мемфиса, гласящая: «Я, Рино, с острова Крит, по воле богов толкую сновидения». К другим древним рекламным объявлениям следует отнести тысячи граффити, обнаруженных на стенах Помпеи. Над созданием рекламных табличек в средние века трудились граверы, скульпторы и художники. Этот процесс набирал обороты и уже к середине XIX века украшением улиц становятся различные вывески.

Надо отметить, что сегодня письменность, как главное средство передачи информации теряет свои позиции, на смену приходят иконографические и аудиальные средства, воздействующие на слух, формирующие различные мифологические образы.

Выделяя наиболее важную и актуальную информацию для человека, мифы, вместе с тем, формируют мировосприятие людей. Неудивительно, что мифы получили столь широкое применение в области рекламной индустрии. Современная реклама тесно связана с мифотворчеством и не представляется по-иному. Именно она делает сознание современных людей ассоциативным, наполняет игрой, смыслами.

Безусловна эффективность мифотворчества на современном рынке сетевого маркетинга. Целесообразность его использования легко объяснима: наблюдается заметное усиление воздействия на потребителя и качественное восприятие рекламного обращения.

Мифы с древнейших времен трактовали значение и суть добра и зла, повествовали о сотворении мира, отвечали на многие вопросы человечества, не находящих в те времена своего научного обоснования. Однако, помимо теоретических знаний, мифы преподносили людям готовую модель поведения, что отменяло необходимость принятия решений. Таким образом, современная мифологическая часть в рекламе призвана внушать бессознательную веру в необходимость того или иного выбора, формирование готовых моделей поведения – паттернов.

Как сказано выше, в современном рекламном мире целесообразно применять мифологические приемы в целях корректировки неоднозначного или еще не сложившегося мнения потребителей по поводу того или иного товара, бренда, услуги и т.д.

Мифология оказывает ощутимое влияние на массовую культуру детерминируемую масс-медиа. Массовое сознание по сути своей мифично. Средства массовой коммуникации способствуют объединению людей. Каждый человек не только потребитель, но и соучастник телевизионного шоу, мифотворчества, формирующий некие типы и стили. Создавая рекламу средства массовой информации подвергают сознание людей психологическому воздействию [2].

Учитывая сложную природу человеческих потребностей, наиболее важной из них, создаваемой рекламой, является стремление к улучшению образа жизни. И рекламный миф, присутствующий в повседневной жизни, создает в сознании совершенную мифологическую модель к которой нужно стремиться. Постоянное повторение в рекламе одних и тех же образов внушает человеку уверенность в том, что в современном мире есть что-то постоянное. Реклама делает акцент на ценности востребованные в обществе такие, как традиция, стремления к домашнему очагу, чувство надежды, любви, самосохранения и т.д. К примеру, реклама преподносит миф о счастливой семье: преуспевающие супруги и, как правило двое жизнерадостных детей. Герои такой рекламы улыбаются с экранов телевизоров, поедая различные виды молочной, мясной, продукции и так далее. Она рассчитана на подражание ее героям.

Желание идентифицировать себя с героем мифа, встроиться в созданную мифом модель жизни и систему ценностей, характерная черта мифологического мышления. Реклама дорогого автомобиля, различной парфюмерной продукции и прочее, в случае идентификации становится побудительным мотивом к покупке.

Реклама в наши дни может быть связана с первобытными верованиями. К примеру, в некоторой форме проявляется анимизм (одушевление явлений живой и неживой природы), когда образами становятся не антропоморфные персонажи: оживленные самостоятельные конфеты M&Ms, стиральный порошок «Миф» в виде умывальника, кролик Квики. Тотемизм (религиозно-социальная система, в основании которой лежит своеобразный культ так называемого тотема) рассматривает в процессе позиционирования – выделение социального слоя, для которого создаются социальные мифы. Такие мифы содержатся в некоторых товарах, становясь эмблемами, обладание такой вещью, означает принадлежность к такому сообществу. Это особенно актуально в случае с рекламами автомобилей.

Рекламные символы основаны на апелляции к архетипам (изначальным врожденным образам, лежащим в основе сновидений, мифов, сказок представителей самых разных народов), которые изучал К.Г. Юнг. Стремление современного человека к созданию новых мифологий с психологической точки зрения объясняет концепция существования коллективного бессознательного, которая была предложена Юнгом. Для него современные мифы – не что иное как результат проявления компенсаторных механизмов бессознательного. По причине секуляризации архетипы более не могут перерабатываться посредством традиционной мифологии и религии, но потребность в их переработке чрезвычайно велика. Поэтому соответственно человечество вынуждено изобретать новые формы мифологии, чтобы обезопасить свою психику от прямого контакта с коллективным бессознательным.

Значительное влияние для рекламы имеет магия. Любое рекламное произведение, так или иначе, содержит обращение к магии, связанное с

надеждой (со стороны покупателя) и обещанием (со стороны производителя) прийти к ожидаемым результатам кратчайшим, не обязательно рациональным, путем. Такая надежда живет в любом человеке, и рекламе ее остается только подогревать и использовать. Рекламуемым товарам зачастую приписываются магические свойства. Слово «магия» часто используется в рекламных слоганах: «магия вкуса» (батончики «Баунти»), «магия очарования» (косметика «Орифлейм»), бульонные кубики «Магги», в рекламе кондиционера для белья «Ласка» – магия цвета.

И миф, и современную рекламу преподносят с помощью поэтических и риторических средств, пословиц, поговорок, что приводит к лучшей запоминаемости, к памяти коллективного бессознательного. Появились слоганы лексически и синтаксически имитирующие пословицы: «Иногда лучше жевать, чем говорить» («Stimogol»), «Лучше дешево говорить, чем дорого молчать» (МТС); или поговорки: «В любом месте веселее вместе» (M&Ms) и так далее.

Также как и в мифе, в рекламе не бывает положительных или отрицательных персонажей. Положительный герой – это тот, кто использует правильный (рекламуемый) продукт, отрицательный – тот, кто этого не делает, или препятствует положительному герою [3].

Современный мифодизайн рекламы и теории мифологии объединяет характерная общая черта, а именно постоянство используемых образов. Наблюдается постоянное устойчивое использование одних и тех же сюжетов. Наряду с относительной «прозрачностью» содержания рекламной мифологии, все же имеет место скрытый, подсознательный призыв. Все это создает у человека неосознанное восприятие пользы и необходимости рекламируемого товара.

Таким образом, вопрос о мифологических аспектах рекламы сложен, объемен и чрезвычайно актуален в современном мире. Важно изучить, сопоставить, не отождествляя, выявляя специфику и роль каждого из них в формировании современных мировоззрений человека обществом.

Миф и реклама – взаимосвязанные феномены культуры, обозначающие, казалось бы, противоположные ее стороны. Миф ассоциируется с чем-то давно минувшим, надвременным и несуществующим, а реклама, вещь вполне современная, преходящая. Но в рекламе проявляется современная мифология. Она способствует формированию мифологического сознания, часто дерационализирует сознание.

References:

1. Кармин А.С. Культурология. – М.: Лань, 2003. – С. 346.
2. Почепцов Г.Г. «Теория и практика коммуникации», М., 2000. – С.163.
3. Притчин А.Н., Терemenko Б.С. Миф и реклама // Общественные науки и современность. – М., 2002. – №2 – С.155.

**PARADIGMALNYE BASES OF EXISTENCE OF PERSONALITY
IN THE PHILOSOPHY OF EXISTENTIALISM**

¹ Yulia Vlasova

*¹ Candidate of History Sciences, Associate Professor, military training
Air Force Research Center "VVA",
name of prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Russia*

Abstract

In the article the problems of personal development in the philosophy of existentialism are analyzed, questions of axiological reflection with the solution of the basic problems of existence are examined.

Keywords: philosophy of existentialism, axiological reflection, freedom.

Острая потребность в аксиологической рефлексии над ценностными основаниями существования чаще всего возникает как в обществе, так и в бытии личности тогда, когда оно оказывается в ситуации ценностного кризиса, что особо актуально для нашего времени, так как демократизация общества может быть очень неблагоприятна для личности, нивелировать личность, сводить всех к среднему уровню, способствовать обезличиванию личности [2, с. 145-157]. В этих пограничных ситуациях, используя терминологию К. Ясперса, и возникает совершенно естественное желание подвергнуть критическому осмыслению свои базовые ценности. По мнению М. Мамардашвили: «Личность – это форма, способ бытия, особое состояние жизни, находка ее эволюции. Я бы сказал так, что личность – это «крупная мысль природы». Самонастраиваемость ее проявлений не зависит от всезнания или от каких-либо высших ориентиров ... Понимаете, ведь главная страсть человека – это быть, исполниться, состояться» [3, с. 173]. В связи с чем, различные философские направления одним из приоритетных вопросов философии всегда считали проблему человека. Довольно самобытную точку зрения по актуализированию проблемы человека заняли экзистенциалисты В исследовании личности человека в экзистенциализме значительное внимание отводится анализу и роли сущности человека в постижении им себя, своего места в мире, в чувствовании им своей принадлежности бытию. Экзистенциалисты в равной мере озабочены показом не только уникальности своей философской позиции, но и ее своеобразной универсальности. Для них сам экзистенциальный тип мышления и мировосприятия есть нечто, что всегда имеет место у любого человека, в том числе и у мыслителя, но что по тем или иным причинам сам человек склонен затемнять, отбрасывать или вовсе не проявлять вовне [1, с. 222].

Экзистенциалисты ставят перед философией человека ряд задач нравственно-психологического порядка: они сводятся к поиску неких душевных ресурсов у современника, которые, обеспечивая целостность и автономность его внутреннего мира, одновременно выработали бы у него достаточный «иммунитет» к любым формам вторжения общества в сферу его личных переживаний, индивидуальных мотиваций деятельности [6, с. 135]. Предположив, что сущность человека должна заключаться в благе и красоте, тем не менее, нужно уточнить, что «я» при этом находится за пределом «слишком человеческого». Отсюда следует, что сущность человека постигается путем выхода за пределы человека. Человек как процесс, содержит в себе и возможность обретения своей сущности (блага красоты) и отсутствие этого обретения и переход от отсутствия к наличию. Получается, что путь, проходящий через сердце человеческой экзистенции, не определим полностью, то есть красота, благо всегда оторваны от человека, всегда неуловимы. Не является ли в таком случае истинная природа человека столь же недостижимой? Исходя из данной логики А. Камю создал свой «Миф о Сизифе» и ряд других произведений, в которых пришел к выводу, что познание недостижимых блага и красоты осуществляется в свободе, которая всегда ограничена и сводится к выбору между различными страстями и импульсами. Для такого выбора требуется ясность видения, помогающая преодолевать все низменное в самом себе.

«С экзистенциалистской точки зрения свойственные современному мышлению рефлексивность, склонность к самоанализу, поощряемые общим рационалистским духом эпохи, способствуют отчуждению человека от самого себя» [6, с. 137]. Данное противоречие и составляет бытие человека. Так, Ж. П. Сартр индивида современного общества понимает как отчужденное существо, возводя это конкретное состояние в метафизический статус человеческого существования вообще. Отчужденные формы человеческого существования приобретают у Сартра значение космического ужаса, так как индивидуальность стандартизирована и отрешена от исторической самостоятельности, подчинена массовым, коллективным формам быта, организаций, государства, стихийным экономическим силам, привязана к ним также и своим рабским сознанием, где место самостоятельного критического мышления занимают общественно принудительные стандарты и иллюзии, требования общественного мнения и где даже объективный разум науки представляется отделенной от человека и враждебной ему силой.

Отчужденный от себя человек, обреченный на не подлинное существование не восприимчив и к природе. В противовес всяким вообще «объективным» и опосредованным вещами отношениям, порождающим индивидуальные производственные силы, Сартр утверждает особые, непосредственные, натуральные и цельные человеческие отношения, от реализации которых зависит подлинное содержание человечности. Жить в

обществе, подобно тому, как живет в нем «довольное собой сознание», можно лишь отказавшись от себя, от личной подлинности, от решений и выбора, переложив последние на чью-либо анонимную ответственность – на государство, нацию, расу, семью, других людей. Но и этот отказ – ответственный акт личности, ибо человек обладает свободной волей.

Философия экзистенциализма не только ставит вопрос о возможности достижения человеком своей сущности, но и пытается определить: какие же параметры свойственны истинной сущности человека и при каких условиях они проявляются. Недостаточно просто сказать, что настоящий человек – это путь блага и красоты к благу и красоте, нужно отдавать себе отчет в том, какое реальное содержание несут в себе эти светлые понятия. Но на это вопрос человек ответить не может. М. Мамардашвили далеко не случайно отмечал, что как только что-то, претендующее на определение координат человеческой сущности, приобретает полную конкретику, оно престаёт описывать искомую сущность.

Отстранившись от мира, отвергнув его, человек только тогда сможет открыть в себе специфически человеческое – свободу. В связи с этим не первый план выходит сознание – это именно то, что не увязает «в себе», это противоположность «в себе», дыра в бытии, ничто. Это сознание свободы человека есть в то же время сознание одиночества человечества и его ответственности: ничто в «Бытии» не обеспечивает и не гарантирует ценности и возможности успеха действия.

Отсюда, существование – это именно переживаемый опыт субъективности и трансцендентности, свободы и ответственности, когда полнота мировосприятия человека является постоянным и необходимым условием его развития. Свобода – как условие для возможного развития человека тем более становится самоочевидной и наиважнейшей задачей для человеческого существования, чем выше уровень развития самосознания человека. Приоритетным в данном случае является ощущение трансценденции своего бытия, своей сопричастности миру. Поэтому неслучайно М. Мамардашвили замечает, что свобода, когда она имеет место, самоочевидна; и столь же очевидны красота и благо в таком состоянии. Здесь главным становится не упустить эту свободу, не перепутать этот прорыв за пределы, со средствами его достижения.

Экзистенциализм – во всех его вариантах – представлял собой доктрину стоического неучастия в истории – бегства, эмиграции из рационально постижимого исторического движения. Из основных посылок стоического антиисторизма неизбежно следовал вывод, что личное действие, сколь бы значительным не оказывалось его социальные и политические последствия, не может и не должно быть мотивировано ни социальным интересом, ни политическими соображениями [5, с. 135].

Постулатом экзистенциальной философии является то, что человек просто не в силах существовать, не посвящая чему-то свою жизнь: «Такова его фундаментальная предрасположенность, первичная по отноше-

нию к наличию любых целеуказаний. И обнажается она именно тогда, когда все социально-устойчивые ценности рушатся, когда человек ищет для себя достойного бремени, как ищут для себя хлеба насущного» [4, с. 82]. Конечно стоит признать и негативные моменты в философии экзистенциализма, как постулировании отказа состояться личности в обществе, акцентирование внимание прежде всего на личностно-индивидуальном развитии. Но нам представляется, что нахождение своего места в мире невозможно без нахождения самого себя и здесь вот как раз и приобретает новое звучание философия экзистенциализма, как один из вариантов осознания подлинного бытия.

References:

1. Асмус В. Ф. Экзистенциальная философия: ее замыслы и результаты / В. Ф. Асмус // Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: Наука. 1978.
2. Бердяев Н. А. И мир объектов / Н. А. Бердяев // Философия свободного духа. М., 1994.
3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990.
4. Соловьев Э. Ю. Экзистенциализм (статья 1) / Э. Ю. Соловьев // Вопросы философии. 1966. № 12.
5. Соловьев Э. Ю. Экзистенциализм (статья 2). // Вопросы философии. 1967. № 1.
6. Тавризян Г. М. «Экзистенциальный мир» как антипод социального бытия во французском экзистенциализме / Г. М. Тавризян // Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: Наука. 1978.

**APPREHENSION OF ABSOLUTE IDEA: REVELATION OF POST-HEGELIAN
WESTERN PHILOSOPHY'S SUBJECT-MATTER**

¹ Irina Zotova

¹ *Candidate of Philosophical Sciences,
Lecturer of Kuban State University, Russia*

Abstract

The author of the article interprets the viewpoint of Hegelian speculative philosophy, namely the standpoint that philosophy has achieved its goal and realized the principle of the absolute idea, and supposes that the latter reveals itself as the essence of any particular historically new content.

Keywords: Absolute Idea, History of Philosophy, historically new content, Apprehension of Absolute Idea, Post-Hegelian philosophy.

History of philosophy inevitably presupposes science per se, its goal, for otherwise it would be impossible to talk about history. The apprehension of this fact is also a historical moment, but at the same time the actuality of this apprehension is to become the actuality of philosophy as such. So, it is through apprehending this actuality one may speak about a true history of philosophy. It is important to notice that by apprehension we understand such an order of revealing the subject-matter in its necessary form in which, on the one hand, it becomes our object, and on the other hand, we make it ours, we make it *our* subject and become it. The above said means that philosophy being an aspiration to reveal its subject-matter in its total absoluteness finds itself as its own subject. In other words, the goal appears to be its own realization. One should also take into account that apprehension is not immediate “absorption” of the subject-matter as it may seem at first sight. Apprehension in its concept is revelation of the subject’s development. This revelation must be revelation in itself and for itself with the object already and always developed in itself and for itself in its every determinacy: “This totality of its determinate characteristics makes the object per se or inherently a spiritual reality; and it becomes so in truth for consciousness, when the latter apprehends every individual one of them as self” [1, p. 550].

So, it is quite natural that there arises the question of the necessity of revealing the apprehended content of science which having sublated its tendency in itself serves as an evidence of its own truth. This task is rather demonstrative than discovering something unknown in the content of science. At that, one should not prejudge that the particular “perishes” under the pressure of absolute idea, and hence begin to arbitrarily fabricate

novel modes of its “rehabilitation”. All those modes should be represented as moments of the absolute principle what is nothing but demonstration of its apprehension. Thus, the apprehension itself is to develop itself revealing in itself its determinacy and at the same time understanding that this determinacy is the one of the subject-matter which is the object of its apprehension. Through this understanding the subject-matter must posit itself as its own property that is as absolute knowledge because the history of philosophy fully performs its mission solely when it knows itself to become its own subject-matter.

Consciousness has to go through all determinacies of the subject-matter, taking them into itself. And as far as history of philosophy in abstracto is a relationship between consciousness and the subject-matter, it is not only the revelation of development of the subject-matter in every stage of history but also the revelation of development of its apprehension by means of which the subject-matter apprehends its determinacy (one or another form of history of philosophy). Therefore the matter is that the principle of the absolute idea (the notion of philosophy) which has been developed as the unity of consciousness and the subject-matter is found to be apprehended in one or another form at one or another stage of post-Hegelian history of philosophy respectively.

Through this apprehension must be revealed the result of mutual relations between the philosophical subject-matter and philosophy itself, between the goal as such and its positing. On the one hand, positing of the goal is not the goal itself. On the other hand, the goal as the result viewed in its immediate self is indifferent to its other which is its positing. However, if the goal *is*, we *posit* it in the judgment of it. But if the positing is in itself similar to the goal it is not for other but for itself. This is the reason why it is the goal in itself.

Thus, if philosophy knows its object, it is impossible to distinguish between knowledge of the object and the object itself since there would be something beyond knowledge that is still to be known – something other than knowledge. Therefore, philosophy is its object and the object is philosophy itself. In other words, it is possible to fully know what philosophy is only after its object has been fully known. But in this case there is no more philosophy as love of knowledge (wisdom) but knowledge on its own or the absolute object, both being the same thing. For has taken place becoming whose intention, i.e. the method of accomplishing the goal, has become its other – the goal itself – and the goal has accomplished itself in its process. In this way the science as such – the highest system of truth and its creation – obtains its absolute being.

But the accomplished knowledge of truth transits into its non-being as there is nothing to know anymore. The object of knowledge disappears because there cannot be anything beyond knowledge, for otherwise there would not be knowledge itself. It means that all finite forms of the

relationship between consciousness and the object are sublated, and in this former multiformity there only remains the spirit, equal to itself, which has developed itself into the absolute form of its self. Then finiteness of the ordinary love of knowledge (wisdom) usually representing the content of history of philosophy in a descriptive form (what is not yet the content on its own) makes us deal only with philosophizing but not with science on its own, with the finite form of positing the object but not with the object on its own. Absolute idea of philosophical science is sublation of any finite form. Therefore it posits the absolute form. And this form is its absolute content. The absolute unity of the form and content finds itself as the absolute object of science and science itself which is the absolute idea. Meanwhile the content of the absolute idea has returned to itself through going out of itself which has been already posited as the result for itself of the absolute idea that is its syllogism. That is why the one who has apprehended this result will treat empirical material and history only on the assumption of the pure determinacy of thinking. It means that apprehension of the notion of philosophy is the revelation of the content which has already been sublated in the system.

Thus, the particularity of the historical in philosophy finds truth in the content of the absolute idea which has proved to be totality. It has sublated the result of becoming but has not lost its content. On the contrary, only this content constitutes its eternal life, its activity in which it is not separate from itself but is an unceasing self-revelation. In its activity philosophy turns out to be its own subject-matter. That is why its content is not new. It was new when consciousness did not know the form of reason knowing its own subject-matter as itself and being in the form of the absolute knowledge. Meanwhile the absolute spirit can not and must not stop its activity as it is not an abstract spirit. The abstract is an immediately existing content while the “concrete” content which is separate from the abstract and allegedly sublated so that the abstract does not need it any more must be posited on its own account respectively. But first of all, in this connection this “concrete” content is not concrete any longer. It turns out to be abstract because there is a given “complete” and “absolute” content beyond it. Further, this “absolute” content can not correspond to its status for it leaves out of itself the given “concrete” content. Hence, if we are speaking of the absolute we think of the absolutely concrete spirit. It has become the result which transits beyond its immediate affirmation, i.e. abstractness, to itself that is its live totality. And life of this totality consists in reproduction of its moments and in memory of the phases of its ascension to itself. To elevate the finite into the form of the universal is not a problem for the universal. The latter remains in its absolute form positing the finite as its own content. It is absolute because the finite lies in it as its own self and property. On the contrary, the finite always deals with a new content if it remains in itself and does not know the universal. For what remains in itself posits its limit and

thereby makes way to something other, i.e. new, subject to experience or history.

In this connection there arises the problem of novelty in philosophical knowledge. This problem contains in itself the relationship between the logical and the historical. Thus, the historical content of philosophy is determined as aggregate of principles determined in themselves. This aggregate proves to be experience of philosophical knowledge. This experience is regarded in two ways. On the one hand, it is treated as a random sequence of opinions. On the other hand, it is posited as their becoming in which they disappear and turn out to be notions forming the universal one. As far as logically the finite cannot but go beyond the limits of its finitude because it is determined and posited in the process of becoming, it is impossible to determine the particular without the universal. If so, the sequence of random opinions is sublated, and there comes to light a principally new content, the notion. This transition is possible as overcoming of sense-certainty that is the sublation of determinacy.

Thus the historical content becomes the notion which has cognised itself and sublated the form of the external, abstract attitude (that of understanding) towards the subject-matter. The beginning of this process has been posited by the critics of the metaphysical dogmatism and it has been completed by G.W.F. Hegel. Formerly the historical presented itself as something other for consciousness and created the sequence of spirits which are new in regard to each other. But now it has been exhausted by that there appears the “last spirit” comprehending all finite spirits and for this reason turning out to be the prime spirit. Such a spirit is undoubtedly new from the historical point of view. But this point does not exhaust its absolute novelty because it has come on the scene in order to exhaust the truth (logic) of all historical development of philosophy. If so, in the absolute spirit the empirical is to be posited as its own content. Therefore, there is only the absolute spirit to always possess true being.

Post-Hegelian philosophy may be represented as rejection of the system or something stable that restricts demonstration of allegedly live and new content. But this philosophy has already been determined by the system as sublated and distinguished content. The problem consists in that remaining in themselves particular forms have not become the absolute content of the science whereas the latter has already sublated them for itself. Therefore the essence of nowadays philosophizing is the absolute system. Coming out as a pure spirit it is timeless and hence eternally new in spite of the very fact that it was Hegel who created it, and so it is determined as past or historically.

Thereby the demonstration of actuality of the absolute idea must correspond to the essence of the idea itself, i.e. be its speculative apprehension. This final apprehension presupposes being conscious of the universal ground of contingency. This ground is truth – the absolute and live unity in itself and for itself. The contingent remains contingent for itself. It

can apprehend its other becoming the idea that is its truth. But then it will not be abstract contingency. The contingency of the world or its abstract discrepancy with the absolute is a moment of the idea itself, its own other being which it posits as its own otherness and becomes true freedom at the same time.

Thus the principle of the absolute idea must be revealed in the light of its necessity for the philosophical thought following the historical fact of the establishment of science as such. In its immediacy post-Hegelian philosophy states that it has overcome absolute idealism, but it does not suspect that it contains the latter one not only as its precondition but also as its essence. For if the principle of absolute knowledge has been logically completed, the historical content which will certainly keep on appearing thinking that it is original and new, can not but contain its forms in the sequel. It is only necessary to reflect these forms. But at the same time it is important to stress that the process of reflection is not annihilation of “novelty” and “peculiarity” of the content of philosophical systems. On the contrary, for the universal these qualities are necessary moments which are to be posited too. On the other hand, their particularity can be understood solely by means of revealing the universal. For to consciously apprehend the principle of this or that philosophical reasoning means to grasp the content of the reasoning in its totality. And it does not mean that this content must be the same as it was immediately in the thought of one or another thinker. Perception of somebody else's thought which claims to be known and understood inevitably turns out to be mediation. At that, one can endlessly speak about certain “empathies”, “understandings” (Verstehen) or other similar methods of apprehension. However this is not enough to ground the real possibility of apprehending the sense in its immediacy. Immediacy in itself is disappearance, and if it is given, there is no more immediacy, but only its recollection. It is obvious that recollection is the universal form of the immediately given. As a universal form it reveals itself in that other which is conscious of itself as containing it or as reflecting the other. But the latter determines itself only due to its subject-matter which has also proved to be reflecting self-consciousness because it is determined in itself and for itself. Therefore, the given relation is nothing but interrelation of self-consciousnesses whose truth has already found itself in their unity, and the content of this unity reveals itself as the absolute notion.

So, to reveal a certain notion means to bring to light the essence of one or another immediate form of the subject-matter. If the finite negates the universal, this negation is posited by the universal itself. This negation is possible just because being finite it negates that finite which it views to be absolute in the form of the representation. The given negation assumes the criticism of the Hegelian system. This criticism proclaims a new ontology, proclaims new conceptions of truth or new philosophical paradigms as the saying goes. However, it is obvious that all these claims strive for

determining the “new” philosophy or for giving understanding of what is going on in its history that is to find the concept of its essence. But such work has already been performed while for post-Hegelian philosophy which has not yet demonstrated the apprehension of its subject-matter it is still only aspiration.¹

References:

1. Hegel, G.W.F. The Phenomenology of Spirit (The Phenomenology of Mind). Digireads.com Publishing, 2009.
2. Hegel, G.W.F. The Science of Logics. Cambridge University Press, New York, 2010.

¹ That is why it is possible to assert that revealing of the absolute idea in finite forms of post-Hegelian philosophy is nothing but demonstration of the subject-matter which is the goal of its search. This demonstration should have the following form. The categories of quality, quantity and measure are revealed in Realism, Psychologism, Logicism and the first Positivism. The philosophical concepts of J. Herbart, J. Fries, B. Bolzano, A. Comt could be examples of this revealing. The categories of essence as reflection within itself, appearance, actuality are revealed in Voluntarism, Intuitivism, Philosophy of Life, Materialism, Empiriocriticism, Neo-Kantianism, Phenomenology, Pragmatism, Existentialism. The philosophical concepts of A. Shopenhauer, F. Nietzsche, H.-L. Bergson, L. Feuerbach, K. Marx, F. Engels, R. Avenarius, E. Cassirer, H. Rickert, W. Windelband, E. Husserl, M. Heidegger, W. James, C. Peirce, K. Jaspers, A. Camus, J.-P. Sartre could be examples of this revealing. The categories of subjectivity and objectivity are revealed in Logical Positivism, Structuralism, Postmodernism. The philosophical concepts of R. Carnap, L. Wittgenstein, B. Russel, F. de Saussure, K. Lévi-Strauss, R. Barthes, J. Derrida, J.-F. Lyotard, M. Foucault, G. Bataille could be examples of this revealing.

**ABOUT N.A. BERDYAEV'S CONCEPTION THE PECULIARITIES
OF DEVELOPMENT OF MANKIND**

¹ Galina Korotich

¹ *Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Department of philosophy science,
State Higher Education Institution «Pryazovskyi State Technical University»,
Mariupol, Ukraine*

Abstract

N.A. Berdyaev's philosophical views on the general peculiarities of development of mankind are analyzed. The main periods in this development is examined in interconnection with the concept «cosmic time», «historical time» and «existential time».

Keywords: mankind, man, development, time, cosmos, value.

Философское наследие Николая Александровича Бердяева и в XXI веке вызывает большой интерес в связи с актуальностью его основных тем и проблем. Среди философских исследований, посвященных главным идеям творчества Н. А. Бердяева, можно выделить статью В. Н. Калюжного [1], в которой автор углубленно раскрывает особенности персонализма Бердяева, статью Г. А. Аванесовой и П. Е. Вахренивой [2], в которой анализируются такие важнейшие темы учения Николая Александровича как «свобода» и «творчество», а также показана их взаимосвязь. Особый интерес для уяснения центральных понятий философского наследия Бердяева (личность, свобода, бытие, творчество) представляют статьи Н. К. Бонецкой [3] и Ю. Б. Мелих [4].

Цель данной работы – проанализировать взгляды Н. А. Бердяева, касающиеся особенностей развития человечества, что, на наш взгляд, представляет интерес с точки зрения актуальной сегодня концепции устойчивого развития, а именно, в связи с задачей поиска философских оснований этой концепции и осмысления путей внедрения ее в жизнь.

Можно утверждать, что понимание Бердяевым развития вообще и отдельных его проявлений в частности непосредственно связано с пониманием им времени. Философ прямо связывал категории «время» и «изменение», «время» и «развитие». Он писал, что проблема времени – это основная проблема человеческого существования [5, с. 106]. Николай Александрович трактовал время противоречиво: и как результат изменений, происходящих в реально существующем, и как собственно изменение [5, с. 106-108]. У мыслителя можно найти «обтекаемое» высказывание о том, что время есть потому, что есть изменения [5, с. 122]. Не оста-

навливаясь на анализе данных противоречий (это не является целью работы), отметим, что Бердяев избежал понимания времени как некой внешней формы, в которую как бы «встроено» существование человека и природы и которой определяются любые изменения, в том числе такие, которые можно назвать развитием. Специфика времени для философа связана со спецификой конкретных объектов. Время есть модус существования и зависит от его характера [6, с. 685].

Бердяев выделяет время космическое, время историческое и время экзистенциальное [5, с. 529; 6, с. 685]. Отсюда следует, что изменения, в том числе развитие в обществе, природе и в сознании человека тоже отличаются. Человек способен жить в этих трех временах одновременно, однако в каждом индивиде их сочетание своеобразно.

Космическое время, т. е., по Бердяеву, время, в котором происходят события природы, само по себе мало интересует ученого. Он замечает, что настоящий космос (преображенный, будущий, а не существующий сейчас) еще должен быть создан. Пока что идея космоса – это лишь важная «регулятивная идея», а именно – идея органической целостности. Космическое время отражает круговорот, происходящий в природе, ее ритмы. Первобытный человек начинает свое формирование с того момента, когда его жизнь еще тесно связана с природными ритмами (или полностью подчинена им). Зависимость от космического времени сохраняется и сегодня, что обусловлено биосоциальной (или биопсихосоциальной) природой человека. Как верно утверждает Бердяев, человек – это существо природное, социальное и духовное одновременно [5, с. 594].

Ученый замечает, что развитие и прогресс не являются необходимым законом жизни всего мира, что развиваются и прогрессируют отдельные элементы, начала, организмы [7, с. 292]. Тем не менее, Бердяев пишет, что жизнь в мире организуется и развивается к высшим формам [7, с. 382]. Поэтому космическую (природную) жизнь, которая внутренне неоднородна в целом, не следует представлять исключительно в виде круговорота, как это часто делает философ.

Вспомним, что, по Бердяеву, человек живет также и в историческом времени. Это время символизируется им в виде прямой линии, устремленной вперед. Мыслитель подчеркивает, что материальное, космическое развитие идет от первоначальной целостной органичности, скрепляющей дух и плоть, к механичности, их расщепляющей, нарушающей цельность и освобождающей дух от его связи с материей [8, с. 471]. Бердяев пишет: жизнь современного человека подчинена ускоряющемуся времени. Каждое мгновение не имеет ценности и полноты в себе, оно, все быстрее и быстрее, сменяется таким же. Скорость, созданная механизацией и машинизацией, разрушает личность, мешает внутренней сосредоточенности, не дает возможности адекватно понять происходящее, его глубинный смысл. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью. Эти мысли актуальны и сегодня.

В своем историческом развитии человек постепенно потерял ритм жизни, согласованный с ритмом природы. Вместе с тем, освободившись от рабства у природы, он попал под власть общества, государства, техники и идей. Поэтому человек, «задавленный условностью цивилизации», ее нормами и законами стремится периодически возвращаться к своему первоначальному природному состоянию, к космической жизни, к ее тайнам... [6, с. 518]. Такое возвращение, разумеется, не означает возвращения к первобытному состоянию, так как это означало бы потерю себя не только как личности, но и как человека. Однако, и история «превращает человеческую личность в средство» [5, с. 489]. Поэтому история должна будет когда-то «кончиться». И Бердяев по-своему раскрывает тему «конца истории», подхваченную впоследствии многими философами.

Мыслитель справедливо обращает внимание на то, что в историческом времени, кроме движения вперед, есть возвращение и повторяемость (как во времени космическом; но только это уже качественно иные возвращения и повторы). Историческое время предполагает связь с прошлым и традицией, устанавливающей связь времен [6, с. 687]. Однако каждое событие исторического времени – индивидуально особое, каждое десятилетие несет новую жизнь. История, с точки зрения Бердяева (как и многих ученых XX и XXI веков), не является «прогрессивным торжеством разума» [5, с. 531]. Как пишет Николай Александрович в своей работе «Философия свободного духа», развитие в мире происходит неизбежно, «потому что пробуждается творческая свобода человека, потому что опыт человеческий усложняется и расширяется, потому что раскрываются противоречия жизни» [7, с. 295]. Но о прогрессе можно говорить лишь частично, так как может быть интеллектуальный прогресс и моральный регресс, технический прогресс и общекультурный регресс и т. п. Поступательного, по прямой восходящей мысли совершающегося торжества доброго, божественного начала в мире не происходит. Прогресс (а это, по мнению Бердяева, категория, прежде всего, аксиологическая и духовная) должен опираться на духовные ценности, которые определяют его смысл. Сама идея прогресса, т. е. идея «движения к абсолютной, верховной цели исторического процесса, стала возможной лишь благодаря христианству <...>» [7, с. 289]. В XIX веке эта идея секуляризировалась и натурализировалась, подчинилась власти «разорванного времени» – как исторического, так и космического. Настоящее (люди, природа, техника, государство) рассматривается только как средство для установления светлого будущего.

В развитии человечества Бердяев выделяет четыре периода. Первый период связан с погружением человека в космическую жизнь, с его полной зависимостью от природы, с развитием примитивного скотоводства и земледелия. Второй период характеризуется освобождением человека от власти космических сил, развитием элементарных форм хозяйства.

Третий период связан с механизацией, научным и техническим овладением природой, развитием индустрии в форме капитализма, с появлением новых форм зависимости людей друг от друга и от природы. Созданию индустриально-капиталистической системы способствовали индивидуализм, атомизация общества, неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни [9, с. 561]. Четвертый период демонстрирует невероятное увеличение воздействия человека на природу, рабство его у его же собственных открытий, доказывает появление нового космоса – технического, организованного человеком в соответствии со своими целями. Бердяев усматривает в истории две тенденции – к индивидуализации и к универсализации, которые еще никогда (в том числе ни при капитализме, ни при социализме) не сочетались гармонично. Следует обратить внимание на это важное утверждение при осмыслении противоречивой сути процесса глобализации. Анализ творчества ученого позволяет сделать вывод о том, что гармоничное соединение этих тенденций возможно только при смене ценностных ориентиров и таком развитии человечества, которое реально создаст условия для всестороннего, гармоничного развития личности, для ее духовного преобразования на основе высших христианских ценностей, в том числе идеи соборности. Только так человек может создать преображенный космос (вернуться к идее подлинной органичной целостности) и тем самым продолжить миротворение, стремясь проявить свою микрокосмичность и богоподобие.

Четыре периода, выделенные Бердяевым, действительно, совершенно не говорят о «торжестве разума в истории», так как их итогом стал, как сегодня выражаются, системный кризис, главной стороной которого является кризис человека, духовный кризис. Можно согласиться с мыслью Бердяева о том, что современный европейский человек утратил религиозную веру, веру в прогресс, гуманизм, в спасительную роль науки, демократии, в справедливый государственный строй. Он не готов к духовной свободе, а готов от нее «бежать» во имя силы, которая организует его жизнь с его минимальным участием в этом процессе. Этой силой, как верно замечает Бердяев, может быть социальный коллектив, техника, идея. Организованный человеком космос в глобальных масштабах разрушил космос первоначальный, органический – при помощи техники, войн, обесценивания жизни в любом ее виде. История предстает как арена жесточайшей борьбы людей, классов, наций, государств, вероисповеданий и идеологий. Бердяев критикует капитализм, который глубоко антиперсоналистичен и свидетельствует о дегуманизации экономической жизни и овеществлении человека. Однако и социализм, с точки зрения мыслителя, свидетельствует, по сути, о том же, являясь выражением рабства человека у природной необходимости, у материальных благ, у общества. Бердяев неверно понимает сущность социализма, не признавая за ним ни свободу, ни творчество.

Мыслитель критически относится и к революциям, считая их лишь реакцией против старого, а не творчеством нового. Поэтому революции утверждают «некосмическое состояние мира» [9, с. 245]. Они есть выражение всего отрицательного, например, мести и ненависти.

Критика Бердяева касается и демократии, которая, рассматриваемая как самодовлеющая отвлеченная идея, никаким высшим ценностям не подчиненная, в глазах мыслителя является человекообожествлением. Критикуя демократию, Бердяев обращает внимание на то, что ее часто понимают наоборот, т. е. не ставят ее в зависимость от внутренней способности человека к самоуправлению, к самоорганизации. Философ переводит рассуждения о демократии из традиционной политической плоскости в духовную, обозначая важную проблему духовных оснований демократии.

В будущем, предполагает Бердяев, возможен и пятый период, связанный с еще большим (но качественно другим!) овладением человеком силами природы, с реальным освобождением труда и трудящегося, с подчинением техники духу [5, с. 589]. Все это невозможно без обретения человеком особой, творческой, свободы, которая открывает истинное место человека в космическом организме [9, с. 254]. Однако для этого следует освободиться от власти исторического времени. Очень важна мысль Бердяева о том, что прогресс, который до сир пор имел обыкновенные жертвовать всяким живущим поколением и каждой личностью во имя будущего совершенства, приемлем лишь в том случае, если он приведет к такому концу человеческой истории, когда все прошлые поколения смогут воспользоваться ее результатами [5, с. 532]. Речь идет об установлении Царства Божьего, об освобождении человека (субъекта) от власти объективированного бытия.

Бердяев видит два возможных пути развития человечества: во-первых, можно вернуться ко времени космическому, во-вторых, прийти ко времени экзистенциальному. Первый путь – это поглощение человечества природой, и он не подходит. Второй путь означает для Бердяева переход истории в «царство свободы духа», и он выбирает этот вариант в качестве истинного [6, с. 690]. Отметим, что у мыслителя есть еще один вариант поиска путей выхода из кризиса, в котором находится человечество, предполагающий уже три возможных исхода:

1) исход фатальный: космос (как природный, так и социальный) продолжает распадаться, все идет к хаосу конца, к всеобщей войне (а она – явление антикосмическое, как пишет философ), к общей гибели,

2) исход, связанный с установлением насильственного, механического порядка, деспотизация мира, воцарение всеобщей организованности,

3) внутреннее преодоление хаоса, победа духа над техникой, духовное восстановление иерархии ценностей, соединенное с осуществлением социальной правды [5, с. 621].

В своих работах Николай Александрович неоднократно возвращается к мысли о том, что существование человека погружено не только в природную действительность (в том числе в действительность «второй природы», созданной самим человеком), не только в исторический процесс, но и в некую более глубокую действительность. Благодаря этому и возможно развитие, творчество, новизна [5, с. 500]. Экзистенциальное время – это особое, «глубинное» время, связанное и с космическим, и с историческим временем через человека. В определенном смысле можно сказать, что экзистенциальное время преодолевает их односторонность и противоречивость. Это время Бердяев представляет в виде точки, так как речь идет о внутреннем времени, времени творческой субъективности. Мгновение экзистенциального времени – это выход в вечность, это миг, в котором есть свобода, полнота и совершенство (а не их иллюзия), есть подлинно новое, великое. Это «атом вечности», момент, когда человек откликается своим творчеством на призыв Бога. Объективированное время (т. е. историческое и космическое) побеждается творчеством, обращенным к вечности. Длительность этого времени зависит от напряженности переживаний внутри человеческого существования. Экзистенциальное время придает смысл времени историческому. Конец истории заключается в победе экзистенциального времени над временем историческим, в преодолении времени космического, в освобождении от власти конечного и раскрытии вечности, в победе личности над универсально-общим (над обезличенным, надо полагать), в установлении Царства Божия.

Историческое время, не способное раскрыть последние глубины бытия, замечает Бердяев, порождает иллюзии: идеализацию прошлого или идеализацию будущего, в котором, кажется, уж точно будет открыт высший смысл человеческого существования. В рассуждениях об экзистенциальном времени философ раскрывает глубокую мысль о том, что полноту и совершенство можно открыть уже в настоящем, но пережитом экзистенциально. Это время способно открыть самоценность каждого мгновения жизни, обращенного к вечности.

Экзистенциальное время позволяет в истинном свете представить микрокосмичность человека, соединенную гармонично и целостно с определением человека как существа, сотворенного по образу и подобию Бога. Это преображенная духом микрокосмичность, наполненная пониманием ответственности человека за природу и общество, осознанием взаимосвязанности их судеб. Главные духовные ценности, вечные духовные начала жизни – это свобода, любовь, творчество, ценность личности [5, с. 494]. К сожалению, и в XXI веке эти ценности не стали основополагающими для человеческого развития. Творчество освобождает от власти времени, постоянно подчеркивает философ. Однако Бердяев обращает внимание на то, что не всякое творчество хорошо – может быть и злое творчество. Заметим, что возможность существования зла в мире

философ выводит из особенностей понимания им свободы – из существования особой, добытийственной свободы, предшествующей всему.

Итак, экзистенциальное время помогает увидеть божественное целое в самой малой части космической жизни, в том числе и в человеке-микрокосме. Бердяев, обращаясь к диалектике Гегеля, усматривает ошибку гениального философа в том, что он верил в имманентное разрешение противоречий, а их разрешение требует трансцендентного. Однако и христианство следует понимать иначе – не только как религию личного, но также социального и космического преображения.

Как писал Бердяев, мы живем в эпоху «социального заказа». Этот заказ определяет, чем должны быть культура, искусство, литература, философия, наука, религия. Как в XX веке, так и сегодня по-прежнему «нет социального заказа на высшую качественную культуру», а существует социальный заказ «главным образом на технику, на прикладное естествознание, на экономику, нет заказа на то, что связано с духом и духовностью» [5, с. 216]. Следует заметить, что рассуждения Бердяева о проблемах и противоречиях социального прогресса актуальны и сегодня. Очень медленно проникает в сознание людей мысль о необходимости пересмотра системы ценностей для человеческого развития; в существующей системе духовные ценности и жизнь человеческая не занимают до сих пор значительного места. Поэтому и сегодня политическая власть, деньги, а также физическая сила, тысячекратно умноженная военной наукой и техникой – главные ценностные приоритеты, которые толкают человечество в пропасть небытия.

Какие выводы можно сделать?

Общее развитие человечества рассматривается Н. А. Бердяевым во взаимосвязи с понятиями «космическое время», «историческое время», «экзистенциальное время». Философ анализирует эти три связанные между собой понятия, особо останавливаясь на экзистенциальном времени. Оно помогает человеку осознать себя создателем преображенного космоса и настоящего человеческого братства, раскрыть истинные глубины бытия, придает смысл развитию человечества, позволяет осознать самоценность каждого момента человеческой жизни, наполненного свободным творчеством, опирающимся на высшие духовные ценности и приближающим установление Царства Божия. Произведения Бердяева с полным основанием можно отнести к основополагающим работам при дальнейшем осмыслении философских оснований концепции устойчивого развития.

В качестве перспективы дальнейшего исследования можно было бы предложить осуществить сравнительный анализ взглядов на социальный прогресс в творчестве Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова.

References:

1. Калюжный В. Н. Личность: между мифом и философией / В.Н. Калюжный // Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – С. 3-22.
2. Аванесова Г. А. Духовный проект Н. Бердяева (Опыт системного подхода к наследию) / Г. А. Аванесова, П. Е. Вахренева // Вестник Моск. ун-та. Сер. Философия. – 2005. – № 4. – С. 37-57.
3. Бонецкая Н. К. Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) / Н. К. Бонецкая // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 85-106.
4. Мелих Ю. Б. Сущее личности и личностность единсущего: к вопросу о спорности персонализма у Л. П. Карсавина и Н. А. Бердяева / Ю. Б. Мелих // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 145-157.
5. Бердяев Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – 679, [9]с.
6. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – 701, [3] с.
7. Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. – 620, [4]с.
8. Бердяев Н. А. Судьба России: сочинения / Н. А. Бердяев. – М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. – 736 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл творчества: опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – 678, [10] с.

**EROS AND THANATOS: HISTORICO-PHILOSOPHICAL DIGRESSION.
PART 1. FROM PLATO TO FREUD**

¹ Elena Muhina

*¹ Graduate student of theoretical and practical philosophy
of Kharkiv National University named after V.N. Karazin*

Abstract

This article is the first part of the historical and philosophical research of the formation and development of the concepts «Eros» and «Thanatos». Focuses on the teachings of Plato, Schopenhauer, Nietzsche and Freud as concepts, significantly influenced the change of content this categories. In the chosen line of research final is the Freudian drive theory, as it is in her Eros and Thanatos was first conceptualized as Life and Death drives respectively. The main emphasis in Freud's theory is put on those aspects that would later become a stumbling block in the modern debate on the nature of drives.

Keywords: Eros, Thanatos, Life drive, Death drive, destructiveness.

Амбивалентные, противоречивые, нестабильные взаимоотношения жизни и смерти во все времена были и являются неотъемлемой частью всех культур известных человеческой истории. Многие философы были заморожены очевидной неразрешимостью диалектической связи между жизнью и смертью, Эросом и Танатосом. Большинство представителей философской мысли, так или иначе, обращались к этой странной тесной связи между Эросом и Танатосом. Эти два концепта, по сути относящиеся к совершенно различным полюсам, снова и снова появляются вместе в человеческой жизни, трагические конфликты были и остаются в центре внимания, потому что их невозможно избежать. Диалектика жизни и смерти является где движущей силой, а где и результатом длительного развития истории философии, тем не менее этот извечный конфликт так и не нашел своего решения.

Чтобы охватить семантическое поле, очерченное принципом соотношения Эроса и Танатоса, необходимо будет провести экскурс в историю философской мысли от античности и до наших дней. Поэтому мы ограничимся только основными философскими учениями, которые существенно отразились на становлении и развитии этих двух категорий. Наше исследование будет направлено не столько на полноту исторической репрезентации, сколько на содержательную базу представленных концепций. Самой показательной концепцией Эроса (как влечения к жизни) и Танатоса (как влечения к смерти) является концепция З. Фрейда, так как

именно его теория влечений наделила Эрос и Танатос метафизическим статусом и вызвала в философских и около-философских кругах серьезную дискуссию. Но, прежде чем говорить о теории Фрейда и ее «последствиях», необходимо рассмотреть происхождение интеллектуальной традиции трактовки Эроса и Танатоса.

«Эрос» – введен в философскую мысль Платоном – в теории Фрейда был достаточно глубоко разработан и аргументирован в качестве сексуального влечения человека, а также основы биологической жизни и динамики культуры. «Танатос» в терминологии Фрейда эквивалентен «влечению к смерти». В основе фрейдистской теории Эроса и Танатоса лежат общие положения философских учений Шопенгауэра и Ницше. Хотя у Ницше категории «Эрос» и «Танатос» не названы как таковые, но их образы были уже четко очерчены [8; с. 9-19]. Чтобы достичь полного понимания того смысла, который в данные категории вкладывает современность, следует проследить за той линией развития европейской философии, для которой философия Ницше стала неким логическим завершением.

Для некоторых философских традиций фундаментальными являются не оппозиции душа-тело или имманентное-трансцендентное, а дихотомия возникновения и распада, жизни и смерти. Эта изначально античная концепция в ходе исторического процесса систематически вытеснялась христианской парадигмой, так как смерть в такой форме не несла бы в себе действенной моральной угрозы, и жизнь после смерти не была бы такой желанной целью, поскольку земное существование в античной традиции признается самой ценной формой существования. Тем не менее, христианская традиция также имеет своим источником Античность – учение об идеях Платона и категории Аристотеля под воздействием христианского влияния привели к обесцениванию индивидуального имманентного существования и одновременно к установлению как высшей ценности существования трансцендентного [8; с. 11].

Пятый-четвертый века до н.э. можно назвать кульминацией нисхожения античной религиозности, связанной с космическими силами судьбы, обязывающими даже богов. Сократ, Платон, Аристотель, а также софисты дали мощный толчок для поисков новых масштабов человеческой экзистенции. Но философия потерпела поражение в попытке сформулировать некую коллективную связывающую цель, эта задача стала по-настоящему только для христианской религии. После того как в XIX столетии христианское индивидуальное и историческое спасение утратило свою ценность, больше ничего не стояло на пути критики религии. Ницше первым осознал, что не только оппозиция добра и зла, но также и их основа – уравнивание морали и истины – в современных условиях более не являются действительными. Единственно действительными остались лишь жизнь и смерть.

Благодаря платоновскому учению об идеях понятие бытия приняло

довольно эластичные рамки. А именно, философская проблема человеческой конечности, смертности через принятие постулата о «бессмертной душе» существенно трансформировалась – смерть стала искуплением ограниченного человеческого существования. Тем не менее, в учении Платона имеются дополнительные аспекты – идея Блага, Эрос. Они находятся в довольно тесной связи с современной теорией Эроса и Танатоса. Платон приписывал человеческой душе «алчную часть», которая является обманчивой, брэнной, неустойчивой и должна контролироваться и регулироваться только посредством противоположной ей инстанции блага. Эта девальвация чувственно-инстинктивного позже была поддержана Платином, который характеризовал материальное как «источник зла», вследствие чего платоновское учение в дальнейшем было перенято христианской традицией.

Разнообразие позднеантичных религий и конкурирующих между собой философских школ позволило христианству, усиленному учением Павла, возвести смерть в ранг чего-то мистического. Смерть человека стала орудием миссионерской пропаганды и психологических манипуляций. Для «злого» и «греховного» существования смерть означала проклятие и вечную агонию в аду, для «доброего» христианина – дальнейшую жизнь, полную блаженства. Обещание «конца света», послания Павла и ветхозаветные пророчества действовали как надстройка этой репрессивной индивидуальной политики. Смерть в христианстве является наказанием божьим за грехи человеческие, начиная с грехопадения Адама, в результате чего появляется неразрешимая проблематика Эроса и Танатоса: негативно коннотированная смерть является окончанием земного существования человека и одновременно предпосылкой для блаженной вечной жизни с богом. В то же время для католической церкви традиционно тело человеческое не имело никакой ценности, жизнь земная по сравнению с жизнью вечной оказывалась для души менее желанной. В дополнение к негативному отношению к смерти прилагалась вера в разделение на «плохие» и «хорошие» души после смерти тела. Массовый страх смерти значительно усиливался страхом мучений грешной души после смерти. Церковная система в первую очередь функционировала как моральная инстанция, которая посредством религиозных догматов регламентировала и контролировала греховную импульсивную инстинктивность человека. Это достигалось, в том числе и благодаря чувству вины, которое с детства воспитывалось в христианах.

По отношению к человеческой импульсивности Платон занимал промежуточную позицию, он видел в ней не только отрицательные стороны. Такое отношение основывается на чрезвычайной важности полумифического понятия «Эрос»: от «низкого» Эроса был отделен Эрос «возвышенный». «Эрос стремится к тому, что должно принадлежать только к благу. Его работа – зачатие прекрасного как в теле, так и в душе. Для Платона любое зачатие связано, как правило, с попыткой преодоления ко-

нечности, смертности человека» [8; с. 39]. Воспроизведение является для Платона чем-то «вечным и бессмертным», причем стремление к такому бессмертию должно трактоваться как нечто благое. Следовательно, Эрос оказывается направленным к бессмертию, к бесконечности. Эта диалектика Эроса и смертности позднее нашла свое онтологическое обоснование: обе сферы принадлежат к «вечным идеям», но из-за своей разнополярной направленности являются преходящими. Но Эрос никоим образом не может быть отделен от человеческой жизни, по своей сути он стремится перехитрить смерть. Необходимое стремление к бессмертию дано в репродуктивном стремлении всех живых существ, суть которого находится не в индивидуальном, а в дальнейшем культурном развитии. Потому что бессмертным делает человека именно то, что Эрос порождает в культуре, а не то, что порождает сам человек.

Долгое время в дискуссии об Эросе и Танатосе доминировала перспектива христианской онтологии, которая подразумевала девальвацию человеческого тела и его побуждений. Бытие как целое было поставлено в зависимость от разумного отношения между духом и телом.

Метафизика воли, которая в отличие от метафизики разума существенно важными силами считает человеческие инстинкты, была именно тем толчком, который заставил философскую мысль снова обратиться к платоновскому понятию «Эрос». Бескомпромиссный атеизм стал тем фундаментом, который сделал возможной дискуссию Эроса и Танатоса как отношения собственной смертности к ценности бытия, без христианского приукрашивания смерти. Человек больше не рассматривался как часть божественного творения, вместо этого разум постулировался как орудие универсальной воли, всего лишь ее инструмент, индивидуализированный в человеке. Эта универсальная воля стала первичной субстанцией, наделенной всеми божественными характеристиками. Танатос как смерть в данном случае означает преодоление воли самой себя ради собственного возрождения. В результате такого хода мысли вопрос о мотивации воли к жизни становится неразрешимым, принимая во внимание тот факт, что после смерти, по всей видимости, нет ничего, кроме воли.

Шопенгауэр в своем трактате «Метафизика половой любви» [см. 5] в традиции Платона определил тоску (желание) объединения и слияния в единое целое, то, что ощущают влюбленные, как индивидуализированный сексуальный инстинкт и наделил его таким же статусом, как и инстинкт к самосохранению. Оба инстинкта являют собой два совершенно различных проявления воли к жизни. При этом половая любовь, сексуальность, представляется Шопенгауэром как «демоническая», которая создана для того, чтобы все запутать, перемешать и перевернуть. Хотя выживание человеческого вида напрямую зависит от полового влечения, Шопенгауэр выступает за его практическое отрицание. При этом он превозносит смерть в ранг моральной необходимости, которая ведет к про-

буждению «ото сна жизни» и исправляет ошибочное бытие каждой индивидуальности. Двойственность положения воли проявляется в том, что, с одной стороны, Шопенгауэр определяет человеческий страх смерти как обратную сторону воли к жизни и, следовательно, иллюзорную, а другая сторона – в смысле платоновской теории идей – является выражением того, что в людях есть нечто, что смерть не может уничтожить, таким образом, страх смерти является выражением врожденной воли к жизни.

Противоречивость теории Шопенгауэра находит свое отражение в положительной оценке, как Эроса, так и Танатоса, в том смысле, что они создают нечто постоянное, хотя это – то есть весь род человеческий – по существу представляет собой лишь иллюзию. Как сомнительное утешение Шопенгауэр постулирует то, что подавленные природные силы снова избавляются от материи уставшего организма, тем самым осуществляя непосредственное представление своей сущности – абсолютной воли. Другими словами, все это не касается существа отдельной индивидуальности, а имеет отношение только к воле как таковой. Эти (безличные) переживания, которые снова и снова облачают волю во все более совершенные формы, Шопенгауэр называет «палингенезией». Смерть представляет собой индивидуальную и исторически-видовую возможность «больше не быть «Я», она освобождает от чистой индивидуальности, по смыслу ее можно приравнять к буддистской нирване, состоянию отрицания воли. Здесь раскрывается неоднозначность понятия смерти: с одной стороны, смерть означает освобождение от подчиненной воле телесности, с другой стороны, поглощение «вселенской волей» и «преодоление мира смерти». Ведь нирвана, согласно буддийской традиции, представляет собой состояние, в котором не существует ни рождения, ни смерти.

Однако в позиции Шопенгауэра остается неясным, является ли гарантированное через эротику или смерть продолжение человеческого рода приемлемым утешением или должно быть полностью отвергнуто. Как и позднее Фрейд, Шопенгауэр определял человеческую смертность как необходимость жизни, хотя с другой стороны видел в этом морально необходимую дополнительную жизнь и смерти. Можно сказать, что Шопенгауэр создал антропологическую диалектику жизни и смерти, которая основывалась на предположении о том, что человеческое бытие имеет долг перед самим собой, рождение и смерть имеют функцию «периодически выплачиваемого долга». Акт продолжения рода, согласно Шопенгауэру, является выражением утверждения воли к жизни, и одновременно условием долгового обязательства перед природой, сатисфакция которого суть смерть.

Исходя из этой дефиниции Эроса и Танатоса, развиваются и воззрения Ницше по этому вопросу, которые впоследствии послужили основой для фрейдистской категоризации Эроса и Танатоса. В «Веселой науке» [см. 1] Ницше четко сформулировал диалектику Эроса и Танатоса как отношений воли к жизни и воли к смерти, или к ничто. Он разработал

критику морали и теории познания, которая исходит из необходимости заблуждения (отсутствия истины) в качестве основного условия жизни. Видимость и иллюзия имеют не только эстетическую функцию, но и встроены как стратегии в структуру человеческой жизни как таковой. Ницше вводит эту теорию на основе двух мифологических фигур Аполлона и Диониса: в то время как миф об Аполлоне включает в себя определение мировой воли в смысле христианского понимания человеческого существования, дионисийское является воплощением воли злой, иррациональной и безудержной. «Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя – скоро умереть» – ответ в духе Диониса на вопрос, что для человека самое лучшее» [3; с. 54].

Но противопоставленность дионисийского и аполлонического отсылает не к проблематике, которая позже в контексте теории Фрейда была названа «Дуализм Эроса и Танатоса». Обе категории рассматриваются как «вечные истины» творца художника: «Фрейдистское противопоставление в большей мере соответствует эротоморфическому искусству и танатоморфическому познанию. Последнее убивает действие, к действию относится сокрытое бытие в качестве иллюзии... Здесь, в этой огромнейшей опасности воли, привязалась как спасающая, исцеляющая волшебница, искусство: только оно может превратить омерзительные мысли об ужасе и абсурдности бытия в представления, с которыми можно жить» [8; с. 62].

Согласно мнению Ницше, жизнь по своей глубинной сути «бессмысленна» и «жестока», так что такую истину следует еще приукрасить. Исходя из этого в «К генеалогии морали» [см. 2] в контексте критики христианской морали, которая является враждебной самой жизни, Ницше заявляет, что причиной гибели любой вещи является акт самопреодоления, и такова воля, закон жизни, закон необходимого преодоления самого себя сокрыт в самой сущности жизни.

Негативная оценка Ницше индивидуализированного человеческого бытия, которая отмечается и во фрейдистском влечении к смерти, через неявно сформулированное понятие Эроса образует единство человека и природы, которое становится возможным благодаря искусству. Этому восходящему еще к Платону понятию Эроса в дальнейшем Фрейд дал биологическое основание. Ницшевское вопрошание о мире следовало из ценностной перспективы, при котором он пришел к выводу, что мир и реальность человека, учитывая его конечность, обещающую опыт вечности, кажутся ничтожными и бесполезными. Тому, кто не верит в «вечное» как в трансцендентное в конечном итоге остается «ничто».

Человеческий интеллект как инструмент познания был Ницше отклонен, как неспособный обеспечить человека истиной. Эта непознаваемость истины, тот факт, что истины не существует для искателей истины, в отличие от профанных обывателей, является недопустимым и не-

избежно ведет к страданию. Тем не менее, это осознание нуждается, по крайней мере, в понимании того, что жизнь могла бы означать, того, что образует основу мистического религиозного опыта. Христианский, религиозный путь вследствие постулируемой «смерти бога» для Ницше является априори недопустимым. В конечном итоге вопрос о том, что же человеку делать с этим «страданием от истины» становится актуален как никогда. Эта ситуация может быть разрешена только путем придания этому страданию смысла.

Мир сам по себе для Ницше является произведением искусства и, следовательно, эстетически оправдан. Тем не менее, это не устраняет страдания человека, который после смерти бога для собственного душевного равновесия требует хоть какого-то ответа на вопрос о вечности. В «Так говорил Заратустра» [см. 10] Ницше создал один из возможных ответов, предложение смысла для человека, ориентир в этом эстетически оправданном мире с мертвым богом. Этот ответ атеистичен и центрирован на человеке: для всего человек может, хочет и должен стать возможностью и условием существования. Радикальное мировоззрение Ницше сфокусировано на человеке, даже вечность, бесконечность и святость: «Всякая реальность по отношению к себе является атеистической, и эта позиция становится собственным внутренним состоянием. Человек – центр мира. Он должен создать смысл из самого себя... На этом полном насилия «законе» сооружается новый храм руками конечного земного человека, который в своих конечности и смертности, и именно по их причине, становится святым...» [7; с. 191].

По причине своей постоянной изменчивости мир, а, следовательно, и реальность, не могут обеспечить никакой уверенности и истинности. Следствием этого, в конечном итоге, становится «отвращение к бытию». Выход из сложившейся ситуации Ницше сформулировал в своей концепции воли: достоверность воли в человеке позволяет принять, активно утверждать эту бессмысленность.

Но это чувство не может быть редуцировано к чисто психологическому понятию воли, оно проявляется совершенно иначе. Ницше предпринял попытку сформулировать учение, которое можно назвать альтернативным вариантом действий после смерти бога. Его новые моральные ценности являют собой «новое самоопределение через искусство, через любовь к судьбе и через бесконечную самоинтерпретацию» [7; с. 194-200]. Но «воля к власти» не является просто онтологическим решением, а раскрывает совершенно новую мораль. Самоинтерпретация подразумевает принятие человеком концепции вечного возвращения одного и того же, и пока она им утверждается, он действует, согласно Ницше, «морально», что значит в интересах собственной жизни. Для Ницше искусство – это желание жизни, ее утверждение, даже если они выражаются с различной степенью интенсивности. Искусство перенимает то множество чувств и эмоций, которое было сгенерировано религией, но наполняет

их еще более духовным содержанием.

Искусство – это моральное средство против отвращения к жизни, оно помогает жить дальше даже после горького нигилистического опыта. «Воля к власти», таким образом, означает не что иное, как волю к жизни. Превознося свою жизнь и свое окружение до уровня произведения искусства, индивид получает способность наслаждаться этим вечным «полным боли» существованием. При этом речь не идет об эстетической красоте, так как даже безобразным можно «восторгаться и страдать». Произведения искусства позволяют человеку хотя бы на мгновение забыть о своей боли и о тщетности этого мира. Действительно важным становится решение, в котором утверждающийся нигилизм может превратиться в смысл и ценность. Искупительный аспект учения о вечном возвращении являет себя в принципе «amor fati»: любовь к собственной неотвратимой судьбе, которая только посредством утверждения может стать свободой [7; с. 194-200].

Несмотря на веками неугасающий интерес к теме жизни и смерти, впервые свое категориальное определение Эрос и Танатос обрели не так уж давно – в обоснованной Зигмундом Фрейдом теории влечений. Основанием для этой «мифологической теории», как он сам ее называл, послужили учения, прежде всего, Эмпедокла, Платона и Шопенгауэра [8; с. 14]. В «Неизбежна ли война?», письме, написанном Эйнштейну, он формулирует свою теорию влечений следующим образом. Человеческие влечения возможны только в двух модификациях: или то, которое стремится к объединению и сохранению – он называет его «эротическое», с отсылкой к Платону – или то, которое стремится к уничтожению и разрушению, которому Фрейд дал название «влечение к смерти» [4; с. 381-386].

Впоследствии Фрейд в своем исследовании «По ту сторону принципа удовольствия» [см. 4] представил довольно спорную концепцию влечения к смерти, которая, из-за своего слишком уж спекулятивного характера, так и не смогла обосноваться ни в теории, ни в практике психоанализа [9; с. 28]. При этом изменилось как содержание его ранней теории влечений, так и его подход. Его ранняя модель в качестве аргумента в свою защиту использовала довольно популярное и распространенное разделение на голод и любовь, и здесь различие проходило между внутренними и внешними стимулами, которое впоследствии было заменено на различие между влечениями Я (инстинкт самосохранения) и либидинозными влечениями. Введение в теорию влечения смерти, по мнению Фрейда, должно было разрешить те проблемы, возникающие непосредственно из клинического опыта, которые при опоре на ранние теории решить не удавалось. Вот как сформулировал Фрейд определение Танатоса, влечения к смерти, которое было представлено в вышеупомянутом письме к Эйнштейну: «...это влечение заключено внутри каждого живого существа и направлено на то, чтобы разрушить его, снова свести жизнь к состоя-

нию неживой материи. Это влечение с полной серьезностью заслуживает названия влечения к смерти, тогда как эротические влечения представляют собой стремление к жизни. Влечение к смерти становится разрушительным влечением, когда оно с помощью особых органов обращается наружу, против объектов. Живое существо, если можно так выразиться, сохраняет свою жизнь тем, что разрушает чужую» [4; с. 385].

В то время как это деструктивное влечение угрожает человеческому принципу сосуществования, эротическое проявляет себя двояко: с одной стороны, оно лежит в основе культурного объединения людей, с другой – несет в себе угрозу для этого объединения со стороны либидинозных, эгоистических требований индивида, которые также исходят от Эроса. Важнейшую проблему Фрейд – как и Ницше – видел в конфликте человека и природы: сущности влечения и ограничений, налагаемые культурой. Здесь становится явной радикальность данной теории – сексуальность и агрессивность наделяются статусом фундамента человеческой природы, которые не могут ни полностью удовлетвориться в рамках культуры, ни вообще полностью быть распознанными [8; с. 15]. Таким образом, Фрейд разработал теорию, в которой Эрос и Танатос оппонируют друг другу, причем влечение к смерти носит универсальный характер. То, что в ницшевском понятии воли к власти предстает как внутреннее противоречие, а именно принцип отрицания при одновременном единстве Эроса и Танатоса, завершается фрейдовской дуалистической концепцией, причем отрицание связано с влечением к смерти.

Согласно психодинамической точке зрения Фрейда, человеческое поведение полностью мотивировано интрапсихическими силами влечений. Действия возникают из биологически детерминированных и наследственных влечений и попыток разрешить конфликты между личными потребностями и общественным требованием соответствия социальным нормам. Целью действия является редукция напряжения, которое создается мотивационными силами. Мотивация является ключевым понятием психодинамической концепции – физическое возбуждение, конфликты, фрустрации дополнительно наделяют действия энергией. Согласно данной модели, организм перестает реагировать или действовать только в том случае, если его потребности удовлетворены, и силы влечений минимизированы [11; с. 11].

Фрейд пытался опереться на биологические соображения при обосновании существования влечения к смерти, чья задача – возврат органической жизни к первичному неорганическому состоянию. Именно эта попытка биологизации Танатоса вызвала в дальнейшем дискуссии не только в области психоанализа, но и в области философии. В своем клиническом опыте Фрейд столкнулся с такими феноменами как мазохизм, регрессия к раннему либидинозному объекту, фиксация на травмах и навязчивое повторение травматического опыта, которые и привели его к мысли о существовании влечения к смерти, принуждающего людей к

агрессии и деструктивному поведению. Этот «примитивный порыв» был им определен как то, что неизбежно заставляет каждое живое существо следовать закону энтропии и стремиться к возврату в неорганическое состояние.

Процесс культурного развития в классическом психоанализе рассматривался как параллельный эволюции процесс доминирования над жестокостью природы посредством легитимации человеческой морали. Но приговор Фрейда был таков: между этими двумя одновременными процессами существует непримиримое противостояние, потому что смерть и агрессия, даже в большей степени, чем эротика, являются сущностными характеристиками человеческой природы. Возникновение жизни является не только причиной дальнейшего продолжения жизни, но и одновременного стремления к смерти, жизнь как таковая суть борьба и компромисс между двумя влечениями.

Итак, подытожим: Эрос, как его определяет Фрейд с отсылкой к учению Платона, выполняет конструктивную функцию в культуре, обеспечивает прогрессивное развитие внутри общества, причем он находится в состоянии перманентного противостояния к деструктивному влечению, которое для человека, по мнению Фрейда, является врожденным. Эта концепция о двух влечениях является ключевым моментом не только для теории Фрейда, но и для всего поля исследований, охватываемого понятиями Эроса и Танатоса в целом. В действительности заключение о существовании влечения к смерти невозможно обеспечить значимыми эмпирическими данными [6; с. 129]. Такие факты как агрессия и деструктивность продолжают проявляться в нашем обществе и, как кажется некоторым, с еще большей интенсивностью. Поэтому мыслители различных областей науки и философии не спешат отбрасывать в сторону, хоть и спекулятивную, конструкцию Танатоса. Дискуссия в основном продолжается относительно самой сущности влечения к смерти – является ли Танатос, как считал и сам Фрейд, биологическим врожденным инстинктом, или приобретается в процессе социализации. Как бы там ни было, а консенсуса в этом вопросе так и не удалось достичь, а отсутствие решения, как правило, еще больше подогревает интерес к поставленной задаче.

References:

1. Ницше Ф. Веселая наука / Пер. с нем. М. Кореневой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 352с.
2. Ницше Ф. К генеалогии морали: полемическое сочинение / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. – М.: Академический проект, 2007. – 398с.
3. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Пер. с нем. Г.А. Рачинского. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 208с.
4. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с нем. / Сост., послесл. и коммент. А.А. Гугнина. – М.: Прогресс, 1992. – 569с.

5.Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Пер. с нем. Ю. Айхенвальда. – СПб.: Азбука-классика, 2011. – 224с.

6.Bartosch E. Ganz normal pervers? In: Eros und Thanatos. Die Weise von Liebe und Tod. Hg. v. Anton Szanya. Wien: Picus-Verlag, 1994. – S. 102-135.

7.Ferschl R. Der Schmerzensmann. Religiöser Atheismus im zur Veröffentlichung bestimmten Denken Friedrich Nietzsches. Der Denkweg der Verlagerung der Ewigkeit in der Innerlichkeit als Erlösung vom Leiden. Ein Beitrag für Alle und Keinen. Dipl. Arbeit, Wien, 1997. – 234 S.

8.Irion U. Eros und Thanatos in der Moderne. Nietzsche und Freud als Vollender Eines anti-christlichen Grundzugs im europäischen Denken. (Epistemata. Würzburger wissenschaftliche Schriften: Reihe Philosophie, Bd. 101). Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 1992. – 284 S.

9.Liessmann K.P. Liebe-Wahnsinn-Tod. Vom edlen Gefühl zur moralischen Verworfenheit. In: Eros und Thanatos. Die Weise von Liebe und Tod. Hg. v. Anton Szanya. Wien: Picus-Verlag, 1994. – S. 12-34.

10. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra / 18. Aufl. mit Nachwort von Walter Gebhard. – Stuttgart: Kröner, 1988. – 408 S.

11. Zimbardo P.G., Gerrig R.J. Psychologie. Hg. v. Siegfried Hoppe-Graff u. Irma Engel. 7., neu übers. u. bearb. Berlin: Aufl. Springer-Verlag, 1999. – S. 521-548.

**FOOD PROGRAM AS A MECHANISM TO ENSURE FOOD SECURITY
IN THE USSR: A HISTORICAL ANALYSIS**

¹ Zinaida Pereselkova

*¹ Candidate of historical Sciences, senior lecturer
Federal State Educational Government-financed Institution of Higher
Professional Education "Orenburg State University"*

Abstract

The article is devoted to the World Food Program of the USSR, as the most important state-party projects, guide the development of agriculture in the country in the 1980s. On the example of the Orenburg region shown measures aimed at its implementation, the results of their implementation.

Keywords: Food and Soviet agricultural policy, agriculture, economic growth, profitability, cost of goods sold.

Продовольственная безопасность является важнейшим элементом национальной безопасности государства. Продовольственная безопасность – постоянная способность государства и общества обеспечивать доступность продуктов питания для всего населения в количестве и качестве, необходимом для активной и здоровой жизни [1, с. 289]. Она выступает одной из главных целей экономической политики государства, а для ее достижения зачастую происходит смена приоритетов развития и механизмов реализации аграрной политики.

На рубеже 1970-1980-х годов в сельском хозяйстве СССР, наряду с успехами отчетливо проявлялись признаки аграрного кризиса. Темпы роста производства продовольствия существенно отставали от темпов увеличения инвестиций, фондов, материальных ресурсов. Постоянный рост издержек производства приводил к увеличению себестоимости продукции и снижению рентабельности. Установленные Госпланом СССР объемы заготовок сельхозпродукции были напряженными для производителей и наносили ущерб дальнейшему расширению производственной деятельности. При выполнении пятилетних планов в целом по стране, отдельные хозяйства, районы не выполняли установленные задания и недодавали государству значительные объемы ожидаемой от них продукции.

В докладе на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь Коммунистической партии Л. И. Брежнев отмечал, что в стране не обеспечивается спрос на наиболее ценные продукты питания (мясо, молоко, рыба, овощи, фрукты), а в ряде районов имеют место перебои в торговле продовольственными товарами [2, с. 3]. Продовольственная

проблема и в хозяйственном и в политическом плане определялась правительством центральной проблемой текущего десятилетия. В связи с этим, было принято решение принять Продовольственную программу СССР на период до 1990 года.

Разработка программы велась примерно в течение двух лет. Важнейшими целями партии и государства этот документ провозглашал обеспечение устойчивого снабжения населения всеми видами продовольствия, расширение ассортимента продуктов питания и улучшение их качества [3, с. 11]. Для решения этих задач намечалось увеличить основные производственные фонды в сельском хозяйстве в 1,5 раза, энергетические мощности – в 1,6 раза, поставки селу минеральных удобрений – 1,7 раза [4, с.11]. При этом акцент в аграрной политике переносился на отдачу от капитальных вложений и рост продуктивности сельского хозяйства. К 1990 году планировалось повысить производительность труда в колхозах и совхозах примерно в 1,5 раза, а производство сельскохозяйственной продукции с гектара земельных угодий увеличить не менее чем на одну треть.

Интересно, что ни в официальных документах, посвященных Продовольственной программе, ни в научных изданиях, вышедших вскоре после ее принятия, не проводился конкретный анализ ситуации, вызвавшей дефицит продовольствия в СССР. Среди основных причин, приведших к трудностям со снабжением населения продовольствием одинаково назывались: во-первых, несоответствие между ростом денежных доходов населения и темпов прироста сельхозпродукции (т.е. доходы граждан позволяли им покупать куда больше продуктов питания, чем таковых производилось); во-вторых, указывалось на значительный отток сельского населения, и как следствие, увеличение покупок продовольственных товаров в государственной торговой сети, при этом не рассматривалось, чем было вызвано столь массовое переселение сельских жителей в города [5]. Принятие Продовольственной программы мотивировалось важностью повышения благосостояния, удовлетворения растущих потребностей советского человека. В частности, предлагалось сбалансировать рацион питания по основным питательным веществам и обеспечить следующие нормы потребления (табл.).

Таким образом, необходимость этих действий обосновывалась не столько растущими проблемами в развитии сельского хозяйства, сколько несовершенством структуры рациона питания.

Продовольственная программа была разработана и утверждена в качестве одного из важнейших директивных документов, она послужила базой для разработки региональных программ развития продовольственного комплекса. Рассмотрим ее реализацию на примере Оренбургской области, относящейся территориально к Южноуральскому региону и являющейся крупным сельскохозяйственным субъектом РФСР. Разработанная на десятилетний срок, Продовольственная программа предусмат-

ривала максимальные возможности увеличения производства сельскохозяйственной продукции в каждом колхозе, совхозе, личных подсобных хозяйствах и других сельскохозяйственных предприятий области [7, с. 3].

Таблица 1

Потребление продуктов питания в СССР (на душу населения в год, кг)
[6, с. 404]

Наименование продуктов	1980 год	1985 год	1990 год
Мясо и мясопродукты	58	62	70
Рыба и рыбопродукты	17,6	18,7	19
Молоко и молочные продукты	314	318	330-340
Яйцо (шт.)	239	253	260-266
Растительное масло	8,8	10,4	13,2
Овощи и бахчевые	97	110	126-135
Фрукты и ягоды	38	49	66-70
Картофель	109	115	110
Сахар	44,4	44,9	45,5
Хлебопродукты	138	137	135

Работа в Оренбургской области над выполнением Продовольственной программы началась фактически в 1983 году, и поначалу была весьма результативной. Для экономического стимулирования сельскохозяйственного производства, утвержденного майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, в 1983 году были значительно повышены закупочные цены на продукцию земледелия и животноводства. Была установлена надбавка в сумме 135 млн. рублей на продукцию, реализуемую государству низко-рентабельными и убыточными хозяйствами. С целью облегчения финансового положения колхозов и совхозов области с них было списано и отсрочено 570 млн. рублей задолженностей [8, л. 70]. В том же 1983 году колхозы и совхозы Оренбургской области собрали с каждого гектара посева зерновых культур по 14,9 центнера урожая. Успешно были выполнены планы закупок животноводческой продукции. Сверх плана продали государству молока 39 тыс. тонн, яиц 25,5 млн. штук, скота и птицы 1088 тонн и шерсти 245 центнеров в чистом волокне. Прибыль колхозов и совхозов составила 295 миллионов рублей [9, л. 72].

За годы XI пятилетки в колхозы, совхозы и другие организации областного агропромышленного комплекса было вложено 2484,3 миллиона рублей, стоимость основных фондов сельскохозяйственного назначения увеличилась на 615,2 миллиона рублей, а среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции в сравнении с X пятилеткой уменьшилось на 106 миллионов рублей, фондоотдача в 1985 году составила 33 копейки, что на 21,5 процента ниже, чем в 1980 году [10, л. 235]. В то же

время существенно выросла себестоимость основных видов продукции сельского хозяйства [11, с. 48].

Рост себестоимости сельскохозяйственной продукции был вызван снижением производительности труда рабочих совхозов и колхозников с 7806 рублей в среднем за X пятилетку до 7142 рублей в XI пятилетке [12, л.114]. При этом среднемесячная зарплата сельских тружеников за этот же период существенно выросла (с 102 до 182 рублей у колхозников и с 142 до 192 рублей у рабочих совхозов) [13, с. 29].

В Докладе на IV сессии областного совета народных депутатов от 11 декабря 1985 года « О плане экономического и социального развития области на 1986 год и выполнении плана в 1985 году» отмечалось, что за годы XI пятилетки Оренбургская область недодала государству зерна – 8991,6 тыс. тонн, подсолнечника –213 тыс. тонн, картофеля –91 тыс. тонн, скота и птицы –108 тыс. тонн, шерсти –131 тонну [14, л. 339]. Еще ранее, 30 июля 1985 года в Совет Министров РСФСР, по инициативе Оренбургского областного комитета КПСС и областного исполнительного комитета была подготовлена Записка « О плане заготовок зерна хозяйствами области в 1986-1990 годах». В ней изложена просьба об установлении для области реальных объемов закупок зерна на этот период. Просьба обосновывалась тем, что в условиях недостаточного и неустойчивого по годам выпадения атмосферных осадков за последние двадцать лет (с1965 по 1985 год) урожайность зерновых культур в области в среднем составляла лишь 10,8 центнеров с гектара. А достижение в X пятилетке средней урожайности 13,1 центнера с гектара объяснялось увеличением пашни под зерновые культуры с 4530,8 до 4813,1 тысяч гектар (76 процентов от всей посевной площади сельскохозяйственных культур) [15, л. 98]. Оренбургский обком КПСС и облисполком просили рассмотреть вопрос об установлении плановых объемов закупок зерна на 1986-1990 годы в количестве 3300 тыс. тонн ежегодно, при среднегодовой урожайности зерновых культур до 15 центнеров с гектара [16, л. 100]. Такой объем закупок зерна рассматривался ими как временная мера, крайне необходимая в период перехода к интенсивным способам ведения земледелия. Однако и эти объемы сельскому хозяйству Оренбургской области оказалось невыполнимы. В 1990 году закупки зерновых во всех категориях хозяйств области составили только 2708 тысяч тонн, при урожайности 14,4 центнера с гектара [17, л. 114].

Продовольственная программа не решила кадровых проблем села. Продолжался отток жителей деревни в города. С 1979 по 1990 годы городское население (в основном потребители продуктов питания) увеличилось на 163,4 тыс. чел, а сельское уменьшилось на 68,7 тыс. человек и стало составлять 34.9 процентов в общей численности населения Оренбургской области [18, л. 25]. Значительно обострялся дефицит кадров в период напряженных полевых работ. Поэтому продолжалась практика привлечения рабочих и механизаторов из городов и рабочих поселков.

В вопросе выполнения заданий Продовольственной программы важнейшим показателем является потребление продуктов питания на душу населения, так как именно этот аспект являлся центральным в процессе ее разработки. В аналитическом обзоре за 1989 год «Уровень экономического и социального развития Оренбургской области» приводятся данные по потреблению продуктов питания на душу населения, согласно которым показатели Продовольственной программы были достигнуты по обеспеченности населения области молочными и хлебобулочными изделиями, с превышением необходимого уровня. По остальным видам продукции наблюдалось отставание [19, л.34].

В целом, анализ состояния сельского хозяйства Оренбургской области в 1980-е годы показывает, что коренного перелома в экономическом и социально-культурном развитии области не произошло. Экономика на селе во многом продолжала оставаться экстенсивной, ориентируясь, как и прежде, на валовые показатели. Ее структура сохраняла в основном затратный характер. Продовольственная программа не затронула основ производственных отношений. Вместе с тем, несмотря на определенные неувязки, она являлась документом государственной важности, коренным образом отличаясь от разрабатываемых ранее пятилетних и годовых планов развития сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. Продовольственную программу можно оценить как масштабную реформу, направленную на развитие сельского хозяйства стран в условиях сохранения основ аграрной и продовольственной политики КПСС.

References:

1. Большая актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А.В. Беяков, О.А. Матвейчев. М.: Эксмо, 2009.
2. Брежнев Л.И. О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1982 года. М.: Политиздат, 1982.
3. Продовольственная программа: нормативные акты. М.: Юрид. лит-ра, 1984.
4. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы Майского пленума ЦК КПСС в 1982 году. М.: Политиздат, 1984.
5. Продовольственная программа: проблемы разработки и реализации. / Отв. ред. В.А.Тихонов. М.: Наука, 1983. С. 11-12; В. В. Дюков. Аграрные отношения развитого социализма и реализация Продовольственной программы. Казань: Изд-во Казанского университета, 1985. С. 126; Продовольственная программа: нормативные акты. М.: Юрид. лит-ра, 1984. С. 9-10 и т.д.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 14. Апр. 1981 г. – дек. 1982 г. М.: Политиздат, 1983.
7. Продовольственная программа Оренбургской области на период до 1990 года и пути ее реализации. Оренбург, 1983.
8. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 90. Д. 403.
9. Там же.

10. Центр документации новейшей истории Оренбургской области – далее ЦДНННОО. Ф. 371. Оп.97. Д.54.
11. Оренбургская область в 11 пятилетке. Стат. сб. Оренбург, 1986.
12. ЦДНННОО. Ф. 371. Оп. 97. Д. 171.
13. Основные показатели развития отраслей АПК за 1966-1989 годы. Оренбург, 1990.
14. Государственный архив Оренбургской области – далее ГАОО. Ф. 1014. Оп. 4 Д. 2146.
15. ЦДНННОО. Ф. 371. Оп. 88. Д. 87.
16. Там же.
17. ЦДНННОО. Ф. 371. Оп. 97. Д. 665.
18. ЦДНННОО. Ф. 371. Оп. 97. Д. 87.
- ЦДНННОО. Ф. 371. Оп. 97. Д. 639.

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF SOCIAL EDUCATION IN RUSSIA**

¹ Karina Khadisova

¹ *Post-graduate student, Chechen State University*

Abstract

This article tells us about historical development of social education in Russia. The author investigated the main stages and key features of development of social education in Russia.

Keywords: philanthropy, social education, patronage activity.

Социальное образование в России имеет свой путь исторического развития. Необходимость обращения к исследованию российской истории социального образования обусловлена важностью раскрытия теоретико-методологических подходов становления и развития отечественной системы образования, а также роли общественных и частных инициатив, земского движения в формировании как государственного, так и неправительственного сектора по подготовке квалифицированных кадров для нужд социальной сферы.

Изучением данной проблематики занимались такие исследователи как Е. В. Максимов (Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894), (Очерк земской деятельности в области общественного призрения. СПб., 1895), А. Стог (Об общественном призрении в России. СПб., 1818), Е. Голубинский (История русской церкви, 1900), Н. М. Карамзин (История государства Российского, 1816-1829 гг.), С. М. Соловьев (История России с древнейших времен. СПб., 1851-1879) А также и современных исследователей теории и истории социальной работы: Е. И. Холостова (Генезис социальной работы в России. М., 2009), М. В. Фирсов (История социальной работы. М., 2006 Антология социальной работы. М., 1999), В. В. Тевлин (Образование в области социальной работы в России: история, тенденции, опыт. М., 2002), Л. В. Бадя (Исторический очерк опыт социальной работы в России. М., 1994) и др.

История социального образования в России базируется в традициях милосердия и добровольной благотворительности, на духовно-нравственных идеалах, на богатом арсенале социально-образовательных и социально-воспитательных практико-ориентированных разработок.

Система социального образования в России складывалась на протяжении столетий. Принятие христианства на Руси способствовала созданию специальных школ для священников, строительством храмов и мо-

настырей. К. В. Кузьмин и Б. А. Сутырин пишут, что: «Стоглавый Собор в 1551 г. постановил расширить сеть училищ по городам, поручив это духовенству» [2, С. 386]. Причем кроме богословия в этих училищах преподавались такие дисциплины как грамматика, риторика, философия, греческий и латинский языки и эта программа обучения впоследствии положила основу для появления позднее Славяно-греко-латинской академии. Не менее интересный факт состоит в том, что «в 1654 г. была открыта медицинская школа для стрелецких детей, и как считают исследователи, программа была рассчитана на 4 года и соответствовала программам медицинских факультетов западных университетов» [3, С. 586].

В период петровских реформ актуализируются проблемы профессионального нищенства. Проект «О мерах государственного призрения указ» раскрывал подходы к социальному образованию на основе государственных потребностей, поскольку среди важнейших государственных задач являлась локализация профессионального нищенства посредством обучения нищенских детей, детей-сирот и подкидышей – «робят и девок». Их обучали специальным ремеслам: шелковым, суконным, часовым и т.п. Строились специальные училища и богадельни» [2, С.255].

Новый этап социального образования был связан с деятельностью воспитательных домов в России. И.И.Бецкий, ознакомившись с системой воспитательных домов в Милане, Лионе и Париже, предложил проект российских воспитательных домов. Первый такой дом был открыт в Москве в 1764 г., а в Петербурге – 1771 г. В 1801 г. императрицей Марией Федоровной при участии П.А. Демидова в Санкт-Петербурге был учрежден Повивальный институт, в нем обучались девушки из бедных семей. Императором Александром I специально был приглашен доктор В. Гаюи, который в 1806 г. открыл первый институт для слепых, в котором преподавались различные науки, ремесла и музыка. В 50-60 гг. XIX в. отмечалось расширение училищ для лиц с ограниченными физическими возможностями, во многом благодаря императрице Марии Федоровны и ее Императорского Человеколюбивого общества. В их заслуги входили организация сиротских училищ, развитие женского образования, создание специальных домов- трудолюбия. Отличительными особенностями этого периода было широкое распространение в России меценатства и филантропов, на средства которых открывались учебно-воспитательные учреждения.

Отмена крепостного права и последующие земские реформы поставили новые задачи перед социальным образованием в России. В земском опыте особый интерес представляет комплексный подход к постановке народного образования, что нашло свое отражение в органичном соединении решения таких важных задач как широкое строительство школьных зданий, формирование учительских кадров, введение прогрессивной образовательной системы, создание сети культурных учреждений: библиотек, книжных складов, народных театров и народных домов. Зем-

скими были созданы сеть аптек, открыты фельдшерские и медицинские курсы; медицина стала входить в крестьянскую среду [4, С.126].

В 1860-1880 гг. крупные благотворительные организации в России (Ведомство учреждений Императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество, Российское общество Красного креста) продолжили работу с «социальными» кадрами, в результате чего, например, наблюдалось существенное увеличение действовавших в стране курсов по подготовке людей, оказывающих социальную помощь. Опираясь на свой учебно-методический и практический опыт, Общество Красного креста активизировало процесс развития сети учреждений сестер милосердия в большинстве губерний страны. Так, в Александровской, Никольской, Покровской, Павловской и иных общинах Красного креста были разработаны планы обучения сестер, в которых тесно переплетались теоретические и практические знания. Программа включала 5-7 дисциплин социального и религиозного характера, которые прививали навыки по оказанию психологической поддержки, развитию повышенного чувства сострадания и самопожертвования, отработывали технологи социально-бытовой помощи [5].

В советский период социальное образование развивается в рамках системы социального обеспечения, где осуществлялось не только воспроизводство кадров для данной отрасли, но и развивалась сеть учреждений интернатного типа, в которых осуществлялось воспитание и обучение детей и взрослых.

Кардинальные изменения в 1990-х гг. в экономической, социально-политической, культурной жизни России требовали осознанного и системного подхода к проблемам социального образования. В этой связи стали актуальными приоритеты развития системы подготовки специалистов социальной сферы как профессионалов, решающих задачи по оказанию адресной, целевой помощи различным группам населения.

За сравнительно короткий срок своего существования специальностей и направлений профессионального образования (обучение в системе высшего профессионального образования начато в 1991г.), подготовка специалистов социального профиля приобрела впечатляющие масштабы. В настоящее время социальное образование предполагает обучение специалистов социальной сферы основным правилам жизнедеятельности человека в обществе, освоение социальной культуры, формирование социального мышления и действия, культуры социальных чувств и культуры социальной организации. Активно развивается система дополнительного образования работников социальной сферы, ведется подготовка преподавателей кафедр, вузов, факультетов социального профиля. Выделяются основные задачи социального образования: профилактика социальных проблем; разработка и внедрение инновационных технологий личностной реализации; реализация социальных технологий в социальных учреждениях и др. В числе главных задач социального образования

выделяют установление «баланса» потребностей человека и общества, что достигается выдвиганием приоритетных ценностей в виде соблюдения интересов человека [1].

Таким образом, мы приходим к выводу, что социальное образование в России имеет длительную историю, представляя собой социокультурную систему, адаптирующуюся к различным изменениям ситуации, открытую к инновациям в социальной сфере жизнедеятельности общества.

References:

1. Вандышева Л.В. Российское социальное образование: тенденции и перспективы развития. // Социальные науки: опыт и проблемы подготовки специалистов социальной работы: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции 11-12 апреля 2006 г./ Под общ. ред. К.В.Кузьмина. Екатеринбург, 2006. 279 с. Вып. 1. Режим доступа: <http://do.teleclinica.ru/206941/>
2. Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России. – М.: Академический проект» 2007. – 568 с.
3. Фирсов М. В. История социальной работы. – М.: Академический проект, 2007. – 645 с.
4. Холостова Е. И. Генезис социальной работы. М.: Дашков и К, 2004. – 267 с.
5. Шрага М. Х. Миссия образования в социальной работе: монография. / Под редакцией профессора – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. 123с. URL: <http://narfu.ru/aan/>

**THEORETICISM AND FACTUALISM AS TRADITIONS
OF UNDERSTANDING THE CONNECTION BETWEEN SCIENTIFIC FACTS
AND THEORY: PROBLEM OF THE SCIENTIFIC STATUS OF PHILOSOPHY**

¹ Petr Makuhin

¹ *PhD, Associate Professor, Omsk State Technical University*

Abstract

The article deals with the factualism of the positivistic tradition, in particular B. Russel's "logical atomism" and the theoreticism of positivism one of the first developers of which was L. Fleck. The author shows that the latest tradition of understanding "scientific facts" gives more reasons to consider philosophy to be a specific but still a science.

Keywords: scientific fact, logical positivism, atomic facts, postpositivism, facts construction, facts of philosophy as a science.

Let us mention another paradox related to the "scientific fact" as such: on the one hand, the central Russian philosophical encyclopedias give the following general definitions: "It is a statement in the logic and methodology of science, which registers the empirical knowledge. The aggregate of facts builds an empirical base for hypothesis advancement and theory creation" [1, P. 272]; "In the philosophy of science, it is a special statement registering the empirical knowledge. As a form of the empirical knowledge, facts are opposed to theories and hypotheses" [2, P. 157], with "the aggregate of facts building an empirical base for hypothesis advancement and theory creation" [2, P. 157], so the task of a theory is "description and explanation of the facts, as well as prediction about previously unknown ones" [2, P. 157]. But on the other hand, this seemingly obvious description produces another difficult question: are there any facts of philosophical science? Any positive or negative answer to it will correspondingly be a weighty argument for confirmation or denial of the scientific status of philosophy. Apart from the purely theoretical importance which shows through the centuries-old discussions on the scientific character of philosophy, this problem also has certain practical importance in the post-Soviet culture with regard to institutionalization of philosophy in the society, and in particular to philosophy remaining in the education system. If philosophy is not a science, how can it be taught in higher education schools the same way as the subjects which actually represent sciences? We discussed the problem in more details in [3]. With the goal being to substantiate considering philosophy a science, we have to prove, in particular, the appropriateness of the use of the term philosophical facts, i.e. facts of philosophy as those of a

science. We are joining the following definition for them: “the original elementary world outlook generalization acting as the empirical level of philosophical knowledge” [1, P. 272]. And we also support the position which states that although philosophical facts differ from those of certain sciences (for instance, philosophical facts “are based on the heterogeneous source representing different activities: the physical world, the living nature, society, the mental and spiritual world, etc.” [1, P. 272]), there is still every reason for recognizing them as facts of philosophical science. Since this approach contradicts such a strong tradition as positivism, which is considered in the unity of its classical, empiriocritical and logical stages, we are going to dwell on it, starting from the first stage. We can agree with B. Bessonov who says the main idea of classical positivism is that “the source of all man’s knowledge is in the positive, i.e. observed facts and indications of our senses, which are classified, distributed and organized by the cognizing subject” [4, P. 188]. During the later development stages of positivism, the idea was radicalized and reached its limit in the idea of the “atomic fact” which is the central notion of “logical atomism” developed in the early works by B. Russel and his follower L. Wittgenstein. According to V. Shvyrev, one of the first Soviet researchers of the neopositivistic interpretation of science, it is “a reality that determines the verity conditions of atomic suggestions” [5, P. 454], and B. Russel spoke of the connection between those suggestions and “interpretation of the facts of sense perception” [5, P. 454], which “finds its development later in the interpretation of the atomic suggestions as suggestions of observation, which was given by logical positivists” [5, P. 454]. In other words, the “logical atoms”, being “logical units” which are indifferent to each other, i.e. elementary statements, correspond to the same kind of isolated atomic facts, indifferent to each other in the same way. If we look back at the B. Russel’s work with a significant title: *The Philosophy of Logical Atomism*, 1918, we can see that he considers it to be “so obvious that it is nearly ridiculous to mention” the thesis stating that “the world has facts which are exactly what they are, regardless of what we prefer to think they are” and that “there are also beliefs ... which are related to the facts and which are true or false when they refer to the facts” [6, P. 7].

However, this “obviousness” was demolished by the criticism of “the logical empiricism” introduced by the postpositivistic philosophy of science in the 1960s – 1970s. We would like to mention that understanding the “scientific fact” not as a self-evidence registered during an observation or experiment but as a result of a social construction process based on a particular style of scientists’ thinking, which comes from certain theoretical premises, was already introduced back in L. Fleck’s *The Genesis and Development of a Scientific Fact*, 1935. The most important thing for us is that he was not only a philosopher of science, one of the founders of the modern sociology of science and social epistemology, but also a doctor, a microbiologist and bacteriologist. And so he illustrated his ideas of the

fundamental influence produced by the collective character of scientific search both on the essence of the theories itself and on what exactly is registered as a “scientific fact” with a rich natural science material (while even today the idea of the theoretical load of the empirical material is still often considered as something related to the humanities only). L. Fleck criticized what he called a myth, widespread even among scientists, or just “a naïve tale” of the experiment and observation: “A man wants to learn something, so he observes and makes experiments, and that’s it” [7, P. 107], which L. Fleck ironically associated with Caesar’s “Veni, vidi, vici” formula and mentioned that scientists “sometimes admit that the first observation was not quite accurate, but the second or the third one certainly ‘complied with the facts’” [7, P. 107]. He believes this seemingly obvious scientific search model to correspond to the reality only in “some quite limited domains of the scientific knowledge, for example, in modern mechanics that uses the facts of routine experience, which have been long known almost to everyone” [7, P. 107]. But it appears no more adequate in any complicated abstract fields of knowledge: “In the newest and still uncertain fields of science which left the routine experience far behind, where we still have to learn how to observe and put questions, the things turn out to be different” [7, P. 107]. But how exactly? To understand that, we refer to L. Fleck’s words saying that every scientific “discovery is inseparably linked with the so-called errors: to understand a particular connection, one should neglect some other connections and allow some contradictions, or should take no notice of them” [7, P. 57]. So his final definition of the scientific fact is “a conceptual structure corresponding the style of thinking” [7, P. 106]. In other words, it is a structure that depends on “the way of thinking” of a particular “thinking community”.

In the modern philosophy of science, the tradition developed by L. Fleck with regard to understanding the connection between the scientific facts and the theory is defined as theoreticism. While factualism, opposed to that tradition and examined by us based on the example of “logical atomism” and, even wider, of the entire positivistic tradition, “states the autonomy and indeterminism of facts with regard to theories” [1, P. 272], theoreticism is based on “the facts depending on the theory, since the latter forms the conceptual basis of the facts and sets a language for their description” [1, P. 272], and then “the facts have a multidimensional (in the epistemological sense) structure” [1, P. 272]. That means the “scientific fact” depends both on the way the facts are registered and interpreted and on the system of the original theoretical and sociocultural guidelines, and so on. All that does not allow us to definitely oppose the natural sciences, as the ones “based completely on facts”, to philosophy as a knowledge which “is not based on facts and therefore is unscientific”. The facts that the interconnection between the empirical and theoretical levels is often difficult to follow in philosophy does not deprive it of its scientific status, for not only the

humanities but also the modern natural science is now in a similar situation.

References:

1. B. I. Jinjolia, Fact // General Problems of the Philosophy of Science: Dictionary for Postgraduates and Applicants. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2007. – P. 272 – 273.

2. A. L. Nikiforov, Fact // New Encyclopedia of Philosophy: in 4 volumes, Volume 4. – Moscow: Mysl Publishing, 2010. – P. 157 – 158.

3. P. G. Makuhin, Modern Russian Debates on the Prospects of Philosophy in the Higher Education System in the Light of the Problem of Its Scientific Status // Young Scientist, USA. Book 4. Humanities. Printed in the United States of America. – Lulu, 2014. – P. 144 – 147.

4. B. N. Bessonov, The History of Philosophy of Science: Textbook. – Moscow: Uright Publishing, 2010. – 395 p.

5. V. S. Shvyrev, Logical Atomism // Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science – Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation Publishing, 2009. – P. 454.

6. B. Russel, The Philosophy of Logical Atomism. – Tomsk: Vodoley Publishing, 1999. – 192 p.

7. L. Fleck, The Genesis and Development of a Scientific Fact // The Genesis and Development of a Scientific Fact: Introduction to the Theory of the Style of Thinking and Thinking Community. – Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Literature, 1999. – P. 25 – 164.

**POST-ENLIGHTENMENT WORLD EXPERIENCE TRENDS AND THEIR
IMPACT ON THE DISTRIBUTION OF THE INDIVIDUAL'S
SOCIAL DEVITALIZATION**

¹ Natalia Doniy

*¹ Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, doctoral student of Social
Philosophy and Philosophy of Education Department, National Pedagogical
Dragomanov University, Ukraine.*

Abstract

The publication pointed out the fact of different quality stages and permanent change of chairmanship of the rational and irrational elements in the World experience of the New time. A human being, passing through these various stages, feeling pressure of changes rational and irrational, constantly is in transitional state and that's why, actually, greater part is as an anomic. Concentrating in itself autonomous and anomic features, a human being lost sensitivity in relation to the existence of other people and got rid of all obligations in relation to society. However, the hustle of autonomous – anomic individuals and indifference of social space for some personalities caused feeling of discomfort, and they were distancing themselves from this order, provoked the distribution of the epiphenomenon of social devitalization.

Keywords: World experience, social space, individual's social devitalization, anomie.

World experience always reflects the interior of a certain historical period which introduces a person into some social space filled with senses. Historical changes constantly provoke the occurrence of qualitatively other space-time interior, other form of life and behavior of a person. In the XXI century individual's social devitalization has become one of the interior-provoked modification of the lifestyle. Jose Ortega y Gasset was the first to speak about it. The individual's social devitalization as a behavioral act was the individuals' review to the World attitude shifts that happened within XIX-XX centuries and generated the defections out of the society.

The choice of individual's social devitalization as the existence strategy is aimed at distancing from the society, narrowing of social interaction's measures. Social devitalization as a process and epiphenomenon shows that a person is tired of being within the chaotically-dynamic social sphere, a person isn't interested and doesn't feel comfortable in the society where everybody pushes and rubs each other. In the full sense the social devitalization is a variation of protest actions directed against large-scaled

rationalization, massivezation and depersonalization.

The aim of the article below is singling out the basic moments in world attitude characterizing the society within the period beginning at the end of XVIII century up to the end of XX century and which served as the foundation and spreading the process of social devitalization.

The world experience is able to capture all the smallest trends presented in the social space, weaving them in the social texture of the age. Substantial social transformation of late Middle ages didn't make easier but on the contrary aggravated the world outlook of the New age with the necessity to win back the autonomy from the authoritarian mode of thinking. The fight with the latter served as basis to output the competition and revolution in all its kinds on the level of central social norm of the New age. Domination of the above mentioned norm started with the scientific-perception revolution actually taking place approximately in the XVII century. In this moment there happened growing of Mind's values and transition to optimistic person's perception of his own opportunities. The Mind's capturing the first positions pushed to conversion of the finite world into infinite, and a person realized gradually his own importance and a remarkable *self* transformed into the criterion of life values.

The next Mind's step was the determination of the 180 points' changes in the positions of the central persons of the Universe. The loss of God's place has become the most perceptible one as it pulled some changes in World attitude paradigm from heteronomy into autonomy where the required self appeared as the Other [see 5, p.11]. Positions' changes has formed an autonomous man and slewed round the searches' of sense of life vector, re-directing the life energy to some other stream: under heteronomy the sense appeared from the outside and a person was only awaiting for some instructions while under autonomy the independent definition of sense has become popular so the person had to work actively not hoping for anyone and awaiting for someone or something. The result of this is: Mind and intelligence determined the substitution of the Middle age fear connected with the finiteness of the world by a new kind – the fear of absence of the sense of life because of the inability to formulate it.

The fundamental characteristics of world outlook within the end of XVIII century up to the end of the XIX century were rationalism and optimism but gradually after a chain of certain revolutions and disasters they became the subjects to criticize. In conclusion after a great number of in absentia discussions there was set some other direction and type of relationships between the society and a man. It defined the re-formatting of rational and irrational.

The edge of XVIII-XIX centuries was the sample of an eclectic combination of old and new and marked the transitional stage to that one which got the title of "The Project of Modern". The edge of XVIII-XIX centuries was also marked by transition from traditional to industrial society that

meant the break from the world attitude formed by a stable economy. In other words there happened a change of world outlook to the one that encouraged achievements in economy, individualism and innovations but ignored the sensitive element. The protestant ethics allowed forcing the economical growth and speeded-up the development of industrial revolution and formation of capitalism.

The main life principle beginning with the mid of XIX century became the economocentrism that provoked the man's alienation from life and according to it "the generic essence of man turns into strange, someone else's essence" [2, p.567], and the life itself transforms into "an enterprise where the income doesn't cover its expenditures" [5, p.297]. The uselessness of one's depth of feelings was substituted by the costs value, property and market and complicated the world attitude system and deprived of the ability to harmonious combination of economocentric society's needs and a man. The result of disharmony of "society's needs – man's needs" was the replacement of man's aim in life into the sphere of social and material achievements.

Irrationalism overset onto the curb because of the neglecting in the economical worldview, has found the way out to tits energy and became dominated in the philosophy, art and culture and in the same time having an opportunity to influence the sphere of daily routine undirected. Instead of classicism with his rational outlook there came irrational and sentimental outlook, which is more known as "The Age of Romanticism". Romanticism showed itself as a victim of thirst to global changes and new relationships and at the same time as a carrier of confusion in a hostile world. The need of thrills generated specific topics in fiction where subjects of over-powerful evil world, of two polar worlds, metaphysical death and individualistic metaphysic revolt became the keynotes.

"Interest to the evil" (A.Musset) and the deployment of non restricted instincts of "love to death" caused the shift in recipient's sympathies to the demonic one, having shifted usual accents in defining good/bad and in reality confirming their mutual relativeness. The tendency to ridicule the good generated the feeling of fading and absence of interest to the world without death and dipping the man into position of boredom, despair and depression.

The next stage of shift in world experience falls onto the period of the edge XIX-XX centuries and starts approximately in 1880. At this moment the eclecticisms of new and old in world attitude stated of itself rather loudly and testified the existence of crisis as a society feature. Again, as it happened at the beginning of XIX cent., the crisis found its reflection in art extremely sharply. One if the main topics became the subject of "the disappearance of soul", the artifice of man's existence and, as a result demonstration of binary attitude to life – as values and as evil. Similar antinomy demonstrated the partial transition from one stage onto another in evolution of the society and the spread of anomy in the society at the beginning of XX century.

Anomy, which is regarded by majority as an indicator of problems with evaluation system, on the level of world attitude is a situation when a person can't share the feeling of solidarity with a certain group because of the feeling and escalation of loneliness. The loneliness of an anomic person is the result of deletion of soulfulness and the indicator of spiritual purity and the existence of present in the coordinate system omitting past and future. An anomic person became the only idol for himself, the highest and the only value. So a person, through the break of the individual's involvement to the society, first becomes a kind of a stranger to a social society and then while transition of the detachment in the form of pathology – absolutely indifferent to the society.

World War I marked by itself the transition to Modern world outlook and new social type where its main characteristic was totality, lately defined as globality. The outlook background set by the crisis of the edge XIX-XX, conditioned the result of the war on the level of the world outlook – a huge avital focus of thoughts through loneliness, loss of illusions and hopes, decay of moral values, absence of the sense of life. It generated apocalyptic world outlook, general anxiety and uncertainty. All these took place on the background of mass intellectual degradation, dullness as constant war satellites as during the war a man is especially inclined to the irrational [1, p.143].

The period between the wars one can consider as “nobody's land” with ill formed social structures and a feeling of mess domination. That's why it's quite naturally that the end of the 20th -30th of XX century is marked as a period of “anthropological catastrophe” in the western countries. This age in the history of mankind marked itself by economic depression and socio cultural chaos. So the 30th of XX century are defined as a period when the mind of the most part of the mankind was charmed by nationalist, fascist and others homicide ideologies and practices. The best minds of this epoch tried to push the society to realize the irrationality of the events. However, most of the appeals were or ignored or not heard that's why social disorientation has moved into the category of constant mass phenomena.

World War II ruined the man's confidence in morality and culture definitively and it's quite naturally there appeared the statement of the scientific world “after Auschwitz”, that the further ignoring of the ontological and anthropological problems becomes dangerous. In this situation there was decided to change the reflective aspect and re-orientation to the way of rationalism.

A man has given the absolute first place to rationalism but didn't realize that having rejected the harmonious unit of rational and irrational he has deprived himself of the ability to percept some divine ideas, decode symbols hidden in the traditional culture and move away the eternal spiritual values which are also devital. The loss of unit of spiritual and moral traditions, the individual's psychological dependence which was provoked by technical

achievements, has become the psychological abyss where the disoriented by the society man was gradually going down.

The society of the second half of the XX century was externally dynamically evolving but in reality it was gradually becoming more static and regressive. Social transformations didn't touch the structural background of the social system, its economical and ideological balance. On the contrary all reformative projects were aimed at keeping the system the way it is – in static balance and stability. The changes in case they took place didn't contain anything new or unexpected and it let us talk of the social involution. The result didn't make us wait long – the 60th of XX century marked the second wave of crisis world outlook with the distinctly incompliance of a person's wishes and needs with those of opportunities and wishes of the society.

Social life got the character of an inert and self centered one, and raised the mind and intelligence to the top of evaluative hierarchy more and more, and a person's life living was going on and on into the deadlock. The life of such person one could scarcely call a life because "without commandments dictating the mode of life, it becomes unrepentant. ... An unrepentant, unclaimed life is the largest life's antipode than a death itself" [3, p.128]. As a result, wandering, a man was alone with him and began to show intent on liberation from himself.

So a feeling of void made a man feel away uncomfortable, he was caught in the company of the similar "alone in a crowd". However, the void can't be empty for a long time that's why the void remained after God's death and the loss of Another, one started filling up with anything whatever one wishes and not paying attention to the quality and the value of the filling. One of the first one who decided to help with filling the void was psychology as a science about the soul and soul treatment. The peak of popularization of psychological practices on self-knowledge fell on the 60th of the XX century. The scale of spreading of psychology showed the presence of social disorientation and instead of psychological health the society got the growth of quantity of mental illness and sensitive insolvent, indifferent people.

Let us remind the first messages as for the growth of the number of indifferent and emotionally non sensitive individuals appeared at the end of the XX century and it signaled that the process of increase of indifference is bilateral. As soon the individual's indifference started to grow the society itself became more and more indifferent towards a man's fortune automatically. Though it's quite possible the development of events was just on the contrary. But it doesn't matter. The thing which is really important is the result of it – the deployment of indifference in the society fluently determined the approximation of the sensuality zone to the zero level and even its total disappearance.

A person's being in the society means bordering: on the one hand it's a stay in the social space and on the other hand it's a stay beyond its borders

and concentration on individual. Tactile sensuality and the feeling of the border allow the person to finely distinguish between Self and society. If one loses this sensitivity there disappears reasonableness of the extent of immersion/ distancing from society.

The fear of the possibility of drowning into the depths of the social forces individuals away from the center of social life and go into a state of “below”, causing loss of socially useful and socially sought after that was appointed over us as social identity devitalization.

The individual’s social devitalization is a response to the chaos of thoughts, feelings and emotions, where person finds himself being in the center of the social space. Summing up we can point to the fact of different quality in stages of Modern times and constant changes in main position of rational and irrational elements in the outlook. Acquiring the features of an autonomous and anomic, a man lost sensuality, got rid of all obligations towards society. The society answered the person indifferently. Such state of relations as “society-individual” can last fairly long, as it’s in some ways a kind of chaos, which in itself means a certain order.

However, a kind of a fight among autonomous - anomic individuals and indifference of social space in some people caused the feeling of discomfort, and they, distancing themselves from this procedure provoked spread epiphenomenon of social devitalization. Thus, the person’s social devitalization is a response to human world outlook of Modern times, causing concentration of uncomfortable surrounding for a human being in his social space.

References

1. Ален Суждения / Сост. В.А.Никитин; вступ. ст. С.Н. Зенкин; пер. с фр.. М.: Республика, 2000. 399 с.
2. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 567-569.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сборник; пер. с исп. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 509 с.
4. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время : метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов пер. с нем. А.Б.Демидов. Мн.: Экономпресс, 2006. 384 с.
5. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. / под общ.ред. А.Чанышева. [пер. с нем.]. Т.2. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, Республика, 1999. 560 с.

SOCIAL SCIENCES

CHARTER OF THE MUNICIPALITY IN MUNICIPAL REGULATIONS

¹ Sergei Latyshev

¹ *Candidate of Law, Associate Professor,
Volograd Cooperative Institute, Russia*

Abstract

The article deals with the legal nature of municipality statute. In the article suggests the need to consider the charter municipality acts as a form of control. The main features of municipality statute are defined.

Keywords: charter of the municipality, local government, the legal act, the state registration, the act of governance.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. не содержится прямого указания или перечня форм нормативных правовых актов местного самоуправления, а возможность принятия муниципальным органом собственных правовых актов зафиксирована в федеральном законодательстве. С момента вступления в силу Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» необходимо теоретическое исследование системы муниципальных правовых актов.

В общей иерархии источников муниципального права нормативные акты местного самоуправления определены на самой нижней ступеньке и подчинены всем вышестоящим нормативным правовым актам органов государственной власти Российской Федерации, нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Муниципальные правовые акты не могут противоречить Конституции РФ, федеральным конституционным законам, Федеральному закону 2003 г., другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Муниципальные правовые акты подлежат обязательному исполнению на всей территории муниципального образования. За их неисполнение граждане, руководители организаций, должностные лица органов государственной власти и должностные лица органов местного самоуправле-

ния несут ответственность в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Система нормативных правовых актов муниципальных органов в силу их политико-правового статуса является самостоятельной и независимой от системы актов органов государственной власти.

В соответствии со ст. 43 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в систему муниципальных правовых актов входит: 1) устав муниципального образования, правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан); 2) нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования; 3) правовые акты главы муниципального образования, постановления и распоряжения главы местной администрации, иных органов и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования.

Основным муниципальным правовым актом, регламентирующим вопросы организации местного самоуправления, исходя из интересов населения, исторических, культурных и иных местных традиций, является устав муниципального образования. Согласно Федеральному закону 2003 г. № 131-ФЗ, устав муниципального образования принимается исключительно представительным органом, либо непосредственно населением на сходе граждан в поселении с численностью жителей, обладающих избирательным правом, не более 100 человек, является актом высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов, имеет прямое действие и применяется на всей территории муниципального образования.

По вопросу определения правовой природы устава муниципального образования в науке единого подхода не выработано. С точки зрения одних ученых, устав муниципального образования рассматривается как акт кодификационного значения, обладающий признаками учредительного документа, а также повышенной легитимностью в случае его принятия населением непосредственно [1, с. 101].

С точки зрения других ученых - как обычный нормативный правовой акт. Как отмечает А.А. Сергеев, в коррекции правового института устава муниципального образования можно усмотреть две тенденции противоположного содержания. Первая тенденция формально предполагает повышение значимости уставов в системе источников права, что выражается в новых требованиях к процедуре их принятия и провозглашении высшей юридической силы устава в системе муниципальных правовых актов. Однако реальная роль устава муниципального образования определяется не тезисами о его учредительном или кодифицирующем характере, а перечнем вопросов, составляющих исключительный предмет его регулирования. Федеральный закон 2003 г. № 131-ФЗ сократил указанный перечень и, таким образом, снизил значение устава в системе ис-

точников муниципального права, в этом проявляется вторая тенденция – сущностная, а не формальная [2, с. 9].

В виду отсутствия единого подхода к определению правовой природы устава муниципального образования, на практике устав, входящий в систему муниципальных правовых актов, обладает формальными элементами акта учредительного характера, но при этом не учреждает муниципальное образование как субъект права.

Правосубъектность вновь образованного муниципального образования основывается не на уставе муниципального образования, а на законе субъекта Российской Федерации, который принимается по инициативе населения, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральных органов государственной власти в соответствии с Федеральным законом 2003 г. № 131-ФЗ. Как нормативный правовой акт, устав содержит элементы правотворческого значения, но его правовые нормы сводятся в основном к воспроизведению норм федерального и регионального законодательства во всех значимых вопросах местного значения, включая определение внутренней организации органов местного самоуправления, их правового статуса, взаимоотношений и т. д. Здесь, как правило, отсутствуют оригинальные правовые нормы, учитывающие территориальные, исторические и иные местные особенности, а факт вступления устава муниципального образования в силу связывается с процедурой его государственной регистрации. Государственная регистрация устава муниципального образования необходима для включения муниципального образования в единый государственный реестр муниципальных образований. Государственная регистрация устава муниципального образования порождает совершенно иные правовые последствия, чем соответствующая регистрация конституции (устава) и законов субъекта Российской Федерации. В случае, если в результате проверки сделан вывод о противоречии устава муниципального образования Конституции Российской Федерации, федеральным законам, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, законам субъекта Российской Федерации, о нарушении установленного в соответствии с федеральным законом порядка принятия устава муниципального образования, регистрирующий орган принимает мотивированное решение об отказе в государственной регистрации. Кроме того, такая регистрация осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

По нашему мнению устав муниципального образования необходимо рассматривать как особую разновидность актов, направленных на организацию исполнения и обеспечения соблюдения правовых норм. Признаки устава во многом совпадают с признаками правовых актов исполнительной власти в общем смысле, а именно:

1) устав муниципального образования должен соответствовать и не может противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, и издаваемым в соот-

ветствии с ними иным нормативным правовым актам Российской Федерации (указам и распоряжениям Президента Российской Федерации, постановлениям и распоряжениям Правительства Российской Федерации, иным нормативным правовым актам федеральных органов исполнительной власти), конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, законам субъекта Российской Федерации, иным правовым актам вышестоящих органов государственной власти субъекта Российской Федерации;

2) устав муниципального образования не должен ограничивать или нарушать установленные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами Российской Федерации, конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации, законами субъекта Российской Федерации и иными правовыми актами органов государственной власти Российской Федерации и субъекта Федерации, права и законные интересы физических и юридических лиц, а также организаций, проживающих, находящихся и действующих на территории муниципального образования;

3) устав муниципального образования в обязательном порядке подлежит государственной регистрации в Главном управлении Министерства юстиции РФ по федеральному округу. Факт вступления устава муниципального образования в силу связывается с процедурой его государственной регистрации, которая является актом правоприменения.

4) устав муниципального образования является односторонним юридически властным волеизъявлением представительного органа местного самоуправления и издается им в одностороннем порядке;

5) устав муниципального образования принимается только полномочным органом власти;

6) устав муниципального образования устанавливает общеобязательные (императивные) для исполнения на всей территории конкретного муниципального образования правила поведения;

7) устав муниципального образования создает определенные юридические последствия, то есть содержание в нем нормы права делает его актом нормотворчества, применение им правовых норм относит его к акту правоприменения; наличие в нем условий определяет действительность других правовых актов, а также появляются основания для принятия других управленческих правовых актов.

Все это свидетельствует о том, что устав муниципального образования обладает признаками акта управления. При этом устав муниципального образования является актом правореализации и занимает особое место в системе муниципальных правовых актов. Более того, мы утверждаем, что все правовые акты органов и должностных лиц местного самоуправления, издаваемые в сфере местного самоуправления, подпадают под признаки актов, являющихся формой управленческой деятельности субъектов, наделенных властными полномочиями.

References:

1. Бондарь Н. С. Устав муниципального образования в механизме реализации законодательства о местном самоуправлении // Проблемы реализации Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»: Материалы научно-практической конференции 25 апреля 1996 года / Отв. ред. С. А. Авакьян. М., 1996. С. 101.

2. Сергеев А. А. Конституционно-правовые аспекты организации и осуществления местного самоуправления в Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

ETHICAL CLAIMS AT INVESTIGATION OFFICER WORK

¹ Jenny Halikova

*¹ Postgraduate, Institute of pedagogy, psychology and social work
Magnitogorsk State Technical University them. G.I. Nosova, Russia*

Abstract

This article is about ethical claims to investigation officers. The author tries to describe the moral issue of the profession and give the key attributes to the investigation officer.

Keywords: investigation officer, the basis of organizational activity, respect, morality, moral values.

Each profession has some different features. Some of them are important which define the specific character of professional activity. Government service and politics are the main features of an investigative activity. To a great extent, every investigator's activity is a kind of political realization; in general, this work is a substantial contribution against crime. Let's see ethical aspects of the investigation officer work.

Every person respects himself for pious efforts which are made for people, public welfare and also dignity if he has such a feature. Dignity consists of modesty as an important part. Modesty is a sense of equality with people, regardless of differences between them.

The specific character of investigation officer work as a mark of moral matter expresses some states. The investigator has authorities for solving crime, attributing the blame to criminals and also affecting the main rights and civil liberties. He is a public agent with rights to apply pressure state measures. According to the law, investigation officer is self-independent to hold an inquest in reaching the most important decisions. He holds an inquest privately and sometimes personally. He makes decisions and bears personal responsibility. The professional investigation activity connects with people involved with crimes, in some way. They can also experience more distress as a result of this crime, quite often under resistance to establish the issue, struggle of different interests. The investigator has a fixed term of investigation and now works with athletic and mental overexertion in many cases because of heavy duty [2].

There are three kinds of rules in the investigation officer activity: procedural, criminal and moral. Legal procedures show what forms and ways the investigation officer should use holding an inquest. Criminal law recommendations help the investigator to plan an approach, find out effective ways and methods in preliminary investigation goals, such as

clearing a crime quickly and fully, catching in crime. Moral issues give a chance to realize competence. Certainly, all rules are strongly connected and shouldn't come into conflict. Law which plays a key role are advisable and of high moral standards.

Let's discuss professional investigator morality as an object of investigative ethics and a part of judicial ethics – a theory of moral sources in administration of justice and activity. The study of investigator's moral look is one of the main matters in investigative ethics. This look depends on true morality of investigation activity and objectivity.

The moral look of any professional person has a connection with an ethical category "moral value" in modern professional ethics. Investigation officer moral values associates with control of investigative activity, investigator's behaviour in everyday life and moral relations. There are values – standards, aims and qualities among moral values [1, p. 230].

To the investigative activity values – standards are fixed investigator's maxim of law in the basis of moral society principals. They help to normalize relations with other public officers, people and society in whole. The basis of these values is an objective necessity to mix social and private interests during the preliminary investigation.

Investigator's values – standards are always a unity of due and reality, an element of moral awareness and a result of moral practice. Particular standards control and explain investigator's values as professional groups and social interests. They establish and legalize requirements to achieve social aims, solve social problems, serve ideals and so on.

Values – standards as a professional morality plays an important role in social control helping the investigation officer to work, to choose a right form of behaviour in different situations of the preliminary investigation and way of life. In values – aims moral orientations and investigator's aspirations are expressed as an innocent activity for the benefit of society.

Most of all, necessary condition of fidelity in this profession is an exact and steady law administration. Compliance of criminal code is one of the main responsibilities in investigator's moral duty.

Generally, investigator's moral duty is a set of moral responsibilities which help to get to the truth in every investigative case in order to keep legality, prevent crime and educate citizens to respect law and realize moral standards.

Values – aims expresses in investigators' ideals. Their private ideals reflex individual characteristics (interests, inclinations and other features).

As for investigator's values – qualities, they are fixed elements of moral awareness and behaviour: professional and daily. For making procedural criminal relations moral for sure investigation officer should have certain moral and political qualities, such as honesty, purity, desire for truth, triumph of justice, humanism as a respectful attitude towards personal interests in combination of an implacable relation to crime.

Indicated moral qualities (necessary for the investigator) have an influence on consolidation, the prestige of preliminary investigation authorities and the efficiency of criminal proceedings.

In view of the aforesaid, we can make a conclusion that the investigation officer bears a moral responsibility for the performance of preliminary investigation and professional duty. He should be impartial, fair, humane and vigilant. In his official matter investigator should be self-control, steady and civility.

If we see the moral content of the attitudes between investigator and accused person, suspected criminal, defence lawyer and other participants of the process, it will define a perfect compliance. The moral climate of investigation depends on how the investigator keeps legal regulations and moral issues. Activity, fidelity to principle in cleaning a crime, objectivity, honesty, impartiality, humanity, fairness and high culture in keeping law, rights and requires to the investigation officer.

However, a dangerous disadvantage of investigation because of the deviation from impartiality, objectivity is the quilt incline when the investigator has only one version of crime. In this case there is only one charged offender and the investigator makes all efforts to have an admission. This method has a lot of unwanted consequences. Mainly, it can bring an innocent person to prison who has charge of crime for some reasons. Having only one version of crime, the investigator loses possibilities to find real criminals. Accusing of an innocent person in the preliminary investigation can end with the conviction. It is an outrage of law and justice [1 p. 215].

The investigator has the responsibility to enforce sufferer's rights with moral, physical and material wrong-doings. Protection and recovery of sufferer's rights have a moral meaning. Government takes care about sufferers. They get compensation to defuse tension of accusation (damage for feelings and dignity). The guide of these ideas in law is the investigation officer. The estimation of his work and the moral authority depend on attentiveness, humanity and justice to guarantee, keep and recovery sufferer's rights. Cases of a neglecting attitude towards sufferer's rights make difficulties for investigation, lead to infringement and undermine authority. Care for sufferer is investigator's legal and moral responsibility. Let's speak about some investigator's features in detail.

We see that investigation activity requires hardworking, diligence, working capacity and will. Persistence is a quality of primary importance. It shows a constant availability to overcome obstacles, have an ability for a long time of keeping the aim in minds (do everything to achieve it). This aim connects with investigator's moral look and his characteristics, such as orderliness and firmness [5].

It is impossible to provide details of outstanding works. When the investigation officer has to postpone current affairs for doing his urgent duty connected with overwork, such situations make a daunting problem of

investigator's rational labour organization. One of the main factors is his organization.

The basis of organizational activity is an ability to guide exactly in reality, especially, in people's qualities and their possibilities, initially.

For example, V.L. Vasiliev writes: «Investigator's organization activity is a volitional action in control of realizing hypotheses and plans, attracting people as an investigative aim».

So, we think that organizational qualities are necessary for investigation work [4, p. 2-5]:

1) persistence, energy, self-organization, orientation in situation, understanding people, forming goals, partition and planning of activity;

2) quick wit, responsibility, exactingness, secrecy, organizational skills which help to manage people in criminal investigation;

3) self-control, discipline, self-criticism, self-respect in relations with colleagues and administration;

Investigator's creativity is worthy of being noted. The ability to show creativity and independence in work connects with the development of will and thinking. The investigation officer needs the initiative as an entrenched determined quality in his profession. The work is individual, connects with official independence and procedural freedom. "Decide and do yourself" is a base of initiative and a responsible attitude to the commission.

Be self-controlled in a different situation and sober-minded helps to relieve stress, hold out against difficulties. Self-restrain and self-control in all aspects (speech, mood and behaviour) is an important part of the investigation activity. At that, evenly, many criminalists insist on the importance of investigator's patience, dominating his emotions, and reticence in all displays [3].

In view of the aforesaid, we'd like to make a conclusion. At the very beginning, we give an example - a great quote of Rene Descartes about respect. We consider this profession (investigation officer) from the ethical point of view. Every of us is a unique personality with an individual opinion. If we want others respect us, we should respect them. We don't forget about law. A person who is able to respect others and law has a certain advantage because he has something as an offer for others. A person who doesn't respect people has nothing to offer.

References:

- 1.Gabitov, T.H. Lawyer's professional ethics: tutorial for law universities and colleges/ T.H. Gabitov, 2011. – 265p.
- 2.Koblikova, A.S. Law ethics: tutorial/ A.S. Koblikova. – publishing house: Norma. 2012 – 165p.
- 3.Radugin, A.A. Tutorial about ethics. Publishing house: Centre, 2010. – 224p.
- 4.Trunov, I. Law professional ethics// Law practice. 2008. - №2. – p. 2-5.
- 5.Haliulina, V.P. Lawyer's professional ethics: tutorial for law universities. Publishing house: Moscow, PFUR, 2009. – 161p.

ECONOMICS

ORDER OF REFLECTION OF CAR TYRES IN THE RUSSIAN ACCOUNT

¹ Oxana Butkova

¹ *Candidate of Economic Science, Associate Professor,
Azov-Black Sea engineering Institute Don State Agriculture University, Russia*

Abstract

In article the technique of the accounting of car tires for the motor transportation enterprises which allows to consider specifics of rendering services of the motor transportation organizations which are engaged in transportation of passengers is offered.

Keywords: car tires, tires and tubes, tire, mission of car tires, operation of car tires, repair of car tires, restoration of car tires, accounting of car tires.

В последнее время немало вопросов возникает в российском учете в отношении процесса учета операций, связанных с оборотом автомобильных шин на автотранспортных предприятиях.

Технические характеристики автомобильных шин, безусловно, важны для водителей, механиков и обслуживающего персонала АТП, бухгалтеров же интересуют их предназначение и особенности эксплуатации.

По предназначению и особенностям эксплуатации автомобильные шины можно разделить на: шины постоянного использования (всесезонные покрышки); шины периодической эксплуатации (зимняя и летняя резина).

Шины периодической эксплуатации обладают лучшими эксплуатационными свойствами, но, тем не менее, в целях экономии, организации нередко «обувают» автомобили во «всесезонку», на которой водители проезжают не одну тысячу километров. После того как пробег превысил установленный заводом-изготовителем километраж или произошло повреждение покрышек, они подлежат замене.

Учет шин на складе должны вести по их количеству, размерам, моделям, маркам резины и стоимости, а учет новых и бывших в употреблении шин должен осуществляться обособленно.

Автомобильные шины (покрышка, камера и ободная лента), которые поступают вместе с автомобилем (на колесах и в качестве «запаски»), учитываются на счете 01 в составе первоначальной стоимости транс-

портного средства.

Прочие шины для автотранспорта учитываются на субсчете 10/5 «Запасные части».

Новые шины, как и любые другие материально-производственные запасы, принимаются к бухгалтерскому учету по фактической себестоимости, которая складывается из продажной стоимости, расходов по доставке и других затрат, связанных с их покупкой.

В бухгалтерском учете операция приобретения автомобильных шин отражается следующим образом (таблица 1):

Таблица 1

Отражение приобретения автомобильных шин
на счетах бухгалтерского учета

Содержание хозяйственной операции	Корреспонденция счетов	
	Дебет	Кредит
Приобретены автомобильные шины	10/5	60
Начислен НДС на приобретенные шины	19	60
Погашена задолженность перед поставщиком	60	51
Возмещен из бюджета НДС	68	19

Так как автомобильные шины могут находиться не только на складе, но и передаваться сторонней организации для ремонта и восстановления, к субсчету 10-5 целесообразно открывать счета второго порядка:

- 10/5-3 «Автомобильная резина на складе»;
- 10/5-4 «Автомобильная резина в обороте»;
- 10/5-5 «Автомобильная резина, подлежащая восстановлению» [1, С.43-44].

На субсчете второго порядка 10/5-3 «Автомобильная резина на складе» должны раздельно учитываются: новые шины, находящиеся на складе, автошины, снятые со списанных автомобилей и прицепов, но годные к дальнейшему использованию без ремонта, отремонтированная и подлежащая восстановлению автомобильная резина.

При установке и снятии сезонных шин в бухгалтерии предприятия делаются проводки (таблица 2):

На каждую покрывку, в том числе и на те, что были учтены в первоначальной стоимости автомобиля, организация заводит Карточку учета работы автомобильной шины. В неё ежемесячно заносится информация о техническом состоянии шины, пробеге, дефектах. При снятии шины с эксплуатации в карточке учета указываются: дата демонтажа, полный пробег, причины снятия, определяемой комиссией, куда направлена покрывка – в ремонт, на восстановление, на углубление рисунка протектора, в утиль или рекламацию.

Таблица 2

Отражение установки и снятия сезонных шин
на счетах бухгалтерского учета

Содержание хозяйственной операции	Корреспонденция счетов	
	Дебет	Кредит
Отражена стоимость переданных в эксплуатацию сезонных шин	10/5-4	10/5-3
Отражена стоимость сезонных шин, снятых в связи с окончанием сезона	10/5-3	10/5-4
Отражен износ сезонных шин	20, 23, 25, 26, 29, 44	10/5-4

Определение технического состояния шин, подлежащих списанию, производится комиссией, назначаемой приказом руководителя предприятия, которая устанавливает возможность их восстановления или полную непригодность.

Снятые с автомобиля шины, которые еще можно использовать без ремонта, учитываются по стоимости, рассчитанной с учетом износа, который определяется, исходя из пробега. Таким образом, производится уменьшение затрат на производство (или расходов на продажу) текущего отчетного периода на сумму возвращенных на склад автомобильных шин.

Для того, чтобы определить стоимость снятых с колес автошин, организация может самостоятельно установить нормы эксплуатационного пробега, ориентируясь на технические характеристики соответствующих шин.

Нормы эксплуатационного пробега шин автотранспортных средств устанавливаются на основе среднестатистического пробега шин с использованием поправочных коэффициентов в зависимости от условий эксплуатации транспортного средства. Однако при этом норма эксплуатационного пробега шины не должна быть ниже 25% от среднестатистического пробега.

Среднестатистический пробег шин российского производства для легковых автомобилей составляет приблизительно 40-45 тыс. км, для грузовых автомобилей – 100 тыс. км. Для шин зарубежного производства для легковых автомобилей средний пробег равен 50-55 тыс. км., для грузовых автомобилей – до 180 тыс. км [2, С.157].

Для того, чтобы рассчитать стоимость шин, возвращенных на склад, бухгалтеру необходимо на основании путевых листов определить пробег автомобильных шин за время их фактической эксплуатации. А затем рассчитать необходимый показатель по формуле (1):

$$C_{еш} = \frac{П_n - П_ф}{П_n} \cdot Ц_{ш}, \quad (1)$$

где: $C_{в ш}$ – стоимость возвращенных на склад шин, тыс. руб.;

Π_n – норма эксплуатационного пробега шины, тыс. км;

$\Pi_{ф}$ – фактический пробег шины, тыс. км;

$C_{ш}$ – цена приобретения шины, тыс. руб.

Норма эксплуатационного пробега шин определяется по формуле (2):

$$\Pi_n = \Pi \cdot K_1 \cdot K_2, \quad (2)$$

где Π – значение среднестатистического пробега шин для данного транспортного средства, тыс. км;

K_1 – поправочный коэффициент, учитывающий категорию условий эксплуатации автотранспортного средства;

K_2 – поправочный коэффициент, учитывающий условия работы автотранспортного средства.

В процессе эксплуатации шины изнашиваются. Если рисунок протектора шины достиг предельно допустимой отметки, автомобильные шины снимаются с эксплуатации.

Предельным износом рисунка протектора считается такой износ, когда остаточная высота выступов рисунка протектора имеет минимально допустимую величину. Минимально допустимая остаточная высота рисунка протектора, при которой шина должна сниматься с эксплуатации, установлена в размере:

- для шин легковых автомобилей – 1,6 мм;
- для шин грузовых автомобилей – 1,0 мм;
- для шин автобусов – 2,0 мм;
- для мотоциклов – 0,8 мм;
- для шин на прицепах и полуприцепах – такая же, как и для шин автомобилей, с которыми они работают.

На шинах с индикаторами износа предельно допустимая высота рисунка протектора определяется по появлению индикаторов (выступы по дну канавок беговой дорожки, высота которых равна минимально допустимой высоте рисунка протектора).

Если рисунок протектора износился, его можно восстановить. Восстановлению наложением нового протектора подлежат шины, имеющие предельный износ рисунка протектора и повреждения, не превышающие определенных размеров.

Углублению рисунка протектора нарезкой подлежат грузовые и автобусные шины, имеющие предельный износ рисунка протектора и надпись на боковине: Regroovable.

Шины, подлежащие восстановлению и дополнительной нарезке рисунка протектора, отражаются в бухгалтерском учете по цене их возможного использования, которая рассчитывается пропорционально пробегу шины.

Ремонт и восстановление шин может производиться как самим предприятием, так и в специализированных автосервисах. В случае самостоятельного ремонта предприятие несет расходы на закупку запасных частей к автомашинам (камер, покрышек, ободов колес, балансировочных грузов и так далее) и оплату труда рабочим, которые производят ремонт.

Если отремонтировать шины без специального оборудования невозможно, предприятие может воспользоваться услугами специализированных предприятий. В этом случае запасные части к автомашинам могут быть закуплены самостоятельно. В этом случае предприятие оплачивает автосервису только услуги по установке запасных частей. Или же стоимость запасных частей будет учтена в стоимости ремонтных работ автосервиса [2, С.159-160].

При передаче шин для восстановления на шиноремонтные заводы их стоимость отражается на субсчете 10-7 «Материалы, переданные в переработку на сторону».

Таблица 3

Отражение на счетах бухгалтерского учета оприходования снятых шин

Содержание хозяйственной операции	Корреспонденция счетов	
	Дебет	Кредит
На склад переданы шины, непригодные к восстановлению, и учтены по цене возможной реализации	10/6	25
На склад переданы шины, подлежащие восстановлению	10/5-5	91/1
Автомобильные шины переданы в ремонт и на восстановление специализированной организации	10/7	10/5-5
Отражена стоимость договора по восстановлению шин	10/7	60,76
На склад оприходованы отремонтированные и восстановление шины	10/5-3	10/7
Шины переданы в эксплуатацию	25	10/5-3

Если шины имеют разрушения, которые не подлежат местному ремонту или восстановлению путем наложения нового протектора, они списываются в утиль. На склад такие шины приходят по весу по прейскурантным ценам, по которым они сдаются на шиноремонтные заводы. В учете они учитываются на счете 10-6 «Прочие материалы». Снять шины с эксплуатации можно только по решению специальной комиссии, созданной на предприятии.

Расходы на ремонт шин отражаются в бухгалтерском учете на счетах учета затрат – 20, 23, 25, 26, 29, 44. Для целей налогообложения расходы

на ремонт шин можно учесть как прочие расходы, связанные с производством и реализацией. Порядок отражения на счетах бухгалтерского учета шин представлен в таблице 3.

В настоящее время нормативные документы, устанавливающие нормы затрат на восстановление и ремонт шин отсутствуют.

Если фактический пробег изношенной шины существенно меньше нормативно установленного пробега, бухгалтер должен выяснить причины преждевременного износа рисунка протектора и определить виновных лиц.

Стоимость шин, испорченных в дорожно-транспортном происшествии, является прочим расходом и должна списываться на счет 99 «Прибыли или убытки».

References:

1. Бреславцева Н.А. Состояние и направление развития учета финансовых результатов (на примере пассажирских автотранспортных предприятий) / Н.А. Бреславцева, О.В. Буткова: Монография. – Ростов н/Д: «Терра Принт», 2007. – 200 с.
2. Филина Ф.Н. Бухгалтерский и налоговый учет автотранспорта / Ф.Н. Филина. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. – 408 с.

**ROLE AND IMPORTANCE OF TRANSPORTATION CORRIDOR
BAKU-TBILISI-KARS**

¹ Elshan Hajizadeh

¹ Prof. Dr., Chief Scientific Officer, National Academy of Sciences Azerbaijan,
Institute of Economics

Abstract

The article investigates the important role of logistics corridor for bigger Baku-Tbilisi-Kars in deepening macro-regional integration, its importance in expanding humanitarian and economic relations between the republics of Azerbaijan, Turkey and Georgia. It also assessed the potential of the Baku-Tbilisi-Kars calculated volumes of cargo, as well as passengers turnover the near future. Analyzing the technical and economic parameters and geo-economic efficiencies indicated that this route will be different, as the shortest and most profitable existing path between Turkey and China. The article also examines the difficulties in the implementation of the project of the Baku-Tbilisi-Kars railway, there are proposals to address them, is grounded in the socio-economic benefits.

Keywords: Corridor of the Baku-Tbilisi-Kars, TRASEKA, logistics, economic integration.

1. Введение. Железнодорожная линия Баку-Тбилиси-Карс (БТК) выступает в качестве заключительного звена гоузоперевозок между Европой и Азией. История этого проекта, входящего в сотню проектов современного Мира повышает его ответственность для стран региона маршрута исторического Шелкового пути. Так, на основе соответствующего опыта в рамках обладающего мультимодальной инфраструктурой пространства TRACECA, странами-участниками возможны облегченные соглашения в области принятия специальных тарифов в направлении увеличения прибылей. Этот проект также создает многовекторные логистические возможности для транспортировки нефти и нефтегазовой продукции на европейские рынки богатому углеводородными ресурсами Азербайджану и его соседям в Азии.

В реализации данного проекта отчетливо виден постоянный рост интереса Китая, как страны с большим грузовым потенциалом в Азии. Не следует забывать и возможности Афганистана в данном пространстве. Известно, что в скором времени НАТО планирует вывоз из этой страны 130 тысяч TEU-контейнеров и 60 тысяч грузовых транспортных средств; и это еще раз доказывает безальтернативность транспортного коридора TRACECA с точки зрения приемлемости. В то же время, не следует также

упускать из виду, представляющий огромный ресурсный потенциал, открытые в этой стране американскими геологами большие объемы залежей железа, золота, меди, кобальта и молибдена, запасы которых оцениваются в один триллион долларов.

Строительство Турцией в Босфорском проливе железнодорожного туннеля в рамках проекта “Мармарай”, делает проект БТК еще более исключительным в направлении соединения железнодорожных сетей Транс-Европа и Транс-Азия. Таким образом, грузы и пассажиры проходя напрямую через территории Азербайджана, Грузии и Турции откроют надежный вход и выход в Европу и Азию, что даст толчок расширению интеграции стран региона в Европу. Нет сомнений, что соединяя Европу и Азию этот путь станет на 60 км. короче и будет удовлетворять интересам многих стран.

Использование его Россией считается близкой к реальности. В первую очередь, это связывают с резким увеличением в последнее время товарооборота между Россией и Турцией. Известно, что в настоящее время между этими странами нет прямого железнодорожного сообщения. Этот проект может решить данный вопрос.

Проект является важным фактором вывода из блокады составной части Азербайджана – Нахчыванской Автономной Республики, и в то же время, обеспечит ее транспортную независимость. В результате агрессии Армении были закрыты наземные транспортные коммуникации между Баку и Нахчываном. В настоящее время в этих направлениях пассажирские перевозки осуществляются воздушным путем, грузовые же перевозки осуществляются автомобильным транспортом через территории Ирана и Турции. Историческая железная дорога остается по настоящее время вне реализации.

Строительство железной дороги БТК даст дополнительные ценные стимулы развитию экономических и гуманитарных отношений Азербайджана, Грузии и Турции. Необходимо также отметить важность осуществления этого проекта с точек зрения экономической эффективности, увеличения скорости и сокращения времени перевозок, повышения их безопасности и надежности. Одновременно по этой железной дороге помимо грузовых, будут следовать и пассажирские поезда. Все это, в свою очередь, еще раз подтверждает макрорегиональную важность прокладки железнодорожной линии БТК.

2. Техничко-экономические параметры и геостратегическая эффективность железнодорожной линии Баку-Тбилиси-Карс. Протяженность железнодорожной линии БТК, являющейся недостающим звеном в соединении железнодорожной системы Транс-Европа и Транс-Азия составляет 102,3 километра. 26,3 км. этой дороги проходит через территорию Грузии и 76 км. – Турции. Вместе с тем, для реализации проекта на территории Грузии между станциями Марабда-Ахалкалаки, протяженностью в 154 км., должны быть проведены реабилитационные и строитель-

но-реконструкционные работы. В данный проект входит также, строительство вокзала и пункта замены колес вагонов (*с европейского стандарта на экс-советский и обратно*). Одновременно в рамках проекта планируется строительство 4-х железнодорожных станций, 16 мостов и 5 путепроводов, а также туннеля, протяженностью в 4350 метров на границе Турции и Грузии [1].

Следует отметить, что строительство участка Карс-Ахалкалаки и реабилитационно-реконструкционные работы на участке Ахалкалаки-Марабда железнодорожной линии БТК, осуществляются согласно стандартам Международного Железнодорожного Союза (*UIC*). Финансовый объем данного проекта превышает \$1,1 миллиардов. Из них, \$775 миллионов, инвестируемых Азербайджаном, приходится на долю Грузии, а остальные \$345 миллионов, на долю Турции. Общая протяженность маршрута железнодорожной линии БТК составляет 825,0 км. Здесь 503 км. приходится на территорию Азербайджана, 244,5 км. на территорию Грузии и 77,5 км. на территорию Турции. Ожидается, что после полного ввода в эксплуатацию дороги максимальная скорость поездов составит 120 км/час. Вдоль маршрута дороги будет проложена магистральная оптико-волоконная линия связи, тип растяжения (*тип напряжения, принятый электровозами*) будет обеспечен переменным электрическим током [1].

После полного ввода в эксплуатацию железнодорожной линии БТК на первоначальном этапе планируется перевозить по этому пути ежегодно около 1 миллиона пассажиров и 6-8 миллионов тонн различных грузов. Прогнозируется, что грузоперевозки будут увеличиваться, соответственно в 3-м году эксплуатации на 3-5 миллионов тонн, в 5-м году эксплуатации на 6-8 миллионов тонн, в 10-м году эксплуатации на 10 миллионов тонн. Ожидается, что в 2034 году по этому маршруту будут перевозиться около 3-х миллионов пассажиров и до 17-ти миллионов тонн различных грузов таких, как черные и цветные металлы, каменный уголь, хлопок, зерно, сера, нефть и нефтепродукты, оборудование, продовольствие и др [1, 2].

Осуществление данного проекта имеет особое значение с точек зрения экономической эффективности, альтернативности маршрута и сокращения периодичности, увеличения скорости и сокращения времени, надежности и безопасности. Привлечение к этой дороге в дальнейшем грузов стран Европы и Азии позволит увеличить в обоих направлениях объем контейнерных и интермодальных перевозок. Следует особо отметить, что для повышения эффективности работы железнодорожной линии завершится строительство нового Бакинского международного морского торгового портового комплекса будут приняты соответствующие меры по повышению конкурентноспособности международного транспортно-коридора TRACECA [2].

На первоначальном этапе, согласно Проекта строительные работы

планировалось завершить к 2010-у году. Однако известные события 2008-го года, связанные с напряженностью в отношениях России и Грузии, а также глобальный финансовый кризис замедлили его осуществление. По новым расчетам введение в эксплуатацию железнодорожной линии БТК прогнозируется в 2015-м году.

Если отнестись к проекту железнодорожной линии БТК в контексте экономических потенциалов союза стран региона, то можно заметить, что в данном ареале сосредоточено половина мировой экономики. Ясно, что эта железнодорожная линия не приведет снова в оборот существующий потенциал на основе резкого роста. Однако реализация проекта, как новая коммуникативная очевидность в этом обороте даст дополнительные стимулы для поднятия его на новую ступень. Учитывая, что узловая точка находится в регионе Южного Кавказа, то полностью становится ясно – первые выгоды будут получать именно страны этого региона.

3. *Железнодорожные маршруты между Турцией и Китаем.* Касаясь железнодорожных маршрутов между Турцией и Китаем эффективность железнодорожной линии БТК становится очевидной. По данному маршруту путь от Баку до железнодорожной станции Достык (*Важнейший пропускной пункт на границе Казахстана с Китаем*) на китайской границе может быть возможным через порты Актау в Казахстане и Туркменбаши в Туркмении. В первом направлении длина маршрута, проходящего через город Орск в России составит 7095 км. Второе же, направление отличается своей классичностью. Так, на протяжении многих лет поезда из Баку в направлении Азии идут через порт Туркменбаши. Для этого здесь существует паромная переправа и железнодорожная инфраструктура. Расстояние между Стамбулом и станцией Достык на границе Китая по железнодорожному маршруту БТК через Туркменбаши составляет 6861 км. Этот маршрут короче на 700 км. маршрута Стамбул-Тегеран-Серахс (*Туркмения*)-Ташкент-Алматы-Достык (*граница Китая*), проходящего в том же направлении. В то же время поездам, идущим по маршруту через территорию Ирана приходится проходить через многочисленные туннели и сталкиваться с различными преградами. Паромная переправа на озере Ван в Турции, имеющая ограниченные возможности, становится причиной потерь во времени и дополнительных затрат [3, 5]. Сокращение казахстанской линии Актау-Актогай не проходящей через территорию России, в рамках нового проекта «Трансказахстан» придаст железнодорожному маршруту БТК еще большую эффективность. Так, в результате реализации проекта, маршрут Стамбул-Баку-Тбилиси-Карс-Актау-Достык станет короче на 800 км. и составит 6297 км. Одновременно, новая железнодорожная линия Жетыген-Хоргос, которая будет проложена на юго-востоке Казахстана до границы Китая, сократит это расстояние еще на 293 км. В таком случае в ЕвроАзийском железнодорожном коридоре значимость порта Актау несколько возрастет. Следует

отметить, что годовая мощность казахстанского порта Актау на Каспии составляет 1,5 миллионов тонн сухого груза и 8 миллионов тонн нефти. В Казахстане в 60-ти километрах южнее порта Актау для перевозок нефти строится новый порт Курик с годовой мощностью 20 миллионов тонн. Ввод в эксплуатацию этого порта планируется в 2016-м году. Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что на ЕвроАзийском железнодорожном маршруте в течении ближайших 3-4 лет появится, включающая в себя и линию БТК кратчайшая связка Стамбул-Тбилиси-Баку-Актау-Астана-Хоргос (*граница Китая*), длина которой составит 6000 км. [1, 3].

Число проектов по прокладке новых железных дорог в ЕвроАзийском коридоре больше того, что приведено нами. Забегая вперед исследуемого предмета, следует особо обратить внимание на железнодорожные проекты в Нахчыванской Автономной Республике, оказавшейся в блокаде в связи с агрессией Армении. Как отмечено выше, часть маршрута Нахчыван-Джульфа-Баку (*E002*), оставаясь на оккупированной Арменией территории, в настоящее время не функционирует. С другой стороны, выход Армении за границу по железнодорожному пути, который проходит через территорию Азербайджана также закрыт, опять же в связи с агрессией этой страны против Азербайджана. В армянских источниках к восстановлению этих путей относятся более чем скептически, хотя в Азербайджане этого мнения не разделяют. Ранее, функционировавшая в Армении 80-ти километровая железнодорожная линия Карс-Гюмри (*от Карса до границы – 66 км., от Гюмри до границы – 14 км.*) имела выход в Турцию. Эта железная дорога была построена во время Русско-Турецкой войны 1878-1917-х годов русскими для обеспечения фронта военными грузами. По Карскому договору (1922 г.) основная часть дороги осталась в Турции. Эта дорога долгие годы оставалась закрытой. В 1961-м году, после подписания Советским Союзом и Турцией соответствующего соглашения эта дорога была открыта для использования. После распада Советского Союза, Армения не имеющая выхода к Черному морю 25-го июня 1992-года была приглашена в Организацию черноморского экономического сотрудничества в качестве наблюдателя и, в том же году железнодорожная линия Карс-Гюмри между Турцией и Арменией была вновь открыта. В связи с оккупацией азербайджанского города Кельбаджар 5 апреля 1993-го года Турция закрыла эту железную дорогу [2, 4].

В настоящее время у Армении остался один железнодорожный путь на севере – через Грузию, интенсивность движения на котором невысока. Следует особо отметить, что Армения, имеющая ухудшающийся железнодорожный потенциал, передала сеть своих железных дорог в аренду на 30 лет ЗАО «Южно-кавказские Железные Дороги», являющейся дочерней фирмой ЗАО «Российские Железные Дороги» [5].

Для получения альтернативного выхода, Армения прилагает усилия в двух направлениях. Первое – это строительство железной дороги Арме-

ния-Иран, одобренное правительствами этих стран в 2007-м году. Инвестиционное обеспечение строительства этой 500 километровой дороги (в Армении-420 км., в Иране – 80 км.) составит более 2 миллиардов долларов США.

Однако реальность состоит в том, для Армении наиболее короткий и наилучший железнодорожный путь в Иран возможен через существующее направление Нахчывана. Следует отметить, что реализация данного проекта в финансовом аспекте весьма затруднительна для этой страны (*требуемый объем составляет основную часть бюджета страны*). В тоже время, даже при наличии нужных финансовых ресурсов, строительство дороги может занять 5-7 лет. Не следует забывать о геополитических и геоэкономических аспектах. Товарооборот между двумя странами в настоящее время составляет, примерно, \$300-350 миллионов, а Иран долгое время подвергается эмбарго со стороны международного сообщества. С этой точки зрения его экспортные связи не поддерживаются. Рассматривая структуру торгового оборота, а также в этом ряду, привлекая в оборот производственный и экспортный потенциалы Армении, становится очевидным уход со сцены экономического фактора.

Вместе с этим, восстановление связей с Турцией, поставившей задачу к 2023-му году войти в десятку экономически развитых стран, позволит Армении ликвидировать зависимость как от Севера, так и от Юга, а также стать значительным толчком экономического возрождения. Согласно информации Американского международного армянского комитета ежегодно эмбарго наносит вред экономике Армении в \$570-720 миллионов. Прогнозируется, что при открытии границ транспортные расходы Армении понизятся на 30-50%, экспорт возрастет почти вдвое, ВВП возрастет на 35%. По прогнозам же, Всемирного Банка открытие границ принесет этой стране \$320,3-395,8 миллионов [6].

Для вывода Нахчывана из транспортной блокады Азербайджан заинтересован в прокладке железнодорожных путей из города Астара в иранский город Рашт, а также из турецкого города Карс в Нахчыван. Положительные аргументы по этим двум вариантам достаточно весомые и представляют для Азербайджана большое значение. И конечно же, более эффективным, считается существование обоих вариантов. Однако, в настоящее время наиболее близким к реализации является планируемый железнодорожный путь из Карса в Нахчыван. Согласно первичным расчетам длина этого пути составит до турецко-азербайджанской границы около 230 км. Стоимость Проекта составляет, примерно, \$1 миллиардов. Учитывая особую важность этого пути для Азербайджана, он может открыть для Турции кредитную линию. Планируется также прокладка 10-и километровой дороги в Нахчыванском участке от пункта Садарак до границы Турции и Азербайджана. Железнодорожная инфраструктура Нахчывана также нуждается в реконструкции: это 225 км. путей. Также требуется обновление локомотивно-вагонного парка. По приблизитель-

ным расчетам на это потребуется в общей сложности, \$700 миллионов [4]. Наряду с этим проектом, согласно договоренностей Ирана и Турции существует план строительства 400 километровой (в *обоих направлениях – по 200 км.*) железной дороги из города Карс в иранский город Джульфа (Карс-Игдыр (*Турция*)-Базарган-Джульфа (*Иран*)). Годовой транзитный потенциал линии рассчитывается в объеме 3-4 миллионов тонн. Здесь, также прослеживаются две выгоды. Первая, линия Карс-Садарак также, как и линия Карс-Джульфа проходит через турецкий город Игдыр. С другой же стороны, существующая железнодорожная линия между азербайджанским городом Джульфа и иранским городом Джульфа станет альтернативой железнодорожной линии между Турцией и Азербайджаном.

При рассмотрении реализации каждого из этих проектов в рамках новой железнодорожной линии БТК, становится очевидным расширение на несколько пунктов диверсификации в маршруте ЕвроАзийского железнодорожного пути.

4. *Экономические трудности и геополитические ожидания.* Стоит отметить один важный момент в проекте железнодорожной линии БТК, связанный с Грузией. Наряду с Турцией, вторая связка этой линии связана с участком Грузии. После распада Советского Союза экономическое положение и социальная ситуация в этой стране ухудшились. Статистические данные показывают, что в Советский период экономическая зависимость страны от Центра была весьма велика. С развалом СССР, Грузии достались в наследство автономные республики Абхазия и Южная Осетия, которые вошли в ее состав с сепаратистскими проблемами. Ограниченность внутренних природных ресурсов, слабое нынешнее состояние экономики отчетливо отражаются на финансовой системе страны. Насколько важным и значительным для нее является строительство железнодорожной линии БТК и, настолько скудны ее финансовые возможности для осуществления Проекта. Именно поэтому Грузия реализует свою финансовую долю за счет кредита, предоставляемого Азербайджаном. Это связано также с тем, что США не помогал в финансировании строительства железнодорожной линии БТК. Данный вопрос обсуждался в Сенате США и под давлением армянского лобби финансирование Проекта со стороны правительства Соединенных штатов было заблокировано. Далее же, под влиянием Государственного Департамента США Мировой Банк также отказался от выделения кредита. Важно отметить, что реализация этого важного для всех стран региона проекта стало результатом воли и деятельности, расширяющего свою активность, как инициатора и стимулятора всех инфраструктурных транспортных проектов в регионе Азербайджанского государства и его главы – Президента Азербайджана Ильхама Алиева [1, 7].

Для реализации проекта железнодорожной линии БТК на первом этапе Азербайджанское государство выделило Грузии кредит на сумму \$200

миллионов на 25 лет под 1% годовых. На следующем этапе, вторым траншем Азербайджан выделил Грузии кредит под 5% годовых на 25 лет \$575 миллионов. В настоящее время более половины кредита израсходовано соответственно, на строительство и реабилитационные и реконструкционные работы.

Согласно плану все работы на участке (*Карцахи*) границы Марабда-Турция в рамках проекта железнодорожной линии БТК, проводятся в 3-х частях [1].

1. Реабилитационно-реконструкционные работы на территории Марабда-Ахалкалаки, протяженностью 153 км.;

2. Строительство станции в Ахалкалаки;

3. Строительство 26,3 км. дороги на территории границы Ахалкалаки-Турция (*Карцахи*).

Работы по перестройке железной дороги на территории Грузии от Ахалкалаки до границы Турции новой железнодорожной линии БТК проводит азербайджанская компания “Азериншаатсервис”.

Надо сказать, что по проекту новой железнодорожной линии БТК встречаются также ряд экспертных оценок. Здесь, естественно, имеются моменты и ревностного отношения, и попытки понижения роли данного проекта. Так, ряд экспертов считают, что объем грузоперевозок из Азербайджана в грузинские порты на Черном море сократится и, предпочтение будет даваться более короткому маршруту через Турцию. А это оценивается, как признак политической склонности проекта. Далее, они также считают, что этот проект долгие годы не сможет быть самокупаемым, так как в настоящее время у железных дорог Турции нет тесных увязок с Европой. С другой же, стороны по этому маршруту в основном, будут перевозиться энергоресурсы, а это обычно, успешно переправляется в основном по трубопроводам. Здесь, также приводится в качестве другого преимущества – благоприятность использования российского маршрута для перевозок в Европу грузов Китая и Казахстана. Для перевозок китайских грузов на запад используется также и “трудный иранский маршрут” Серахс (*Туркменистан*)-Машхад-Тегеран (*Иран*). Несмотря на это и, принимая во внимание медлительность в реконструкции железнодорожных линий Туркменистана в направлении Баку, а также следуя альтернативности перевозок, Казахстан воплощает в жизнь прокладку более коротких дорог, усиливает, перестраивая на Каспии свой порт Актау.

Эксперты, выступающие в роли оппонентов проекта железнодорожной линии БТК, указывая на возможность открытия железной дороги, проходящей через Абхазию в случае решения грузино-абхазского конфликта, считают более эффективным перевозку грузов через Россию до портов Черного моря. При этом, говорится, что линия БТК более всего будет служить именно перевозкам из Абхазии. В этой ситуации Азербайджан останется в стороне от системы трансмодальных перевозок, а вло-

женные им инвестиции не смогут быть реинвестированы и железнодорожная линия БТК будет функционировать как маршрут Сочи-Сухуми-Тбилиси-Карс [1].

Несмотря на вероятный характер экономических обоснований во всех этих случаях конечно же, прослеживается политический мотив. Следует отметить, что в данном проекте существование политического аспекта совсем не игнорируется. Это естественно, так как в любых амбициозных проектах у каждой из сторон присутствуют свои политические цели. Однако однозначно обосновывая, утверждается, что проект железнодорожной линии БТК экономически мотивирован и имеет социальную направленность. И от его эксплуатации все получают пользу и выгоду.

5. *Вывод.* В реализации проекта железнодорожной линии БТК, выгоды для Южного Кавказа и в целом, ЕвроАзийского макрорегиона незаменимы. Таким образом, станет реальностью современный транспортный маршрут коммуникационного назначения, связывающий железными рельсами дальние уголки востока Азии со всеми пунктами Европы, проходящий по историческому Шелковому пути. БТК, будучи новым фактором в углублении макрорегиональной интеграции, положит основу новым макрорегиональным социально-экономическим эффектам. Именно поэтому, необходимо проведение соответствующих мероприятий в направлении скорейшего ввода в эксплуатацию БТК, формированию стратегии оптимального маркетинга по обеспечению выгод после ввода его в эксплуатацию, проведению агитационных и рекламных работ. Наряду с этим, в рамках дальнейших работ в том числе, и по упрощению процедур на погранично-таможенных пунктах, таможенные и пограничные службы Азербайджана, Турции, Грузии, Казахстана и Туркменистана должны проводить совместную деятельность, между Грузией и Турцией должны быть подписаны соглашения о замене поездов на приграничных станциях, должны быть созданы механизмы по объемам грузоперевозок, а также по определению тарифов и оптимизации пассажирских и грузовых перевозок. Выступая с позиций расширения туризма и гуманитарных связей для создания и обеспечения устойчивых пассажирских перевозок между Европой и Азией должны быть разработаны и реализованы межгосударственные планы перевозок. Именно в рамках всех этих мероприятий, углублении макрорегиональной интеграции железнодорожная линия БТК всесторонне покажет свою роль и важность.

References:

1. <http://addy.gov.az> – ЗАО «Азербайджанские Железные Дороги»
2. www.president.az – Официальный интернет сайт Президента Азербайджанской Республики.
3. <http://www.traseca-org.org> – сайт ТРАСЕКА (*Транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия*).
4. www.elshanhajizadeh.com – персональный сайт профессора Эльшана Гаджи-

заде.

5. www.ukzhd.am/ru.html – «Южно-Кавказская железная дорога».

6. www.zdmira.com – сайт журнала «Железные дороги мира».

7. www.worldmetro.org.ua – новости и энциклопедия транспорта мира.

**FORMATION AND REPRODUCTION OF LABOUR RESOURCES
OF AGRICULTURAL ENTERPRISES IN LVIV REGION**

¹ Nadiya Piniaha

¹ *Competitor of the Lviv National Agrarian University, Ukraine*

Abstract

The essence of reproduction processes and labour potential formation, the use of the labour resources at the agricultural enterprises of the Lviv area. In the labour potential reproduction processes of the agricultural enterprises the main attention is paid to social and economic factors of formation and reproduction of labour in the agrarian sector of the area.

Keywords: labour potential, labour resources, demography, migration processes, demand, supply.

Постановка проблемы. Потенциал занятости был и остается важным компонентом ресурсного потенциала страны, а также основой производительных сил. От уровня использования существующего трудового потенциала зависит становление страны как суверенного государства.

Особенную роль трудовой потенциал имеет в сельском хозяйстве. Он является одним из главных условий развития сельскохозяйственного производства, и это в свою очередь вызывает проблемы, связанные с производительностью и занятостью.

Общее снижение объема производства, которое наблюдается во многих областях практически по всей территории Украины, стало причиной того, что количество вакансий в производственной сфере непрерывно сокращается, а число безработных увеличивается с каждым днём, значительная часть населения выезжает за рубеж. Изменения в экономике, ухудшение экологической ситуации привели к негативным изменениям структуры количества трудовых ресурсов, ухудшению демографической ситуации.

Для оценки возможностей занятости в стране, отрасли или регионе, нам нужно знать реальное состояние трудового потенциала.

Анализ последних исследований и публикаций. Особое задание экономической политики в осуществлении социально – трудовых отношений – разработка надежного механизма для эффективного формирования и использования трудовых ресурсов с целью предотвращения социальных конфликтов и улучшения уровня жизни населения. В иностранной и отечественной литературе накоплен значительный опыт в результате исследований особенностей воспроизведения и формирования трудовых ресурсов, регулирования занятости населения. Исследованию актуаль-

ных проблем формирования, использования и воспроизводства трудового потенциала сельскохозяйственного производства посвящены научные труды ученых: А.А. Богущкого, М.М. Матюхи, П.Т. Саблука, М.И. Малика, К.И. Якуби, В.В. Юрчишина, И. Лукинова, А. Котляра, С.И. Бандуры, Л.В. Шаульской и других. И хотя в работах ученых рассмотрены различные аспекты реализации трудового потенциала, дальнейшего изучения требуют процессы, связанные с использованием, формированием и воспроизводством трудового потенциала в сельскохозяйственном производстве, что свидетельствует об актуальности нашего исследования.

Постановка задачи. Целью нашей публикации является анализ состояния трудового потенциала, особенностей его использования и воспроизводства в сельском хозяйстве.

Изложение основного материала исследований. Одной из составных частей совокупного ресурсного потенциала являются человеческие ресурсы. Современное понимание понятия «человеческие ресурсы», которое часто отождествляется с понятиями «человеческий капитал» и «трудовые ресурсы», является достаточно противоречивым.

К «человеческим ресурсам» относят собственно трудовые ресурсы (трудоспособное население в трудоспособном возрасте) и резервные трудовые ресурсы («потенциальные» трудовые ресурсы, которые могут быть задействованы в общественном производстве немедленно или через определенный промежуток времени: дети, подростки, инвалиды и пенсионеры по возрасту).

Проблема формирования, использования и воспроизводства трудовых ресурсов создавалась годами, в виде цепочки разнообразных политических, социальных и экономических причин и последствий.

Кадровый потенциал сельского хозяйства Украины, в том числе и Львовской области, формируется под влиянием различных факторов и условий, воспроизведение которых зависит от демографической ситуации, сложившейся в настоящее время, и от резервов расширения трудового потенциала населения, к которым относится повышение качества воспроизведения рабочей силы.

На сегодняшний день демографические процессы потеряли решающее значение для формирования численности занятого сельского населения. Одной из основных причин сокращения его численности стало уменьшение спроса на рабочую силу в регионе сельскохозяйственных предприятий и рост безработицы. Вследствие сокращения численности работников сельскохозяйственных предприятий по сравнению с темпами сокращения численности сельского населения уменьшается доля сельских жителей, работающих на сельскохозяйственных предприятиях. Такое сокращение происходит в сельских районах региона.

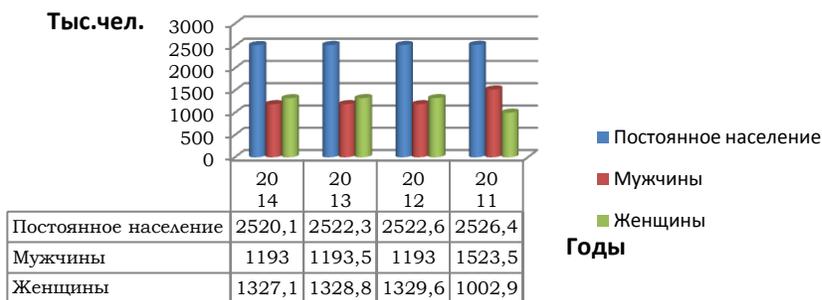

Рис. 1. Структура населения Львовской области *
* – разработки автора

Анализируя структуру населения Львовской области, мы видим, что численность постоянного населения за исследуемый период уменьшается, а показатель численности мужчин и женщин колеблется.

Львовская область является регионом, где организационные преобразования в сельском хозяйстве начались раньше и проходят динамично, чем в других областях.

Таблица 1
Среднегодовая численность населения на начало 2014

Регион	Все население		Городское		Сельское	
	тыс.чел.	%	тыс.чел.	%	тыс.чел.	%
Украина	45426,2	100	31336,6	68,9	14089,6	31,0
Львовская область	2538,4	100	1545,8	60,9	992,6	40,0
К Украине, %	6,0	*	4,9	-	7,1	-

Как видно из таблицы, численность населения Львовской области составляет 6,0% общей численности населения Украины, в том числе городское население – 4,9%, а сельское – 7,1% к соответствующим показателям в Украине.

Научные исследования с помощью анализа демографических показателей воспроизводства населения показывают обострение ситуации и углубление тенденций, происходящих в последние годы. Мониторинг демографических процессов является одним из главных компонентов комплексного исследования современного состояния демографической ситуации, прогнозирования ее будущего развития, влияния на воспроизводство и формирование как населения в целом, так и трудовых ресурсов в частности. Численность населения в области сокращается за счет снижения рождаемости и увеличения смертности.

Одной из важнейших характеристик демографической ситуации является естественная мобильность населения (табл. 2).

Таблица 2
Естественный процесс воспроизводства населения Львовской области

Показатели	Всего человек по годам			
	2010	2011	2012	2013
Число родившихся (всего человек)	28651	28904	30220	29542
Количество умерших (всего человек)	32644	31162	31667	31666
Естественный прирост населения (сокращение, всего)	-3993	-2258	-1447	-2124

Как видим, динамика естественного прироста населения в области явно негативная: количество родившихся уменьшается, а умерших – колеблется и, как следствие, происходит естественное сокращение населения. Ради справедливости следует отметить, что общее количество рожденных в 2013 году составляет 29542 человек, а это на 891 ребенка больше, чем в 2010 году.

Ежегодное абсолютное и относительное уменьшение численности сельского населения на Львовщине, как и в Украине в целом, является следствием антисоциальной экономической политики государства в отношении крестьян. Уже несколько десятилетий подряд село есть и пока что остается не только экономическим, но и демографическим поставщиком городов Украины, а в последние годы – еще и стран дальнего зарубежья.

Исследованиями установлено, что мигрируют из села в основном молодые люди, которые в процессе оттока «выносят» из сельскохозяйственного производства трудовой потенциал и одновременно переносят из деревни в город потенциальную рождаемость.

Процессы миграции населения из деревни в город, как и миграция в противоположном направлении, являются объективным экономико-социальным явлением. Однако негативным в этом следует считать то, что значительная часть мигрантов из села, а это молодежь, нарушает половозрастной состав сельского населения и ухудшает качество трудового потенциала села. Кроме того, сельская миграция усугубляется ряд социально-бытовых проблем во многих селах.

Основные демографические показатели в сельской местности Львовской области приведены в таблице.

Приведенные данные в таблице 1 показывают, что сельская молодежь мигрирует из села ускоренными темпами из-за неудовлетворительных условий трудовой деятельности и проживания в сельской местности, активизируя негативные демографические процессы. Это сопровождается

увеличением разводов, уменьшением количества браков и рождением детей. На таком фоне смертность и старение сельского населения приобрело угрожающие темпы. Как видим, демографический кризис сузил естественную основу воспроизведения жителей села, вызвал ухудшение их качественных параметров и снижение аграрного трудового потенциала.

Таблица 1
Основные демографические показатели в сельской местности
Львовской области

Показатели	2012	2013	2013 г. в % к 2012 г.
Численность населения (тыс. человек)	996,1	994,6	99,8
Число родившихся (человек)	13134	12751	97,0
Уровень рождаемости (на 1000 человек)	20	13	65,0
Количество умерших (человек)	15178	15216	100,2
Уровень смертности (на 1000 человек)	15	15	-
Естественный прирост (сокращение) населения (человек)	-2044	-2465	120,6
Естественный прирост (сокращение) населения (на 1000 жителей)	-2	-2	-

Анализ показывает, что абсолютное уменьшение численности сельских жителей в исследуемом регионе (табл.1.3) происходит в основном за счет естественного сокращения населения. Ведь количество умерших в селах Львовщины в 2013 г. превышает число родившихся. Попутно заметим, что темпы естественного сокращения населения (на 1000 жителей) снизились и составляют -2. Это объясняется проявлением слабой тенденции к повышению уровня рождаемости. Так, показатель рождаемости на 1000 жителей составляет 65,0% от аналогичного показателя 2012 года.

Основными причинами неблагоприятных процессов, связанных с сокращением сельского населения являются:

- низкий уровень рождаемости на сельской территории, что связано с изменениями в половозрастной структуре населения;
- высокая смертность сельских жителей, обусловленная неблагоприятными условиями труда и качеством жизни.

Формирование и воспроизводства трудового потенциала области должно обеспечить соответствие между спросом на труд и его предложение. Поэтому оно должно поддерживаться независимой социальной политикой государства по охране здоровья, формированием высококвалифи-

цированных специалистов в сфере сельского хозяйства. Руководство области должно обратить особенное внимание на создание большего количества рабочих мест и надлежащих условий труда, что является одним из важных факторов в процессе воспроизводства и формирования трудового потенциала сельскохозяйственных предприятий.

Выводы. Основой развития государства является население, его трудоспособности ресурсный и интеллектуальный потенциал. Изменения в численности населения и ресурсов труда влияют на развитие не только производительных сил, но и производственных отношений.

Главной тенденцией повышения эффективности формирования, использования и воспроизводства трудового потенциала региона является обеспечение стабильного экономического развития производства, разработка и внедрение эффективных программ сельского развития, осуществления государством социальной защиты населения.

Таким образом, по нашему мнению, путями улучшения социального развития формирования и воспроизводства трудовых ресурсов сельскохозяйственных предприятий Львовской области могут быть следующие:

- привлечение в сельскую местность малого и среднего бизнеса;
- льготное кредитование молодых семей, работающих в сельском хозяйстве;
- признание приоритетности возрождения, инвестирования сельскохозяйственного производства со стороны государства, что позволит прервать отток квалифицированных кадров и молодежи.

References:

1. Комплексная программа развития украинского села на период до 2015 года (проект) // Экономика АПК. – 2007. – № 1. – С.3–49.
2. Государственный комитет статистики Украины [Электронный ресурс] / Режим доступа к ресурсу: <http://www.ukrstat.gov.ua>.
3. Государственный комитет статистики Украины [Электронный ресурс] / Режим доступа к ресурсу: <http://www.lv.ukrstat.gov.ua>.
4. Лузан Ю.Я. Направления развития сельскохозяйственного производства и социальной сферы села / Ю.Я. Лузан // Экономика АПК. – 2009. – № 7. – С. 3–12.
5. Черная Л.А., Коваленко А.А., Степанюк А.В. Особенности формирования политики занятости населения и сельскохозяйственных регионах / Л.А. Черная, А.А. Коваленко, А.В. Степанюк // АгроМир. – 2009. – № 5. – С. 50–52.
6. Чернега И.И. Занятость сельского населения на современном этапе рыночных преобразований / И.И. Чернега. // Экономика АПК. – № 5. – 2008. – С. 138–142.

METHODOLOGICAL BASES OF THE ACCOUNTING OF FINANCIAL RESULTS OF ECONOMIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN ENTERPRISES

¹ Oxana Butkova

² Svetlana Serykh

1 Candidate of Economic Science, Associate Professor, Azov-Black Sea engineering Institute Don State Agriculture University, Russia

2 Student, Azov-Black Sea engineering Institute Don State Agriculture University, Russia

Abstract

In article methodological bases of the accounting of financial results of economic activity of the Russian enterprises are defined, the interrelation of accounts for reflection financial result is considered, the scheme of the accounting of financial results and account 99 closing "Profits and losses" is submitted.

Keywords: revenue, expenses, financial results, other income, other expenses, profit, loss, balance profit, taxable profit, retained earnings, uncovered loss.

На завершающем этапе в конце года каждая организация определяет финансовые результаты деятельности за истекший год. Для отражения финансовых результатов в бухгалтерском учете используют показатели: прибыль или убыток.

Бухгалтерская прибыль (убыток) представляет собой конечный финансовый результат (прибыль или убыток), выявленный за отчетный период на основании бухгалтерского учета всех хозяйственных операций организации и оценки статей бухгалтерского баланса [1].

По сути, прибыль представляет собой превышение выручки над затратами предприятия.

При определении финансовых результатов различают: общую прибыль, балансовую прибыль, прибыль, остающуюся в распоряжении организации, и нераспределенный остаток прибыли.

Балансовая прибыль образуется за счет вычитания из общей прибыли сумм убытков, прочих расходов и потерь, относимых в установленном порядке на уменьшение финансовых результатов. Из балансовой прибыли организации вносят суммы платежей в бюджет (при этом балансовая прибыль корректируется на суммы в сторону увеличения или в сторону уменьшения, в результате определяется налогооблагаемая прибыль) [2].

Прибыль, остающаяся в распоряжении организации – это остаток после вычета из балансовой прибыли сумм платежей в бюджет. Организация распоряжается этим остатком прибыли и использует на нужды внутри организации, в том числе на инвестиции. После направления прибыли по каналам ее использования может остаться нераспределенный остаток прибыли, который отражается в бухгалтерском балансе в разделе «Капитал и резервы».

Необходимо отметить, что при определении финансового результата у

организации в конце года может образоваться не прибыль, а убыток, то есть превышение затрат над выручкой. В этом случае в организации возникает проблема – как покрыть убыток. В случае отсутствия собственных источников для покрытия убытков, в балансе показывается убыток в статье «Непокрытый убыток», в разделе баланса «Капитал и резервы».

Таким образом, в бухгалтерском балансе финансовый результат отчетного года отражается как нераспределённая прибыль (непокрытый убыток) [3].

Конечный финансовый результат организации складывается из: финансовых результатов от продажи продукции (работ, услуг) и прочих доходов и расходов.

В российском учете финансовый результат от продажи продукции (работ, услуг) определяют по счету 90 «Продажи», который предназначен для обобщения информации о доходах и расходах, связанных с обычными видами деятельности организации, а также для определения финансового результата по ним. На этом счете в сельскохозяйственных организациях отражаются, в частности, выручка и себестоимость по готовой продукции, а также доходы и расходы по обычным видам деятельности.

К счету 90 «Продажи» могут быть открыты субсчета: 90-1 «Выручка»; 90-2 «Себестоимость продаж»; 90-3 «Налог на добавленную стоимость»; 90-4 «Акцизы»; 90-9 «Прибыль (убыток) от продаж».

Сумма выручки от продажи продукции, товаров, выполнения работ, оказания услуг отражается по кредиту субсчета 90-1 «Выручка» и дебету счета 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками». Одновременно себестоимость проданных продукции, товаров, работ, услуг списывается с кредита счетов 43 «Готовая продукция», 41 «Товары», 44 «Расходы на продажу», 20 «Основное производство» в дебет субсчета 90-2 «Себестоимость продаж».

Начисленные по проданной продукции (товарам, работам, услугам) суммы НДС и акцизов отражают по дебету субсчетов 90-3 «Налог на добавленную стоимость» и 90-4 «Акцизы» и кредиту счета 68 «Расчеты по налогам и сборам».

Организации – плательщики экспортных пошлин могут открывать к счету 90 субсчет 90-5 «Экспортные пошлины».

Субсчет 90-9 «Прибыль (убыток) от продаж» предназначен для выявления финансового результата от продаж за отчетный месяц.

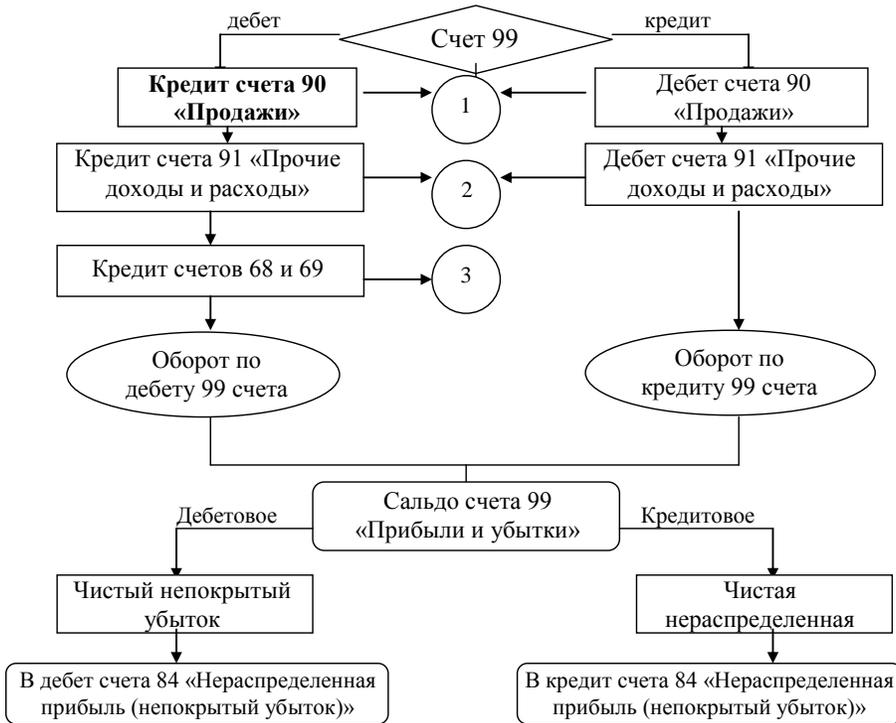
Записи по субсчетам 90-1, 90-2, 90-3, 90-4, 90-5 производят накопительно в течение отчетного года. Ежемесячно сопоставлением совокупного дебетового оборота по субсчетам 90-2, 90-3, 90-4 и 90-5 и кредитового оборота по субсчету 90-1 определяют финансовый результат от продаж за отчетный месяц. Выявленную прибыль или убыток ежемесячно заключительными проводками списывают с субсчета 90-9 на счет 99 «Прибыли и убытки». Таким образом, синтетический счет 90 «Продажи» ежемесячно закрывается и сальдо на отчетную дату не имеет.

По окончании отчетного года все субсчета, открытые к счету 90 «Продажи» (кроме субсчета 90-9), закрываются внутренними записями на субсчет 90-9 «Прибыль (убыток) от продаж».

Для обобщения информации о прочих доходах и расходах используют счет 91 «Прочие доходы и расходы». К этому счету могут быть открыты

следующие субсчета: 91-1 «Прочие доходы»; 91-2 «Прочие расходы»; 91-9 «Сальдо прочих доходов и расходов».

Записи по субсчетам 91-1 и 91-2 производят накопительно в течение отчетного года. Ежемесячно сопоставлением дебетового оборота по субсчету 91-1 и кредитового оборота по субсчету 91-2 определяется сальдо прочих доходов и расходов. Это сальдо ежемесячно (заключительными оборотами) списывается с субсчета 91-9 на счет 99 «Прибыли и убытки». Таким образом, на отчетную дату счет 91 «Прочие доходы и расходы» сальдо не имеет.

1 – списание прибыли или убытка от основной деятельности (реализационный финансовый результат);

2 – списание прочих доходов и расходов;

3 – начисление в течение отчетного года налога на прибыль, а также штрафных санкций.

Рис. 1. Взаимосвязь счетов для отражения финансового результата

Для обобщения информации о формировании конечного финансового результата деятельности организации в отчетном году используют счет 99 «Прибыли и убытки». По кредиту этого счета отражают доходы и прибыли, а по дебету – расходы и убытки. Хозяйственные операции отражают на счете 99 по так называемому кумулятивному принципу, т.е. нарастающим итогом с начала года. Счет 99 имеет одностороннее сальдо [3].

Взаимосвязи счетов для отражения финансового результата отчетного года представлены на рисунке 1.

Для повышения аналитичности информации к счету 99 «Прибыли и убытки» могут быть открыты следующие субсчета: 99-1 «Прибыли и убытки от обычных видов деятельности», 99-2 «Прибыли и убытки от прочей деятельности», 99-3 «Платежи по налогу на прибыль и финансовым санкциям», 99-4 «Прибыли и убытки отчетного года».

По окончании отчетного года при составлении годовой отчетности счет 99 «Прибыль и убытки» закрывается. При этом заключительной записью декабря сумма чистой прибыли (убытка) отчетного года списывается со счета 99 «Прибыли и убытки» на счет 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)» (рисунок 2).

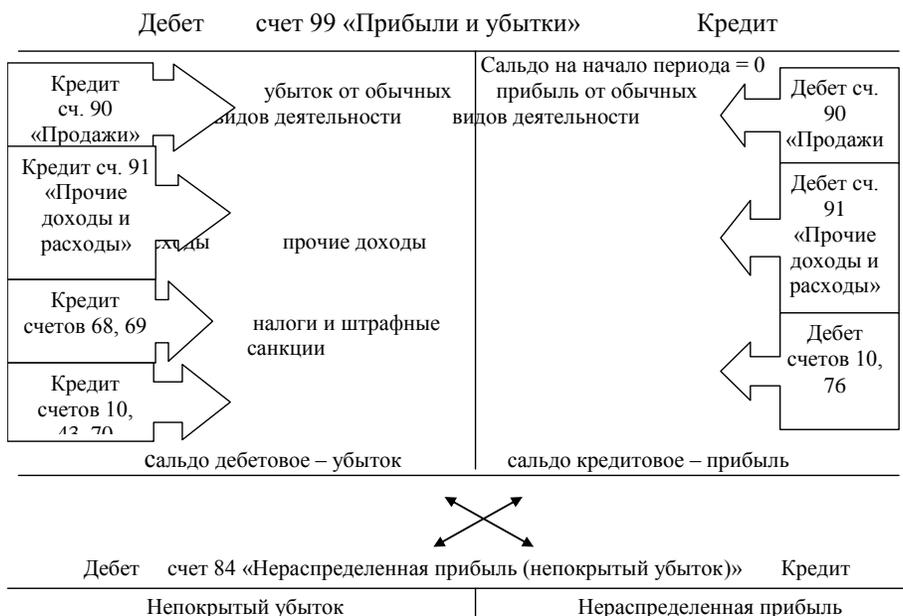

Рис. 2. Схема учета финансовых результатов и закрытия счета 99 «Прибыли и убытки» [2].

Аналитический учет по счету 99 «Прибыли и убытки» должен обеспечить формирование данных, необходимых для составления отчета о прибылях и убытках.

References:

1. Лисович Г.М. Бухгалтерский финансовый учет в сельском хозяйстве: Учебник / Г.М. Лисович. – М.: Вузовский учебник, 2012. – 318 с.
2. Бреславцева Н.А. Состояние и направление развития учета финансовых результатов (на примере пассажирских автотранспортных предприятий): Монография / Н.А. Бреславцева, О.В. Буткова. – Ростов н/Д.: «Терра Принт», 2007. – 200 с.
3. Астахов В.П. Бухгалтерский (финансовый) учет: Учебное пособие / В.П. Астахов. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт., 2011. – 955 с.

**ACCOUNTING AND TAXATION OF SMALL BUSINESS IN
THE KARACHAY-CHERKESSIAN REPUBLIC:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

¹Madina Uzdenova

¹ *Karachay-Cherkessian State University, Russia.*

Abstract

The article investigates the main changes in standard and legal base of accounting and the taxation of small business in 2013-2014. The results of monitoring the small business enterprises in the Karachay-Cherkessian Republic aimed at identification the factors which finder the development of this sector of economy are presented.

Keywords: Karachay-Cherkessian Republic, small business, monitoring of small business enterprises, accounting, taxation.

Одной из основных задач политики государства в условиях стабильного функционирования рыночного механизма является обеспечение развития малого предпринимательства. Малый бизнес в рыночной экономике – ведущий сектор, определяющий темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта.

Важным аспектом формирования и развития предпринимательской деятельности на современном этапе является реформирование системы бухгалтерского учета и налогообложения. Каждый год в отношении условий функционирования малых предприятий в РФ вносится большое количество поправок и дополнений. Данное условие вызывает научный интерес к проведению исследований для оценки эффективности новых законов и их влияния на малые предприятия в регионах России.

Для того чтобы проанализировать политику государства в части бухучета и налогообложения малого бизнеса в КЧР, нами был проведен мониторинг малых предприятий.

Мониторинг проводился в форме наблюдения, путем анкетных опросов по следующим разделам:

- 1) оценка текущего состояния предприятий;
- 2) анализ величины налогов, взимаемых с субъектов малого бизнеса;
- 3) оценка степени информированности предпринимателей об изменениях в НК РФ;
- 4) прогнозы.

По результатам мониторинга было выявлено, что стабильную прибыль получают лишь 20% опрошенных предпринимателей, прибыль 60% нестабильна, у 5% респондентов прибыли вообще нет, а 15% терпят убытки.

Этим и объясняется тот факт, что только 15% опрошенных, в перспективе, планируют обеспечить динамическое развитие бизнеса, 30%-создать условия для последующего развития, 20%-стабилизировать кризисное положение бизнеса, 30%-обеспечить выживание бизнеса, а 5%-закрывать бизнес. Это обстоятельство иллюстрирует необходимость поддержки малых предприятий.

На вопрос: «Какая на Ваш взгляд система налогообложения является наиболее оптимальной» 45% респондентов отметили упрощенную систему налогообложения, 40%-систему ЕНВД, 10%-патентную систему, и только 5% предпринимателей – общую систему налогообложения.

Основные проблемы развития бизнеса в КЧР, по мнению предпринимателей, связаны с величиной налоговых отчислений, значимость которых они оценили в среднем на 3,8 баллов, низкой покупательской способностью-3,6 баллов, высокой конкуренцией-3,4 балла, высокой ставкой процента по кредитам, отсутствием возможности взять кредит на выгодных условиях-3,3 балла.

Респондентам было предложено оценить налоговую нагрузку на бизнес в 2014 году по сравнению с 2013 годом. Значительная часть(40%) предпринимателей отметили, что налоговая нагрузка снизилась, 15% отметили ее повышение, а 30% считают, что нагрузка на бизнес не изменилась, 15% затруднились ответить.

В целом, респонденты отметили, что основными недостатками налоговой политики государства являются: нестабильность налогового законодательства, его сложность, постоянные изменения в практике взимания налоговых платежей, штрафов и т.п., при том, что некоторые изменения часто вводятся "задним числом". Негативно воспринимаются и местные налоги, список которых постоянно растет. Существенным именно для малого бизнеса становится вопрос о своевременном информировании предпринимателей об изменениях в налоговом законодательстве, порядке взимания налогов. Сейчас никто, включая и налоговые службы, официально не предоставляет подобной информации [5].

С 1 января 2013 года в отношении функционирования малых предприятий в части ведения бухгалтерского учета и налогообложения было принято огромное количество поправок и дополнений:

- изменение размера страховых взносов для ИП;
- ужесточение налогового контроля;
- увеличение налога на имущество;
- введение патентной системы налогообложения;
- увеличение транспортного налога за авто дороже 3 млн. рублей;
- повышение акцизов;
- увеличение МРОТ;
- обновление форматов деклараций и многое другое [2].

Но не стоит воспринимать каждое изменение как положительное яв-

ление в бизнес-среде. Так, количество закрывших бизнес индивидуальных предпринимателей в 2013 году достигло более 650 тыс. человек, свидетельствует статистика Федеральной налоговой службы. Значительному увеличению числа тех, кто прекратил свой бизнес, способствовало решение правительства увеличить страховые взносы с 2013 года для лиц, осуществляющих деятельность в рамках малого предпринимательства, более чем в два раза. После того как «ОПОРА России» при поддержке ОНФ собрала более 130 000 подписей против этого нововведения, правительство пошло навстречу и снизило величину страховых взносов, но данная ошибка стоила бюджету РФ 13,5 млрд. рублей, тогда как дополнительно планировалось получить 5,1 млрд. рублей [3].

Следует принять во внимание и то, что с 1 января 2014 года размер минимальной заработной платы увеличился до 5554 рубля. Казалось бы – положительное изменение! Но для малого бизнеса это приводит лишь к увеличению расходов. Дело в том, что социальные платежи во внебюджетные фонды по нанятым сотрудникам и НДФЛ рассчитываются именно от размера заработной платы.

Патентная же система налогообложения достаточно близка по своей сути с системой ЕНВД, но при всей кажущейся аналогичности эти системы имеют существенные различия.

Анализ патентной системы и ЕНВД показал, что из 23-х приведенных сравнительных параметров 19(!) приводят к ухудшению положения налогоплательщика, и лишь 4 дают ему преимущества патентной системы перед системой ЕНВД. И хотя каждый параметр имеет разный вес и значимость для предпринимателя, это достаточно существенный фактор [4].

Таким образом, изменения в нормативно-правовой базе бухучета и налогообложения оказывают на деятельность субъектов малого бизнеса КЧР непосредственное воздействие. Но, к сожалению, эти изменения зачастую не улучшают, а наоборот, лишь усугубляют и до того кризисное состояние предприятий. Причины такого положения кроются в ошибках совершаемых как во время разработки, так и в процессе реализации новых законов.

Для успешного развития экономики КЧР необходима комплексная поддержка предприятий малого бизнеса и создание условий для их стабильного функционирования, осуществляемая в настоящее время в КЧР система государственной поддержки малых предприятий недостаточно эффективна.

Российскому государству нужно заняться изучением лучшего мирового опыта поддержки малого бизнеса и адаптировать его под наши реалии. Ведь у малого бизнеса в КЧР имеются широкие перспективы дальнейшего развития и повышения эффективности деятельности малых предприятий.

References:

1. Статистический сборник // Карачаево-Черкесскстат/Черкесск-2013.
2. bs-life.ru/finansy/banku/umenshenie-strahovih-vznosov.html
3. m.forbes.ru/article.php?id=249209
4. www.klerk.ru/analytics/columns/300452
5. www.nisse.ru/business/article/article_1543.html?effort=

**THEORETICAL STUDY OF THE PROBLEMS OF INNOVATION PROCESS
IN ENTERPRISES**

¹ Zoryna Yurynets

¹ *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Ivan Franko Lviv National University, Ukraine.*

Abstract

In the article the author studies problems of innovations creation. These elements result in contradiction of interests, complicate activity of organization, her development. The article shows consequences of innovative activity of organization. A key role creation of technological and innovative advantages of organizations understanding of possible consequences must play them innovative activity.

Keywords: innovations, necessity in innovations, creations of innovations, consequences of innovative activity.

В рыночной экономике инновации представляют собой эффективное средство конкурентной борьбы, так как ведут к созданию новых потребностей, открытию и захвату новых внутренних и внешних рынков. Развитие инноваций в Украине должно стать ключевым фактором не только выживания, но и стратегического позиционирования страны в мировом сообществе. Для повышения эффективности инновационной деятельности нужно углубленно исследовать структуру и характер воздействия помех такой деятельности [5]. Понимание этих аспектов требует исследования возникновения потребности в инновациях в социально-экономической системе, причин возникновения препятствий инновационной деятельности и структурирования информации о возможных последствиях инновационной деятельности организации.

Цель статьи заключается в формировании понимания возникновения потребности в инновациях в организациях, проблем, которые препятствуют внедрению новшеств в стране и составляют серьезную угрозу для процесса развития инновационной деятельности и экономики страны в целом, а также обоснованию причин возникновения помех инновационной деятельности организации.

Строительство инновационной экономики в любой стране есть сложнейшей социально-экономической задачей. Инновационное развитие во всем мире обусловлено необходимостью постоянного повышения и удержания конкурентоспособности предприятиями. Сейчас необходимо формирование действенной системы управления инновационной деятельностью на всех уровнях управления и внедрение технологий иннова-

ционного менеджмента на предприятиях, которые осуществляют инновационную деятельность.

Организация как социально-экономическая система в любой форме имеет две тенденции своего существования: функционирование и развитие. Каждая из этих тенденций направлена на обеспечение конкурентоспособности организации. Функционирование и развитие информационно теснейшим образом взаимосвязаны между собой, отражая диалектическое единство основных тенденций социально-экономической системы. Функционирование сложной социально-экономической системы (организации) характеризует обязательное наличие предметов, средств труда и людей, осуществляющих трудовую деятельность. Функционирование организации возможно в случае определенного соответствия признаков и условий: средства труда могут изменять предмет функционирования, человек как неотъемлемая часть производственно-хозяйственных процессов должен обладать средствами труда, а результат – соответствовать интересам и потребностям человека. Развитие организации характеризует изменения в предмете, средствах труда и человеке. Критерием этих изменений является появление нового качества, которое укрепляет стабильность и гармоничность функционирования социально-экономической системы или создает для этого принципиально новые условия.

Следствием развития является повышение производительности труда, изменение его характера, возникновение новых конструкций и технологий, усиление мотивации деятельности. Одновременно меняются и условия функционирования социально-экономической системы. Это дает основания выделить реструктуризационную функцию инновационной деятельности. Связь функционирования и развития имеет диалектический характер, что отражает возможность и закономерность наступления, проведения инновационных изменений. Функционирование сдерживает развитие и в то же время является его питательной средой. Развитие разрушает многие процессы функционирования, но создает условия для динамичного проведения изменений.

Таким образом, возникает тенденция развития, которая отражает потребность периодического обновления производства, логистики, отношений и т.д. [3]. Инновации являются противоположностью кризиса. Кризисы, особенно экономические, отражают не только противоречия функционирования и развития, но могут возникать и в самих процессах функционирования. Например, противоречия между уровнем техники и квалификацией персонала, между технологиями и условиями их использования (помещение, климатическая среда, технологическая культура и т.д.) [1, с.15-16]. Это свидетельствует о наличии у кризиса инновационной функции. Инновационная деятельность меняет тенденции жизнедеятельности системы – с одной стороны, нарушает ее устойчивость, а с другой, радикально ее обновляет.

Поэтому побудительная сила инновации нужна системе не менее, нежели спокойная безмятежная жизнь. Внедрение инноваций дает новый толчок развитию предприятия, способствует переходу на новый уровень организации и управления за короткое время, а медленное эволюционное развитие заменяется резким революционным скачком. Но для того, чтобы достичь поставленной цели, предприятие должно быть готовым, иметь соответствующий производственный потенциал и творческие разработки [2]. Поэтому стоит выделить стимулирующую функцию инноваций.

Рассмотрим инновационный процесс с позиции тектологии. Завершение или перелом в ходе инновационного процесса имеет характер борьбы. К началу инновационного процесса борьба происходит в основном на идеологическом уровне, положение является неопределенным, непрочным, наделенным совокупностью колебаний. Момент завершения создания инновационной разработки определяет конец неопределенности и колебаний – победа одной из сторон или примирения обеих знаменует собой начало чего-то нового, другой организационной и творческой точек зрения.

По своей сути зарождение инновационной деятельности – это определенное изменение организационной формы конкретной социально-экономической системы, в которой оно происходит. К тому же создание инновации – это нарушение установленной равновесия и в то же время процесс перехода к новому равновесию. Переход к новому равновесию можно рассматривать как совокупность изменений, которые происходят в процессе инновационной деятельности, или как предел тенденций инновационного процесса. Если известны тенденции инновационного процесса и те условия, в которых он разворачивался, то появляется возможность заранее предусмотреть его конечный результат.

Для создания эффективного инновационного процесса необходимо различать препятствия и причины их возникновения. Препятствия представляя собой проявление негативных внутренних и внешних воздействий, которые не сопутствуют созданию и внедрению инноваций. С точки зрения предприятия как субъекта экономической деятельности препятствия воплощения инноваций бывают внешние и внутренние. Первые связаны с тенденциями и стратегией макроэкономического развития, конкуренции, политической ситуацией в стране, развитием мировой экономики, а вторые – с несовершенством управления предприятием, недостатками в организации производства, внутренними конфликтами, инвестиционной политикой предприятия. Объективные препятствия, связанные с циклическими потребностями в инвестициях, с новыми конструкциями и технологиями, а также с неблагоприятными воздействиями внешней среды; субъективные факторы отражают недальновидность, ошибки и волюнтаризм в управлении.

Препятствия инновациям могут иметь также естественный характер,

отражающий явления климата, стихийных бедствий (землетрясений, наводнений и т.п.), т.е. характеризуют изменения окружающей среды, а могут носить и техногенный характер, то есть быть связанными с деятельностью человека.

Причины представляют собой явления или события, в результате которых появляются препятствия и факторы, усиливающие или ослабляющие инновационный процесс. Причины бывают разными. Объективные причины в основном связаны с циклическими потребностями в модернизации и реструктуризации предприятий, а также с необходимостью выживания в рыночной стихии, когда произведенная продукция становится неконкурентоспособной. Субъективные причины отражают тенденции лидерства, понимание общественных потребностей и т.д. Природные и общественные изменения, относящиеся к внешним причинам возникновения препятствий инновационной деятельности, в основном проявляются тогда, когда происходят грандиозные природные (землетрясения, оползни и т.д.) или общественные (войны, революции и т.д.) изменения (катаклизмы).

Наибольшую роль среди внутренних причин препятствий инновациям, возникающих в предпринимательских структурах, играет образовательный и научный уровень персонала. С этой причиной тесно связаны несовершенная система управления, неправильный выбор стратегии и соответственно ошибки в выбранной сфере деятельности [4]. В понимании препятствий, тормозящих инновационную деятельность, большое значение имеют не только их причины, но и разнообразные последствия: возможно обновление организации или ее разрушение, оздоровление или возникновение кризиса. Инновационная деятельность не всегда связана с положительными последствиями, поскольку любой поиск нового всегда граничит с риском неудачи. Каждая инновационная разработка без сомнения является затратной. В связи появления новых идей или проектов, моральной устарелости разрабатываемых проектов и т.д. нельзя при проведении инновационной разработки исключать переход в состояние новой разработки, которая, в свою очередь, может быть совершенной и затратной. Инновационные разработки типа различных усовершенствований (рационализаторских предложений) могут возникать как цепная реакция. Существует возможность «консервации» инновационного процесса на достаточно длительный период, особенно при наличии соответствующих групп и научно-исследовательских структур. Вообще последствия инновационной деятельности теснейшим образом связаны с двумя факторами: ее причинами и возможностью управления процессами инновационного развития. Поэтому можно выделить ликвидационную, перераспределительную и прорывную функции инновационной деятельности.

Рассмотренные проблемы инновационной деятельности приводят к противоречию интересов и тяжелым бременем ложатся на функциональ-

ную деятельность любой организации, ее развитие. В современных условиях снижение инновационной активности является главным препятствием для устойчивого и поступательного хозяйственного развития. Потребность в инновациях в стране зависит от конкурентоспособности организаций, уровня их менеджмента, стабилизации их производственно-хозяйственных процессов, устранение устаревшего и переход на новые тенденции, управление функционированием или развитием предприятий. Понимание причин возникновения препятствий инновационной деятельности позволит менеджерам оценить угрозы на пути создания инноваций и выработать решения для реализации эффективной инновационной стратегии.

References:

1. Антикризисное управление: Учебник / Под ред. Э.М. Короткова. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 432 с.
2. Конкурентоспроможність національної економіки: тенденції, перспективи, соціальні орієнтири [Текст]: монографія / За наук. ред. З.Юринець. – Луцьк: Вежа-Друк, 2012. – 292 с.
3. Управління конкурентоспроможністю // <http://www.proces.biz/MS/Book/LightBook/index.html>
4. Юринець З.В., Максимів Б.М. Інноваційна стратегія розвитку переробних підприємств України: монографія / З.В. Юринець. – Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2011. – 203 с.
5. Юринець З.В. Дослідження перешкод створення інноваційної продукції // Формування ринкової економіки в Україні, збірник наукових праць. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка. – 2012. – Вип.28. – С.197-200
6. Yurynets Z.V. Model stworzenia strategii innowacyjnej rozwoju przedsiebiorstw przemyslowych w warunkach nieustalonych // Nauka i studia. – Przemysl: Sp. z o.o. "Nauka i studia". – 2012. – № 5 (50). – С. 31–35

INSTITUTIONAL ASPECTS OF ACCOUNTING PROCESS TECHNOLOGY

¹ Andrey Yanchev

¹ *Candidate of Economic Science, Associate professor, Doctorate of Finance
Department, Kharkov State University of Food Technology and Trade*

Abstract

The article outlines methodological aspects of the accounting process technology as an integrated system for decision-making information support within administrative business process. Hierarchical structure of logic of accounting process is investigated. The functional structure of the accounting process technology based on the elementary management functions is developed.

Keywords: accounting process, accounting technology, administrative business-procedure, formalized logic.

Statement of the problem. The development of modern information technologies gave a wide range of opportunities for improving the process of management in general and preparing information support of management within the accounting process in particular. Today innovativeness of the economy allows compensating the losses from rise in prices of natural resources, decentralizing management of economic system and returning it to a state of equilibrium [2, p. 54]. The problem of comprehensive automation of administrative activity of the institutional units is urgent for any business unit regardless of its form of ownership, organizational and legal form, volume of activity and vocational guidance, management hierarchy. At the end of the last century two trends of applying information and communication technologies were formed as a result of active work of identifying reserves of efficiency improvement of information services of managerial decision-making processes. The first one relates to the development and use of information databases, and the second one relates to the modeling accounting systems of enterprises for analyzing financial and economic activity and planning the use of resources. The emergence of these trends, on the one hand, promoted creating means of management processes service, on the other hand, it resulted in significant disproportions in the global system of information communication in the society.

All administrative functions that are implemented within the accounting process aimed at identifying the causes of deviations of economic activity results from its planned indices. Accounting process should be built on a modern technology that will ensure getting an idea of the institutional unit as a whole, according to the developed business philosophy and logic.

Research of the technological features of the accounting process at the enterprises of all forms of ownership will provide improvement the quality of accounting information, its relevance, essentiality, reality, objectivity and increase efficiency of its use in a market environment [9, p. 10]. Therefore, we consider it expedient to particularize on the theoretical and methodological features of accounting process technology under conditions of informatization of the social and economic relations, namely: terminology, principles, methods, as well as the hierarchy of information resources and accounting procedures.

Analysis of research and publications. Researches of the issues of accounting process organization as the basis of functioning modern institutional units were conducted in scientific work by such domestic and foreign scientists as A.S. Krutova, O.P. Kundrya-Vysotska, S.A. Kuznetsova, V.S. Len', E.V. Mnich, P.P. Nimchynov, V. V. Sopko, B. Andersen, L.A. Vdovenko and others.

The aspects of the problem unsolved before. Analysis of the conducted proved that considerable attention was paid by different scientists to particular elements of accounting process, not focusing on its overall technology. V.V. Sopko identifies accounting process technology to the circulation of documents of an enterprise and under conditions of computerization, but in terms of computerization – to the movement of primary data, meaning by this a set of actions of executors and procedures of movement of accounting information (documents) both in space and time [18, p. 60]. V.S. Len is of the same opinion, referring organization of documenting business transactions and document circulation to the technological aspects of accounting process [11, p. 144]. O.P. Kundrya-Vysotska considers accounting process technology as serving the entire accounting process by forming accounting nomenclatures, designing accounting information carriers, reporting [10, p. 50]. In this case all the authors are of the same opinion about the necessity of adjusting technology of accounting process of handling primary documents on the economic facts of an enterprise. With such approaches accounting process is not considered as an integral system that performs functions of information support of decision-making within the administrative business process, but it is presented as a list of actions on the handling primary accounting documents with the aim of formation of summary registers and financial reporting.

The most progressive is the position of E.V. Mnich, who offers to apply three-level technological scheme of the accounting process that encompasses the generalized phases corresponding to the features of a specific functional process: preparatory, executive and concluding [12, p. 62-63]. Within the accounting process the scientist marks out three groups of functional and technological procedures: accounting, control and analytical. In this case accounting procedures are considered as base for carrying out control and analysis.

In this regard, it should be mentioned that such an approach presents accounting process as a tool for information processing from the perspective of general practice of its application and deprives the management system from efficiency, that opens new perspectives for the further study of this issue.

The aim of the article is the study the methods and principles of re-engineering formalized logic of accounting process that characterize its material, information and organizational components, and the development of its hierarchical structure.

The main results of the research. The technology of accounting process should provide for not only the generating information resources of management of existing business processes but also methods designing new processes. That is why technology of accounting process should be viewed as a sequence of measures of introducing resources at the input, their handling within the administrative process and production of information arrays of different levels of detailing at the output. A number of methods are used for this purpose: documentation, analysis of the efficiency of information management, the adequacy of the applied tools, routing information flows within the administrative business process that include analysis of information management efficiency, adequacy of applied instruments, routing information flow within the administrative business process, avoiding duplication of information resources, reducing the number of unnecessary administrative measures and, consequently, reducing cycle of information processing and exercising internal control.

Since the emergence of new technological schemes of solving problems leads to a redistribution of work in accounting process, any level of generalization and detailing must be presented in the form of a business model that is created with the help of instruments of formal or informal description of the factual and foreseen facts of economic activity of an enterprise. In fact, technology of accounting process abstracts from the process of data converting and works according to the technology of information filling and use of its results. Objectively, functions required for direct management of supply and sales, production processes and financial flows of an enterprise, are implemented with the help of two approaches: functional and process [4, p. 59]. As for the implementation of these approaches when shaping the business logic of an enterprise, methodology of their economic interpretation was investigated by a wide range of domestic and foreign scientists [1, 5, 14, 19, 20, 21]. Analysis of the literary sources proves that a recognized logic of building up managerial information systems according to the process approach is their re-engineering.

Business re-engineering should be understood as performance of series of design work to develop methods and procedures of business management when increase of its financial condition is achieved without changing the adopted management structure of an enterprise [7, p. 39]. The unconditional

advantage of such methodology is its focus on the result of the process performance as a whole, rather than specific functional tasks or levels of management, distinguishing in business process main operations that form the consumer value, and auxiliary operations that serve the process of production and sales, the reduction of all kinds of costs of implementing business process as a whole that leads to the increase in profit of activity.

At the same time, manufacturing business processes are mainly considered in the works of scientists on business process re-engineering. In this case administrative processes, that include accounting process that provides forming and routing knowledge of facts occurring in economic activity on the physical level, is left unattended of the built business logic. Supporting the views of scientists as for building the overall business logic of an economic entity we believe that re-engineering techniques should be also used in developing technology of formalization of data and knowledge in the accounting process.

Ideas of accounting re-engineering are not new. They were expressed by O.P. Rudanovsky (with respect to the balance rating) [17], P.P. Nimchynov (with respect to procedures of accounting modeling business transactions) [13], B.M. Rapoport (modeling the processes of capital management of an enterprise) [15] D. Harrington (business processes forecasting) [21], A.S. Krutova (modeling the impact of balance changes on business value) [8], T. Grafova (using re-engineering tools in the control). Thus, in general, re-engineering in the accounting system is considered as mechanism that provides adjustment and adaptation of the accounting system to certain conditions that characterize changes in the internal environment and business environment [6, p. 456]. It is hypothetical processes of re-engineering that contributed to the development of accounting guidance of business processes management [3, p. 7].

Documenting and accounting process should be regarded as administrative business processes re-engineering of which allows improving the performance of an institutional unit as a whole. So according to D. Harrington even awareness of thee trends of improving business processes of an enterprise will not provide obtaining the expected result until the processes are not adequately documented and reflected in the accounting [21, p. 15]. That means that the availability of information on the process should be provided for any user who needs to manage the process or use information for any other purpose. Moreover, the accounting process should provide a direct opportunity to monitor relations starting from individual tasks and finishing with the strategic plan and the critical factors of success of an organization. This can only be achieved on condition that an efficient hierarchical structure of the accounting process will be used.

Administrative business processes of an enterprise like all the others should be considered as dynamic processes involving the use of tools and objects of labor and labor itself. According to M.T. Biluha technology of

accounting process involves three stages: organizational, technological and final [3, p. 206]. L.A. Vdovenko is of the same opinion marking out of the tactical and strategic levels in the final stage [4, p. 128]. Sharing totally the opinion of the scientists we consider it expedient to emphasize that all administrative business processes, including documenting and accounting processes can be considered according to the such technological structure.

It is expedient to consider the accounting process re-engineering the work of designing a stable, task-oriented set of interrelated types of activity of establishing and functioning common information space of an economic entity. The development of the hierarchical structure of the accounting process should begin with a description of its logic by defining its key elements: business process, basic functions, algorithms for solving problems. The logical structure of the accounting process converts into program and technical structures that results in the creation of the administrative business process module. The logical structure of the administrative business process is a logical level of its description, program and technical structures — a physical level of the administrative business process description. Building up the logical structure of a business process at an early stage of its re-engineering allows achieving the integration of its components — the interaction of personnel and processes on a physical level, as well as integration of information on a logical level of management (fig. 1).

At the logical level of the business process description the only kind of its provision is its information resources and flows of various degrees of integration and detailing. However, implementation of the accounting process is impossible without involving different types of provision that form its physical level. On the physical level of the accounting process provision with hardware and software, as well as labor of various skill levels, that encourages accounting process and is consumed within it should be marked out.

All areas of integration of administrative business processes are provided with using business intelligence technologies. According to the definition of L.A. Vdovenko intelligence technologies are technologies related to the organization of adaptive concept aimed at using modern systems of support of decision-making on managing activity of an enterprise [4, p. 117]. The basis of integration possibility is the assumption that each type of integration corresponds to a certain sequence of basic operations that is strictly determined within each transaction. For example, a transaction Q – $Q = (Q_1 + Q_2 + Q_3 + \dots + Q_n)$, and for the transaction R – $R = (R_1 + R_2 + R_3 + \dots + R_n)$. Grouping transactions according to the types allows efficiently implement the possibility of their parallel processing as well as removes the limitations of technical means of entering data into the information system of an enterprise.

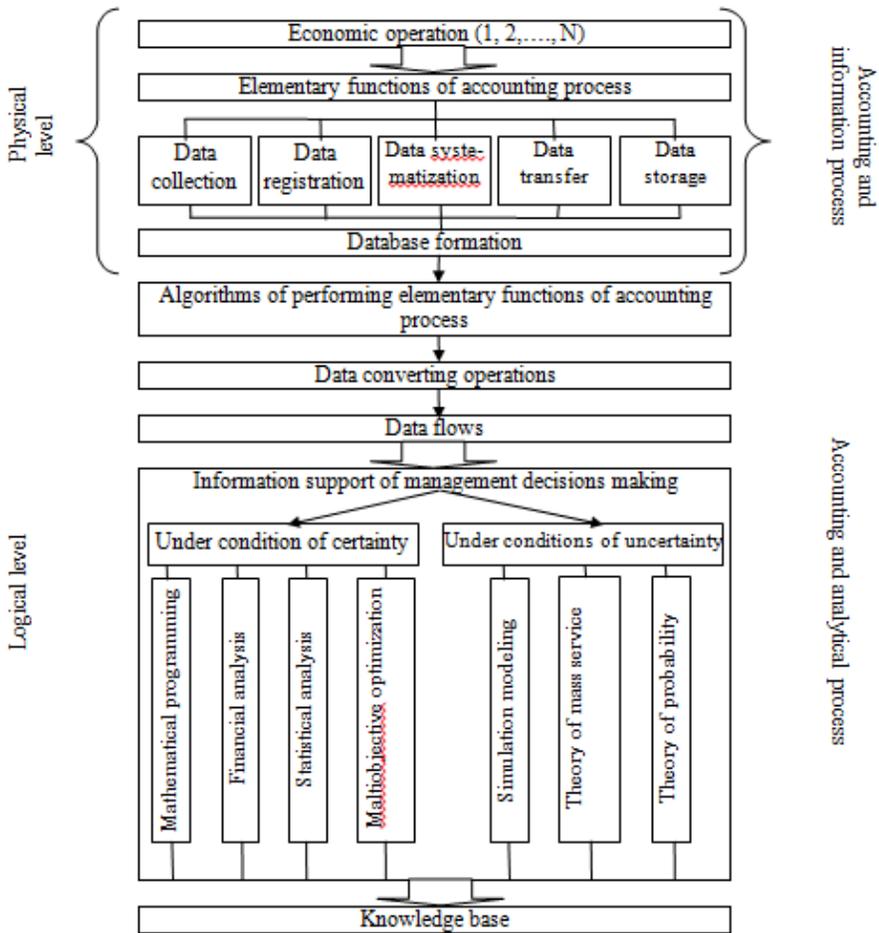

Fig. 1. Model of administrative business process

Accounting process refers to administrative business processes of an enterprise, so it should be considered as a technology of processing information resources that enter at unregulated periods of time from different sources of origin: production lines, areas, separated departments of an enterprise, suppliers, customers, banks, etc. This approach allows organizing integration of information according to the lines and its transfer from the operational database to the knowledge base.

A set of accounting features depends on the goal and tasks of financial and economic activity of an economic entity, that are grouped according to the levels by consolidating and detailing data, that is achieved due to the hierarchy of analytical measurements. We offer the following flowchart of

analytical measurements of performing administrative business process according to tree-like principle, where tasks are grouped according to features — objects.

Modern information systems have to provide support for making decisions that are up to the goals of different levels of management. Such support is realized through managing business processes based on the forms of their organization that accumulate economic indices of various business processes in relation: databases, knowledge bases and data storage. The view of structural composition of the accounting process sidewise its final product allows to make a conclusion that the prime record procedures (observation, perception of business transaction as a fact, measuring them in natural and valuable indexes, registering them in recording medium) allows forming a primary database by the accounting entities concretized in the form of accounting nomenclatures that corresponds the information function of accounting. So, it is reasonable to define this process as accounting-informational. Nevertheless, accounting both informs about the condition, elements and mines in the activity of economic entity (information function) and interactively assesses the results of its activity (analytical function). That is why this process should be interpreted as accounting and analytical one. Complex interaction of two components of the accounting process forms prime quality product for all groups of accounting information users.

Each of the subsystems of an administrative business process is a set of hierarchically and horizontally systematized business processes of lower level united by a common goal of a subject area of the business system. At the detailed level subsystems of administrative business process consist of a set of specific elementary functions. Thus, the terms "business system", "business subsystem" and "business operation" are hierarchically interdependent and constitute logic of the administrative business process

Conclusions. Proceeding from the above mentioned it is possible to draw conclusions. When designing accounting process technology it is necessary to apply system integration methods, the main of them are: determining the presence of direct and inverse information relations; decomposition of an information system and its modules; openness and possibility to improve the entire complex of accounting procedures and each of its components particularly; providing internal conformity of the system on the data arrays level and level of accounting procedures; minimization of paper document circulation; rationalization of technological chains by means of introducing standardized modules; ensuring efficient functioning of the entire system.

According to it, the basic principles of accounting process technology are formed:

- consistency and logic of building up providing and functional components of the accounting process;
- decomposition of the process in a number of blocks of tasks, each of

which simulates a certain sphere of administrative activity;

– updating methodical system and inclusion of new software modules into the system;

– extensive application of economic-mathematical methods, methods of budgeting and forecasting, systems of balanced indices;

– adaptation of the system elements.

Presented methods and principles of designing accounting process technology characterize mainly its material, information and organizational components. However, the structure of accounting and analytical system has such a factor as a human (his mental and physical labor). Accounting process technology should be developed according to the structure of the management system of an enterprise and stipulates personnel component. Therefore, an effective approach to organizing accounting process under conditions of informatization of social and economic relations is sufficient and optimal engagement of employees, the degree of their competence, their creativity and opportunity to fully devote their talents to accomplishing the task, that is a promising direction for further research in the context of the mentioned scientific problem.

References:

1. Андерсен Б. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования / Бьерн Андерсен.; пер с англ. С.В. Ариничева; науч. ред. Ю.П. Адлер. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2003. – 272с.

2. Багратян Г. Введение в мегаэкономику: теория, методология, практика: монография / Грант Багратян, Ирина Кравченко. – К.: УБД НБУ, 2012. – 158 с.

3. Білуха М. Т. Теорія бухгалтерського обліку: підручник / М. Т. Білуха. – К.: Вид-во Київський держ. торг.-екон. ун-т, 2000. – 692 с.

4. Вдовенко Л. А. Информационная система предприятия: учеб. пособие / Л. А. Вдовенко. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2010. – 237 с.

5. Виноградова О. В. Реінжиніринг бізнес-процесів у сучасному менеджменті: монографія / О. В. Виноградова. – Донецьк: Вид. ДонДУЕТ, 2005. – 196 с.

6. Графова Т. Система инструментов бухгалтерского инжиниринга и их использование в финансовом, управленческом и стратегическом контроле / Т. Графова // Ресурсы Информация Снабжение Конкуренция. – 2011. – № 1. – С. 456-461.

7. Информационные технологии управления бизнесом / под ред. Г.А. Титоренко. – [2-е изд.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 439 с.

8. Крутова А. С. Облік в системі електронної комерції: монографія / А. С. Крутова; Харк. держ. ун-т харч. та торгівлі. – Харків: ХДУХТ, 2011. – 396 с.

9. Кузнецова С. А. Організація облікової інформації в управлінні діяльністю суб'єктів господарювання: монографія / С.А. Кузнецова. – Мелітополь: ТОВ «Видавничий будинок ММД», 2008. – 224 с.

10. Кундря-Висоцька О. П. Організація обліку: навч. посібник / О.П. Кундря-Висоцька. – К.: Алерта, 2007. – 223 с.

11. Лень В. С. Організація бухгалтерського обліку: навч. посібник / В.С. Лень. – К.: Цент навчальної літератури, 2006. – 696 с.

12.Мних Є. В. Організація автоматизованих робочих місць облікового персоналу: навч. посібник / Є.В. Мних, Є.І. Цікало, Р.М. Бунь. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2004. – 167 с.

13.Німчинов П. П. Загальна теорія бухгалтерського обліку / П. П. Німчинов. – К.: Вища школа, 1977. – 240 с.

14.Ойхман Е. Г. Реинжиниринг бизнеса: реинжиниринг организаций и информационные технологии / Е.Г. Ойхман, Э.В. Попов. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 336 с. 9

15.Рапопорт Б. Инжиниринг и моделирование бизнеса / Б. Рапопорт, А. Скубченко. – М.: Ассоциация авторов и писателей "ТАНДЕМ", Экмос. – 2001. – 240 с. 17

16.Реслер М. В. Обліково-аналітичне забезпечення системи фінансового менеджменту: монографія / М. В. Реслер. – Ужгород: Поліграфцентр, 2013. – 296 с. 21

17.Рудановский А. П. Теория балансового учета. Оценка, как цель балансового учета, счетное исчисление / А.П. Рудановский. – М.: МАКИЗ, 1828. – 237 с. 15

18.Сопко В.В. Організація бухгалтерського обліку, економічного контролю та аналізу: підруч. / В.В. Сопко, В.П. Завгородній. – К.: КНЕУ, 2004. – 412 с. 3

19.Чаадаев В. К. Бизнес-процессы в компаниях связи / В. К. Чаадаев. – М.: Эко-Трендз, 2004. – 176с. 10

20.Шемаева Л.Г. Управління якістю бізнес-процесів на підприємстві: монографія / [Л.Г. Шемаева, К.С. Безгін та ін.]. – Харків: Вид. ХНЕУ, 2009. – 240 с. – (Харківський національний економічний ун-т). 11

21.Harrington H. James Documentation, analysis, design, and management of business pricess improvement / H.James Harrington, Eric K.C. Esseling, Harm van Nimwegen. – New York: McGraw-Hill, 2002. – 317 с. 13

**DIRECTIONS OF PERFECTION AND RECOMMENDATIONS
FOR ADDITIONAL TAX CONTROL MEASURES SMALL BUSINESSES**

¹ Elena Murzina

¹ *Candidate of Economic Sciences,
Volga State University of Technology, Russia.*

The article is devoted to the problems of improving the control of small businesses. focuses on the tax control as a form of state control of small businesses.

Keywords: entrepreneur control, taxes.

Совершенствование налогового контроля является важнейшей задачей налоговых органов. В первую очередь, необходимо устранение существующих проблем, возникающих в ходе проведения дополнительных мероприятий налогового контроля.

Налоговый контроль это такая сфера налоговый правоотношений, где не допускаются неточности. Так как налогоплательщик и налоговый орган два "противостоящих" субъекта, налогоплательщик хочет заплатить как можно меньше, в то время как налоговый орган хочет начислить и взыскать как можно больше средств, то возникновение неточностей, пробелов в законодательстве каждый воспринимает в свою пользу.

Рассмотрим основные проблемы, которые могут возникнуть у налоговых органов при проведении дополнительных мероприятий налогового контроля, и попытаемся предложить меры по их устранению.

Одно из важных мероприятий для налоговиков, позволяющее в некоторых случаях установить и доказать многие обстоятельства деятельности организаций и граждан, которые невозможно установить иными мерами налогового контроля является допрос свидетеля.

При регулировании порядка действий по осуществлению налогового контроля, в Налоговом Кодексе РФ опять же имеются определенные «нестыковки». Статья 128 Налогового кодекса РФ устанавливает ответственность свидетеля за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний в виде штрафа в размере трех тысяч рублей. Между тем, значение свидетельских показаний в налоговом процессе может быть весьма ощутимым с точки зрения и материальных последствий, и вида ответственности. Ложными показаниями либо уклонением от дачи показаний можно скрыть преступление либо, наоборот, подвести человека к уголовному делу. Во втором случае дело переходит в сферу уголовно-процессуальных отношений, а здесь, как известно, действует уже уголовная ответственность за дачу ложных показаний. Такая трансформация вполне возможна, и это надо знать тем, кто оказывается в положении свидетелей в налоговом процессе. Поэтому размер санкции за рассматриваемое налоговое правонарушение следует менять в сторону увеличения. Но целесообразно установить его не в категоричной форме, а в виде максимально возможного размера штрафа.

Показания, полученные в ходе допроса должны быть максимально подробными и не допускать двусмысленного толкования. Предложим ряд

рекомендаций, касающиеся содержания самих свидетельских показаний, с целью устранения неясности в получении доказательств:

✓ при допросе сообщать необходимо только о фактах объективной действительности, непосредственно воспринятых;

✓ никаких умозаключений и оценочных суждений делать не нужно;

✓ отвечать нужно на поставленный вопрос, не говоря больше, чем спрашивают;

✓ ответы "не знаю" и "не помню" допустимы, особенно если они дополнены ссылками на те обстоятельства, что это не входило в круг ваших обязанностей или вы затрудняетесь вспомнить по происшествии длительного периода времени.

✓ после допроса прочтите протокол и в специальном разделе о замечаниях укажите все расхождения между данными ответами и тем, как они изложены в протоколе.

Соблюдение процедуры сбора и оформления доказательств в рамках проведения мероприятий налогового контроля и привлечения налогоплательщиков к налоговой ответственности не является формальностью. Нарушение установленной формы документального оформления доказательств впоследствии может повлечь отмену решения налоговой инспекции вышестоящим налоговым органом или судом.

Среди основных недостатков эффективности мероприятий налогового контроля выделяется отсутствие взаимодействия налоговых органов с органами внутренних дел.

В целях качественного и полного сбора доказательственной базы по нарушениям законодательства о налогах и сборах Федеральной налоговой службе необходимо в отдельных случаях привлекать органы внутренних дел для участия в проводимых выездных налоговых проверках.

Объяснения, полученные органами внутренних дел в ходе проведения оперативно – розыскных мероприятий, могут служить основанием для проведения налоговыми органами дополнительных мероприятий налогового контроля. Решение налогового органа по результатам налоговой проверки должно основываться только на тех доказательствах (сведениях), которые получены и исследованы в рамках дополнительных мероприятий налогового контроля. В противном случае показания свидетеля можно будет оспорить как недопустимые доказательства. Сотрудник органа внутренних дел может помочь налоговому инспектору в изучении личности допрашиваемого лица (например, сообщить сведения о совершенных ранее допрашиваемым лицом преступлений в налоговой сфере либо об отсутствии таковых, о личности допрашиваемого). Участие органов внутренних дел ценно при определении перечня вопросов допрашиваемому лицу, установлении последовательности предъявления доказательств и пр. В ходе допроса органы внутренних дел оказывают содействие налоговому инспектору в отслеживании ответов допрашиваемого лица с целью выявления ложной информации.

У налоговых органов и органов внутренних дел различные методы выявления противоправных деяний в сфере налогообложения. У первых они контрольные, у вторых – оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные. В то же время их сочетание на основе действующего законодательства и принципа соблюдения прав и законных интересов

граждан и предпринимателей может дать наибольший эффект и результат для получения доказательственной базы.

Что же касается истребования документов, то эта процедура является чрезвычайно важным правомочием налоговых органов и одним из самых эффективных мероприятий налогового контроля, как по частоте использования, так и с позиции получения необходимой налоговой информацией. Налогоплательщикам следует с особым вниманием подходить к вопросу предоставления документов налоговым органам, поскольку далеко не всегда требования налоговых органов являются законными и подлежащими исполнению.

Основной проблемой, возникающей при истребовании налоговыми органами документов, является количество истребуемых документов.

Уже давно сложилась практика, когда вместе с Решением о проведении выездной налоговой проверки налогоплательщику вручалось Требование о представлении документов практически на все первичные документы и счета-фактуры налогоплательщика за 3 предшествующих года.

Необходимо усовершенствовать работу по оптимизации процесса истребования документов.

В частности, в настоящее время целесообразна организация потокового сканирования истребованных документов в рамках статьи 93.1 Налогового кодекса у налогового органа – исполнителя и дальнейшего направления сканированных образов документов в налоговый орган – инициатор в электронном виде.

Кроме того, в случае организации вышеназванного процесса в рамках статьи 93.1 НК РФ копии истребованных документов будут оставаться в налоговом органе по месту нахождения налогоплательщика и могут быть использованы в ходе мероприятий налогового контроля без запроса их у налоговых органов, куда ранее они были направлены в бумажном виде.

ФНС России предлагает внести в кодекс поправки, которые увеличат срок хранения бухгалтерских документов: бухгалтеры должны будут хранить такие сведения не четыре года, а шесть. Увеличение периода времени, который может быть охвачен налоговой проверкой, обусловлено как значительным ростом количества налогоплательщиков, так и особенностями исчисления и уплаты отдельных налогов.

Еще одна проблема, на которой следует остановиться, связана с дисциплиной исполнения запросов по истребованию документов у контрагентов и иных лиц, касающейся деятельности лица, в ходе налоговой проверки. С одной стороны, понятно, что исполнение запросов по истребованию документов порой отнимает значительное время и отвлекает от выполнения собственных контрольных функций.

Другая идея ФНС - создание «механизма истребования документов о налогоплательщике, находящихся у третьих лиц». Для этого поправки предлагают разрешить проводить инспекторам на территории третьих лиц осмотр документов и предметов, которые относятся к деятельности проверяемого налогоплательщика.

Так называемые «встречные проверки» третьих лиц проводят и сейчас, но пока они сводятся к требованиям прислать интересующие документы по почте. Теперь же инспекторы намерены проводить осмотр непосредственно на территории любого предприятия.

Выявлению подобных нарушений способствует наличие у налоговых органов, проводящих выездную налоговую проверку, широкого арсенала правовых средств, направленных на получение первичной информации о правонарушении и ее оценку.

В последние годы налоговые органы все чаще при проведении налоговых проверок обращаются к помощи экспертов. В связи с этим, проблема соблюдения прав и законных интересов представителей бизнеса при проведении экспертиз становится все более актуальной.

В Налоговом кодексе РФ порядок осуществления соответствующих процессуальных действий регулируется лишь двумя статьями. В то же время УПК РФ, ГПК РФ и АПК РФ содержат значительно большее количество норм, устанавливающих правовой статус эксперта, порядок назначения и проведения экспертизы, а также ее виды. Все это порождает определенные проблемы в правоприменительной практике при определении статуса эксперта в налоговых правоотношениях, что отражается в судебных решениях. Формирующаяся судебная практика пытается устранить пробелы законодательства о налогах и сборах в части проведения экспертизы и привлечения специалиста, а также разграничения их статуса участников налогово-процессуальных отношений.

Для защиты своих прав налогоплательщик должен знать хотя бы общие правила назначения и проведения экспертиз. Это поможет облегчить признание решение налоговых органов незаконным в суде или отменить это решение еще в досудебном порядке.

Налоговое законодательство предоставляет налогоплательщику большой выбор инструментов для защиты своих прав при проведении налоговыми органами экспертизы. Самое главное – вовремя воспользоваться этими правами: возражать против проведения экспертиз, назначения конкретных экспертов, предлагать свои кандидатуры экспертов и предлагать свои вопросы и т.д.

Необходимо отметить, что не всегда следует сообщать налоговым инспекторам об их ошибках и нарушениях при проведении экспертизы, некоторые из них можно использовать в дальнейшем в суде. Поэтому каждый случай требует индивидуального подхода.

Необходимо обеспечить присутствие проверяемого лица при проведении экспертизы. Это является существенным ограничением возможных злоупотреблений: исключает возможность давления на эксперта со стороны налогового органа, введение эксперта в заблуждение относительно фактов, которые находятся на исследовании, препятствуетговору относительно заранее устраивающего налогоплательщика результата экспертизы.

Хотелось бы предостеречь налоговые органы от неосторожного применения штрафных санкций за отказ эксперта от участия в налоговой проверке. Такой отказ может происходить по уважительным причинам.

Труд эксперта подлежит оплате налоговым органом, прибегающим к его услугам. Поскольку в НК РФ нет нормы о том, что затраты на проведение экспертизы покрываются за счет федерального бюджета, получается, что налоговики должны сами изыскивать деньги. Это служит серьезным препятствием в реализации права налогоплательщика на проведение экспертизы. Ведь есть опасность, что руководитель инспекции будет обвинен в нецелевом использовании бюджетных средств, выделенных на функционирование налогового органа.

Процедура проведения экспертизы является формальной, и ее несоблюдение влечет за собой невозможность сослаться на заключение эксперта. Налоговый кодекс РФ предусматривает возможность привлечения специалиста для участия в проведении тех или иных конкретных действий, неразрывно связанных с налоговым контролем и вызванных необходимостью.

Специалист, как и эксперт, обладает специальными знаниями и навыками. Важнейшее различие между ними заключается в том, что специалист не дает заключение. Это делает только эксперт. Он и формирует доказательственную базу. В отличие от него специалист не проводит исследований и не дает заключений, а лишь содействует проведению налогового контроля. Следовательно, если налоговый орган выносит решение о привлечении специалиста в соответствии со статьей 96 Налогового Кодекса РФ, а привлеченное лицо составляет заключение, в котором содержатся обоснованные ответы на поставленные вопросы, такое действие налогового органа следует рассматривать как привлечение эксперта. В этом случае суды применяют положения статьей 95 Налогового Кодекса РФ относительно процедуры назначения и проведения экспертизы и делают вывод о нарушении порядка ее проведения. Налоговому органу следовало бы сразу выносить решение о привлечении эксперта, а не специалиста. Заключение, составленное специалистом, не может быть принято в качестве доказательства

Налоговый орган не вправе сослаться на выводы экспертизы, если она проводилась органами внутренних дел в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Результаты экспертиз, полученные органами внутренних дел, могут служить лишь поводом для проведения налоговыми органами контрольных мероприятий, предусмотренных гл. 14 НК РФ, в частности для проведения экспертизы.

Итак, законодательные процедуры назначения и проведения экспертизы, привлечения специалиста в налоговом процессе характеризуются значительным количеством пробелов. Судебно-арбитражная практика пытается их устранить, но иногда отсутствие четкого нормативно-правового регулирования приводит к несовпадению позиций судов по одному и тому же вопросу, например в отношении оснований для признания экспертного заключения недопустимым доказательством.

В последнее время при осуществлении выемки документов в рамках проведения дополнительных мероприятий налогового контроля возникает очень много проблем. Одной из основных причин этого стала «лаконичность» законодателя, который в весьма краткой форме описал процедуру осуществления выемки документов - в Налоговом кодексе РФ данной процедуре посвящена лишь одна статья, не подвергшаяся существенному изменению в рамках проведения реформы в области налогового администрирования.

Вместе с тем отметим, что данный способ сбора доказательств налоговых правонарушений до недавнего времени не пользовался большой популярностью. Это объясняется тем, что процедура выемки достаточно трудоемкая, требующая от инспектора не только правильного проведения и оформления, но и значительных моральных сил. Ведь редко, когда изымаемые документы и предметы фирмы сдают без боя. Инспектору было проще запросить выписку по расчетному счету в банке, сделать

«встречки» по контрагентам и на основании этих данных рассчитать налоговые обязательства. Но теперь это в прошлом, подобные акты и решения налоговиков уже не встретить, поскольку их с легкостью обжаловали, и не редко причиной становилась слабая доказательная база.

Сейчас же выемка документов встречается чуть ли не в каждой выездной налоговой проверке, проводимой совместно с полицейскими. И доначисления по таким проверкам более значительные, и возражений не так много, поскольку при выемке проверяющие зачастую получают непроверяемые доказательства правонарушений.

Совместная работа по взаимодействию налоговых и правоохранительных органов нацелена, прежде всего, на использование всей информации, которой располагают как те, так и другие.

Сами налоговики оценивают совместные контрольные действия самым положительным образом, говоря о том, что такие действия позволяют исключить работу проверяющих сотрудников вслепую, уменьшить трудоемкость, срок проведения налоговой проверки и в целом повысить результативность проводимых проверок.

Рассмотренные выше проблемы, прежде всего, возникают из-за отсутствия правовой регламентации ряда вопросов, касающихся института дополнительных мероприятий налогового контроля.

Предложенные в ходе исследования выводы требуют изучения, доработки и утверждения в форме нормативных законодательных актов. Их реализация на практике позволит существенно усовершенствовать процедуру дополнительных мероприятий налогового контроля и, следовательно, увеличить результативность выездных проверок.

В связи с этим целесообразно законодательно установить:

✓ список документов, которые налоговый орган может истребовать у налогоплательщика при проведении выездной налоговой проверки;

✓ право на использование материалов оперативно-розыскной работы органов внутренних дел при принятии решения о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности без дополнительных формальностей, чтобы упростить и ускорить процедуру;

✓ перечень ситуаций, когда должностное лицо может произвести выемку документов или предметов при проведении выездной проверки;

✓ в случае возникновения такой ситуации, предоставить должностному лицу налогового органа произвести выемку без постановления, для большей уверенности в сохранности документов.

✓ порядок представления налогоплательщиком письменных возражений по итогам дополнительных мероприятий налогового контроля.

Все это, несомненно, поможет повысить объективность рассмотрения результатов налоговых проверок и, как следствие, снизить нагрузку на систему арбитражных судов в Российской Федерации

Предлагаемые меры помогут преодолеть лишь часть проблем, возникающих в ходе налогового контроля при назначении дополнительных мероприятий. Но в целом можно сделать вывод, что дополнительные мероприятия будут наиболее эффективны при детальном изложении этапов, форм, методов и действий налогоплательщиков и налоговых органов в законодательстве и контроле за его соблюдением всеми субъектами.

References:

1. Murzina, E. A. (2014) Fiscal nihilism of subjects of small and medium business as threat of economic security of Russia. New university: Economics & law, 5-6, 83-87. <http://dx.doi.org/10.15350/2221-7347.2014.5-6.00063>
2. Yalyalieva, T. V. (2014) Problems and strategies of quality control of public services at the regional level. New university: Economics & law, 7-8, 50-53. <http://dx.doi.org/DOI: 10.15350/2221-7347.2014.7-8.0008>
3. Blumenthal, O. I., Shemyakina, M.S. (2013). Improvement of system of tax deductions and regulation of a tax rate as ways of increase of efficiency of tax administration of receipts of the personal income tax. New university: Economics & law, 9, 10-16.
4. Morozov, M. S. (2010) Theory and practice of an assessment of productivity of tax control. Service PLUS, 3, 199-204.
5. Ryzhkov, A. O., Sokolov, D. V. (2012) Increase of efficiency of tax control. Science and business: ways of development, 9. 105-107.
6. Koshayeva, I. P., Murzina, E. A. (2014) Puti povysheniya rentabelnosti selskokhozyaystvennykh predpriyatiy. Vestnik magistratury. 4-2. 140-143.
7. Murzina, E. A. (2013) To the issue of applying the simplified taxation system. New university: Economics & law. 6-7. 66-69.
8. Murzina, E. A. (2012) Reasons of tax evasion: moral phase. New university: Economics & law. New university: Economics & law. 4. 38-40.
9. Murzina, E. A., Khuzyagaliyeva, E.Kh. (2009) Fiscal nihilism: essence and the reasons of occurrence. Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye. 1. 75-86.

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

**INNOVATIVE-ORIENTED GOING NEAR ORGANIZATION OF RESEARCH
ACTIVITY OF FUTURE ECONOMISTS**

¹Larysa Borysenko

*¹ Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Kiev national
economic university named alfer Vadym Hetman, Ukraine*

Abstract

An author grounds essence and feature of the innovative-oriented going near organization of research activity of future economists, exposes basic directions of his realization in the educational process of economic university.

Keywords: the innovative-oriented approach, research activity of students, research abilities.

Современная философия образования требует принципиально новых научных исследований, обоснованного и последовательного внедрения инновационных научно-педагогических технологий, рациональных и эффективных подходов к организации учебной и научной-исследовательской деятельности в сфере высшего профессионального образования Украины. В связи с этим возникает необходимость внесения изменений в существующую систему профессиональной подготовки будущих экономистов, а именно: ее направленность на научно-исследовательскую деятельность в учебно-воспитательном процессе, поиск новых альтернативных и прогрессивных идей по разработке перспективных инновационных концепций и технологий для успешного формирования личности экономиста-исследователя.

Научно-исследовательская деятельность студентов является обязательной в учебно-воспитательном процессе ВУЗА и определяется учебными планами. Цель этого вида деятельности, обязательной на всех образовательно-квалификационных уровнях, – формировать научное мировоззрение, способствовать молодым исследователям в усвоении методологии и методов научного поиска, открытие ими новых идей и осознание существующих противоречий, приобретение опыта постановки проблемы, формулировки гипотез, самостоятельного проведения новых на-

учных наблюдений, разработки проектов, успешного решения творческих задач. Выполнение научно-исследовательской работы в процессе изучения учебных дисциплин должно быть при оптимальном соотношении продуктивных и творческих задач, индивидуальных и коллективных форм организации процесса обучения, максимальном насыщении занятий ситуациями совместной творческой деятельности. Все это требует координации всех компонентов системы профессиональной подготовки, направленности мотивационной сферы студента на исследовательский поиск от первого и до выпускного курса, эффективной организации научно-исследовательской деятельности студентов.

В последнее десятилетие появился ряд отечественных и зарубежных научных работ, авторы которых раскрывают особенности организации и методики научно-исследовательской деятельности студентов в высшей школе, исследуют влияние интеграции учебной и научной деятельности на качество подготовки специалистов, анализируют формы коллективного научного творчества. Особенно важными в этом ракурсе являются научные работы, которые содержат основные теоретические положения по организации научно-исследовательской работы студентов: философские взгляды на проблему научных исследований (В. Андрущенко, С. Гончаренко, И. Зязюн, К. Корсак, В. Кремень, Н. Слюсаревский); исторические аспекты развития научно-исследовательской работы студентов (А. Алексюк, А. Вовк, С. Ефремов, С. Золотухина, И. Зязюн, В. Майборода, Е. Микитюк); основы, методология научно-исследовательской работы студентов (Б. Аканов, Е. Белостоцкая, Т. Голуб, О. Кравченко, Е. Крушельницкая, Е. Микитюк, В. Прошкин, Н. Уйсимбаева, М. Фролова); зарубежный опыт по организации студенческой научно-исследовательской деятельности в высших учебных заведениях (Г. Бартон, П. Джарвис, П. Крейс, Р. Крозиер, Х. Мелингер); научно-исследовательская работа как ресурс развития творческого потенциала личности студента (Е. Волкова, В. Давыдов, Д. Эльконин, В. Сластенин, В. Труш); исследования научного творчества личности (В. Вербец, В. Гаврилюк, В. Литовченко, Я. Пономарев, В. Ростовский, С. Сысоева). В результате обобщения и анализа научных подходов к проблеме научно-исследовательской деятельности студентов мы приходим к выводу, что единого взгляда по эффективной организации этой деятельности нет. Хотя от уровня ее сформированности зависит качество профессиональной подготовки студентов экономических специальностей, что способствует становлению высококвалифицированных и конкурентноспособных специалистов-экономистов. Это требует осмысления и анализа данной проблемы в научных исследованиях и обоснования инновационного подхода к организации научно-исследовательской деятельности студентов, учитывая недостаточность научно-методического обеспечения этого процесса.

Целью статьи является обоснование сущности и особенности инно-

вационно-ориентированного подхода к организации научно-исследовательской деятельности будущих экономистов, раскрытие основных направлений его реализации в Киевском национальном экономическом университете имени Вадима Гетьмана.

Проблема становления студента-исследователя в процессе профессиональной подготовки, его целенаправленный постепенный переход в профессиональную позицию экономиста-исследователя рассматривается нами в контексте компетентностного подхода. Это дает сегодня широкие возможности для формирования и развития профессиональной компетентности студентов экономических специальностей в процессе их обучения в высшем учебном заведении. Безусловно, система высшего профессионального образования должна обеспечить будущих экономистов эффективным инструментарием для профессионального становления и адаптации в изменчивых социально-экономических условиях, а именно, формирования научно-исследовательской компетентности. Поскольку компетентность связана со способностью личности эффективно действовать в стандартных и нестандартных ситуациях, поэтому структурные компоненты профессиональной компетентности (в том числе научно-исследовательской), как отмечает В. Сластенин, должны совпадать с компонентами соответствующей деятельности, а единство теоретических и практических исследовательских умений составляют модель исследовательской компетентности специалиста [11].

Рассмотрим некоторые научные подходы к проблеме организации научно-исследовательской деятельности студентов.

Необходимо отметить, поиск решения данной проблемы находит свое отражение в научных положениях теории и методики развивающего (В. Давыдов, Д. Эльконин, Л. Занков) и проблемного обучения (И. Лернер, М. Махмутов). Также эту проблему рассматривали такие известные ученые, как П. Гальперин, А. Запорожец, В. Зинченко. Работы этих ученых освещают сущность, структуру, закономерности протекания, а также значения исследовательской деятельности для познавательного развития личности. Позже, в 80-х годах прошлого столетия, известный ученый-педагог С. Архангельский прогнозировал, что в учебном процессе высшей школы все большего развития будет иметь исследовательская деятельность студентов и творческий процесс решения ими научно-учебных задач. Обучение будет объединяться с научным исследованием и решением научных и производственных проблемных задач с переключением студентов-исследователей от одного задания на другое – более сложное. Соответственно, преподавательская работа будет приобретать консультационно-творческий характер, цель которой – развитие учебно-исследовательской деятельности студентов по двум основным направлениям: теоретико-методологическом и научно-практическом (конкретным использованием научных знаний в решении прикладных задач) [2, с. 51].

Как в отечественной, так и в зарубежной психологии также накоплен

значительный опыт по изучению и формированию основ исследовательской деятельности. В зарубежной педагогике последних десятилетий учебный процесс рассматривается с позиций исследовательского подхода: как самостоятельный поиск учащимися новых знаний (Дж. Брунер, Д. Мезироу, М. Ноулз).

Не менее актуальной является научная позиция А. Микитюка, который утверждает, что участие студентов в научно-исследовательской работе способствует повышению качества их образования, а именно: дает возможность овладеть навыками самостоятельной научно-познавательной деятельности; развивает мышление, формирует умение логической аргументации, способствует овладению методами познания; активизирует и углубляет учебный процесс студентов, формирует навыки научного мышления; является источником пополнения образовательных заведений научными сотрудниками; служит одним из главных резервов аспирантуры; является фактором всестороннего развития творческих и интеллектуальных качеств студенчества, воспитания социально активной личности [9].

По мнению Л. Кондрашовой, правильно организованная студенческая научно-исследовательская работа обязательно должна быть системной, что предполагает определения ее целей и задач, создание концепции (основных направлений, стратегии их реализации, программы и методики) подготовки будущих специалистов к научно-исследовательской деятельности; определения структурных компонентов этой системы; выявления уровней и критериев оценки результативности научной работы [6, с. 146]. Весьма интересные педагогические наблюдения и выводы сформулировали украинские ученые В. Шейко и Н. Кушнарченко, которые считают, что главной задачей научно-исследовательской деятельности является: овладение научным методом познания, углубление и творческое усвоение учебного материала; формирование учебно-исследовательских умений и навыков как по профилирующим, так и по другим учебным дисциплинам; обучение методики и способов самостоятельного решения сложных задач; развитие способностей к исследовательской работе, анализ литературных и других источников знаний; развитие творческого мышления в решении практических вопросов; расширение теоретического кругозора и научной эрудиции будущего специалиста [12].

Особо следует отметить подход к организации научно-исследовательской деятельности как к ведущему фактору профессионального развития студента российского исследователя Э. Биштовой. Она определяет, что научно-исследовательская деятельность имеет свою ярко выраженную специфику, свои задачи и сопровождает будущего специалиста на протяжении всего периода обучения в высшем учебном заведении. Автор этого подхода считает, что научно-исследовательскую деятельность необходимо включать в учебные планы как составляющую профессиональной подготовки в ВУЗах, поэтому следует отдельно ставить

вопрос о ее процессуальном компоненте, о выделении этапов постепенного продвижении в научном поиске студентов [4, с. 254].

Важной для нас является научная мысль известного российского ученого Г. Андреева по поводу дидактических и воспитательных возможностей научно-исследовательской работы студентов. По его мнению эта деятельность повышает эффективность формирования общечеловеческих ценностей, способствует актуализации механизмов формирования аксиологического потенциала личности как основы развития их субъектной позиции, критического мышления и познавательной самостоятельности студента [1, с. 12].

Как видим, оригинальные подходы к определению направлений и путей формирования научно-исследовательской деятельности нашли отражение во многих педагогических концепциях. Автором одной из таких концепций является М. Кларин, который считает, что процесс формирования основ исследовательской деятельности имеет этапный характер и осуществляется по таким направлениям: специальное обучение поисковым процедурам – при этом формируется исследовательская культура; специальное обучение процедурам обсуждения – формирование дискуссионной культуры; специальная разработка эмоционально-личностной составляющей учебно-интеллектуальной игровой деятельности – эмоциональная и интеллектуальная рефлексия процесса обучения [5].

На основании анализа научных взглядов ученых по проблеме научно-исследовательской деятельности студентов, приходим к выводу, что они интегрируют исследовательский, личностно-ориентированный, креативно-творческий, деятельностный подходы. Поэтому продолжение и развитие этих положений представляется возможным и целесообразным путем внедрения инновационно-ориентированного подхода к организации данной деятельности. Рассмотрим сущность этого подхода. Прежде всего конкретизируем определение понятия «методологический подход». В словаре С. Ожегова термин «подход» трактуется как совокупность способов, приемов рассмотрения чего-либо, влияния на кого-либо, на что-либо, отношения к чему-либо [10, с.47]. И. Блауберг, Э Юдин определяют подход как принципиальную методологическую платформу исследования, как точку зрения, как принцип, что ориентируют стратегию исследования [3].

Обобщая эти понятия, мы определяет инновационно-ориентированный подход к организации научно-исследовательской деятельности студентов такой подход в процессе профессиональной подготовке, что ориентирует и стимулирует развитие исследовательской деятельности, поисковой активности; ориентирует на формирование готовности личности к динамическим изменениям в социуме за счет развития творческих способностей, различных форм мышления, инновационных свойств личности.

Инновационно-ориентированный подход, на наш взгляд, относится к конкретно-научным подходам, который подчиняется методологическим подходам высших уровней. Считаем, что для раскрытия сущности инновационно-ориентированного подхода можно использовать несколько подходов высшего уровня – системный, функциональный, что позволяет определить структурные компоненты научно-исследовательской деятельности студентов. В свою очередь, определение структуры научно-исследовательской деятельности студентов поможет в полной мере реализовать инновационно-ориентированный подход.

Интегрируя научные взгляды и точки зрения ученых, мы выделяем такие компоненты структуры научно-исследовательской деятельности студентов:

– *проектировочный компонент*, который включает умения, навыки и способности находить и формулировать проблемы, определять, объект и предмет исследования, формулировать цель и гипотезу исследования, определять основные понятия;

– *информационный компонент*, который включает умения пользоваться методами сбора данных согласно гипотезам, создания массивов эмпирических данных, обработки источников информации;

– *аналитический компонент*, который включает: умения (выбирать и использовать универсальные и специальные методы исследования); качества (развитое логическое мышление, критическое мышление, творческие способности (интуиция, способность к инсайту, продуктивное мышление); – *практический компонент*, который предполагает обобщение, передачу и внедрение результатов исследования в практику.

На основе вышеизложенного материала следует, что основу научно-исследовательской деятельности студентов составляют исследовательские умения, то есть умения определять проблему, формулировать гипотезу, осуществлять отбор и анализ необходимых данных для исследования, подбирать научные методы для проведения исследования и обработки данных, фиксировать промежуточные и окончательные результаты исследования, использовать их на практике.

Некоторые авторы (И. Кринецкий [7], Е. Крушельницкая [8]) исследовательские умения отождествляют с системой интеллектуальных и практических умений личности, необходимых для самостоятельного проведения исследования.

Основным направлением реализации инновационно-ориентированного подхода к организации научно-исследовательской деятельности, на наш взгляд, является развитие исследовательских (интеллектуальных и практических) умений студентов. Как известно, основу исследовательских умений составляют интеллектуальные умения, а практические умения представляют механизм овладения определенными способами поисковой деятельности, что дает практические результаты – новые знания, факты, закономерности. Интеллектуальные умения отра-

жают способность к анализу и выделению главного, к сравнению, конкретизации, обобщению и систематизации, доказательству и классификации. Иначе говоря, интеллектуальные умения – это способность эффективно осуществлять операции мышления в случае решения проблемных ситуаций. Практические умения обеспечивают обработку литературных источников, организацию эксперимента, наблюдение за явлениями и процессами, интерпретацию полученных результатов [12]. Для успешного формирования исследовательских умений студентов необходимым условием является организационно-методическое обеспечение научно-исследовательской деятельности студентов. В таблице 1 представлены три блока, которые содержат средства и способы реализации инновационно-ориентированного подхода к организации научно-исследовательской деятельности студентов.

Таблица 1

Организационно-методическое обеспечение
научно-исследовательской деятельности студентов

Содержание блоков		
Информационно-методический блок	Научно-организационный блок	Психолого-дидактический блок
<ul style="list-style-type: none"> ● разработка творческих, дифференцированных заданий; ● использование инновационных методов активизации умственной и научно-познавательной деятельности 	<ul style="list-style-type: none"> ● научно-исследовательская работа в научных кружках, семинарах, творческих группах; ● участие в конкурсах творческих работ, олимпиадах; научных конференциях 	<ul style="list-style-type: none"> ● руководство научно-исследовательской работой студентов; ● применение индивидуального подхода; ● создание инновационно-рефлексивной образовательной среды

Информационно-методический блок представлен широким спектром методической вариативности аудиторных и индивидуальных занятий. Их применение в процессе усвоения учебных дисциплин заключается в активизации самостоятельно-исследовательской деятельности студентов путем внедрения дифференциации обучения, использования инновационных методов активизации умственной и научно-познавательной деятельности (работа в «малых группах», «мозговой штурм», «анализ конкретных ситуаций», дискуссии, тренинги).

Научно-организационный блок обеспечивает участие студентов в научно-исследовательской работе во внеучебное время. Среди форм научных исследований, к которым привлекаются студенты во внеучебное время, являются кружки, проблемные группы, дискуссионные клубы. Цель работы в кружках – ознакомление с проблематикой науки, более глубокое изучение отдельных вопросов этой науки, овладение принци-

пами, методами, приемами ведения научной работы, формирование у студентов основных навыков, необходимых для дальнейшей самостоятельной работы. Студенты старших курсов работают в проблемных группах, в научной лаборатории под руководством преподавателя, выполняют критический анализ научных концепций, собирают и обрабатывают эмпирический материал, усваивают методологию и логику научного исследования. Результаты научных исследований студентов презентуются на научно-организационных мероприятиях: конференциях, конкурсах творческих работ, олимпиадах. *Психолого-дидактический блок* включают такие составляющие: руководство научно-исследовательской работой студентов; применение индивидуального подхода; создание инновационно-рефлексивной образовательной среды. Преподаватель имеет право осуществлять дифференцированный подход в научном руководстве, уделяя больше внимания тем студентам, которые нацелены на научные поиски. Это осуществляется, как правило, с учетом индивидуально-психологических особенностей студента, его профессионального и научного интереса. Научно-исследовательская работа студентов, по нашему мнению, будет проходить более успешно тогда, когда в учебном процессе высших учебных заведений будет создана образовательная инновационно-рефлексивная среда. Наличие такой среды создает систему условий для развития личности, самокоррекции и самоисследования ее потенциальных, творческих, социально-психологических ресурсов, создает условия для изменения представлений о себе как о будущем экономисте-исследователе [8].

Выводы. В соответствии с рассмотренным инновационно-ориентированным подходом научно-исследовательскую деятельность будущих экономистов можно рассматривать как составляющую их профессиональной подготовки, которая формирует специфические навыки, соответствующий склад творческого мышления и научного поиска. Именно научно-исследовательская деятельность способствует углублению профессиональной направленности образования, а также формированию социально-профессиональной зрелости будущих специалистов.

References:

1. Андреев Г.И. Основы научной работы и оформление результатов научной деятельности: учеб. пособие / Г.И. Андреев, С.А. Смирнов, В.А. Тихомиров. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 272 с.
2. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. М.: Высш. шк., 1980. – 368 с.
3. Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
4. Биштова Э.А. Научно-исследовательская деятельность как фактор профессионального развития студента // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. –

СПб., 2007. – № 20(49). – С.253–257.

5. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии (анализ зарубеж. опыта). – Рига, 1995. –176 с.

6. Кондрашова Л.В. Системный подход к организации научной работы студентов в условиях высшей школы // Подготовка научных кадров высшей квалификации с целью обеспечения инновационного развития экономики: матер. межд. науч.-практ. конф;. [под ред. Войтова И.В. и др.]. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2006. – 146 с.

7. Кринецкий И. И. Основы научных исследований. – К.: Вища школа, 1981. – 208 с.

8. Крушельницкая Е. В. Методология и организация научных исследований студентов. [Учебное пособие]. – К.: Кондор, 2003. –192 с. (на украинском языке).

9. Микитюк Е.Н. Научно-исследовательская работа в высших учебных заведениях // Энциклопедия образования / [Акад. пед. наук Украины; Отв. ред. В.Г. Кремень]. – К.: Юринкорм Интер, 2008. – 432 с. (на укр. языке).

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 847 с.

11. Сластенин В. А. Методологическая культура исследователя (о диссертационных работах по педагогике высшей школы) // Педагогическое образование и наука. – 2005. – № 4. – С. 4-10.

12. Шейко В. Н. Организация и методика научно-исследовательской деятельности /В. Н. Шейко, Н. Н. Кушнарченко: [Учебник]. – 3-ее изд., стер. – К.: Знання-Пресс, 2003. – 234 с. (на укр. языке).

**ACHIEVEMENT SYNDROME AS A COMPLEX
OF PERSONALITY CHARACTERISTICS**

¹ Ganna Gulko

¹ *Postgraduate student of the Department of psychodiagnostic and medical psychology at the Shevchenko National University of Kiev, Ukraine*

Abstract

Achievement motivation is often associated with high level of personal anxiety, what is confirmed in this article. We define the concept of "achievement syndrome" as a complex of personality and behavioral characteristics, which consists of a high level of achievement motivation, where the trend of avoiding failure dominates over the trend of achieve the success, a high level of personal and situational anxiety, as the person is in a situation to achievement, and the high chance of neurosis appear. We investigated the dynamics characteristics of the "achievement syndrome" in a longitudinal research on the example of students of the Faculty of Psychology, where is confirmed the understanding of this complex as a personality disposition.

Keywords: the motivation to succeed, the motivation to avoid failure, situational anxiety, personal anxiety, "achievement syndrome", personality.

Современный мир предъявляет молодому специалисту повышенные требования к его навыкам, знаниям, умениям. Возрастающая конкуренция и неспособность активно противостоять внешним преградам может нарушать систему представлений человека о собственном Я и приводить к внутриличностным конфликтам. Эти конфликты вызывают сильное чувство тревоги у человека, которое перерастает в характеристику личности и может вызвать возникновение невроза. Особенно эта ситуация наблюдается у людей с высоким уровнем мотивации достижения. В ситуации достижения тревожность возрастает и делает невозможным адекватное реагирование. Такой комплекс характеристик, который сопровождается высоким уровнем тревожности, мотива достижения успеха и вероятностью возникновения у личности невроза мы называем «синдромом достижения».

Бурное развитие исследований в области мотивации достижения началось в середине 1950-х годов и связан с именами Д. Макклелланда и Дж. Аткинсона [1, с. 94]. Д. Макклелланд считает, что за исключением определенной категории людей мотивация достижения взрослого человека редко проявляется как безотносительная активность. Когда она возника-

ет, то это проявляется во всех видах деятельности индивида, в стремлении иметь успех везде, что бы человек ни делал. Стремление к успеху чаще возникает в связи с основной занятостью (профессией) или концентрируется вокруг хобби [1, с. 120-123].

Дж. Тейлор и Г. Спенс в университете штата Айова разработали метод изучения тревожности, который оказался весьма плодотворным. При исследовании тревожности, связанной с реакцией человека на результаты выполнения тяжелых или легких задач, они пришли к выводу, что существуют два вида тревожности - как характеристика и как состояние. Результаты, полученные Девидсоном, Эндрюсом и Россом, с помощью методики занижения достижений показали, что высоко тревожные исследуемые эмоционально острее реагируют на сообщения о неудаче или об уменьшении времени, отведенного на выполнение задания [5, гл.7; 2, с. 273].

Проблема тревожности продолжает оставаться одной из наиболее актуальных в современной психологии. Среди негативных переживаний человека тревожность занимает особое место, приводя к снижению работоспособности, к трудностям в общении и снижению адаптивных ресурсов.

Итак, рассмотрев, тревожность и мотив достижения, мы пришли к пониманию того, что предпочтение той или иной мотивационной тенденции всегда сопровождается различиями в выборе степени сложности цели. Мотивированные на успех люди выбирают цели, которые лишь незначительно превосходят уже достигнутый результат; мотивированные на неудачу разделяются на две подгруппы: с нереалистично заниженными и нереалистично завышенными целями.

Таким образом, мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудачи независимы друг от друга; их корреляция, как правило, низкая и отрицательная [5, с.132].

Люди, мотивированные на достижение, пытаются достичь успеха не только в своей профессиональной сфере, не только в ситуации, где от них требуется проявить достиженческую активность, но и в любой другой деятельности. Если говорить о «синдроме достижения», то важно ответить на вопрос, может ли быть этот комплекс характеристик, который проявляется лишь в ситуации достижения, описан как личностная характеристика – диспозиция? Что делает личность подверженной возникновению невроза не только в ситуации интенсивной достиженческой активности, но и в обычных жизненных ситуациях также.

Основной целью нашего исследования является выявление изменений составляющих «синдрома достижения» с течением времени. В предыдущих исследованиях мы пришли к выводу, что существует комплекс характеристик, которые могут в ситуации достижения вызывать возникновение невроза у личности, и это явление мы назвали «синдромом достижения». То есть, у личности с большой вероятностью может возникнуть

невроз в ситуации достижения (ситуация когда человек должен проявить свои способности на самом высоком уровне), если совпадают такие показатели: высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, высокий уровень мотивации достижения, высокий уровень возникновения невроза, личность выявляет такие личностные свойства как конформность, тревожность, нестабильность, и если она находится в гомогенном коллективе по уровню способностей.

В этом исследовании мы хотим узнать, проявляется тот же комплекс характеристик, который мы назвали «синдромом достижения» в адаптивной ситуации, когда достиженческая активность остается, но перестает быть интенсивной.

Для лонгитюдного исследования психологических факторов «синдрома достижения» мы выполняли два тестирования: первое - в интенсивной ситуаций достижения - при поступлении в ВУЗ, второе - в другой ситуации - через полгода после вступительной кампании, на тех же респондентах, когда они уже адаптировались к новому образу жизни, статусу, учебной деятельности. По нашему мнению, здесь в меньшей степени должны проявляться характеристики тревожности.

Количество респондентов первого исследования - 110 человек, второго - 106 человек - студенты первых курсов образовательно-квалификационных уровней «бакалавр», «магистр», «специалист». Соотношение мужчин и женщин в обоих случаях - $\frac{1}{4}$.

Для исследования использовался набор методик, измеряющий компоненты «синдрома достижения» - тревожность, уровень мотивации достижения, вероятность возникновения невроза. Всего в анализе насчитывалось 6 шкал. Перечень методик:

1. Методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса.
2. Методика диагностики личности на мотивацию избегания неудач Т. Элерса.
3. Методика диагностики самооценки Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина.
4. Методика экспресс-диагностики невроза К. Хека и Х. Хесса [4].

Важно отметить, что здесь мы обращаем внимание на изменение показателей тревожности, мотивации достижения и вероятности возникновения невроза в сравнении с предыдущим исследованием, поскольку данная ситуация исследования иная. Будет интересным отметить также изменение не только уровня суммарной мотивации достижения, но и ее тенденции - мотива избегания неудач и мотива достижения успеха.

Перед нами стоит вопрос присутствует ли «синдром достижения» как личностная характеристика в спокойной ситуации для личности, когда человек не должен волноваться перед экзаменом и стараться показать лучший результат, от которого зависит его вступление в ВУЗ, но при этом он учится и все равно проявляет достиженческую активность. Также интересно, меняются ли со временем показатели мотивации и тре-

возности в зависимости от ситуации.

Таблица 1

Среднее статистическое показателей «синдрома достижения»
первого опроса

	МИН	МДУ	СТ	ЛТ	Вероятность невроза
Среднее 1	14,75	17,21	44,66	44,16	20,00
Среднее 2	15,61	15,21	42,50	46,31	19,61

Обработка данных выполнялась с помощью статистического пакета SPSS. Среднестатистические значения шкал по всем респондентам первичного исследования показаны в строке «Среднее 1», повторного исследования – в строке «Среднее 2». Сравнивая средние значения шкал, можем сказать о незначительном повышении мотива избегания неудач (МИН), теперь он на среднем уровне (табл.1.); также снизился показатель мотива достижения успеха (МДУ) с высокого на средний. Значительно снизился показатель ситуативной тревожности (СТ), поскольку это уже немного другая ситуация достижения и человек не чувствует такого сильного волнения. Личностная тревожность (ЛТ) и вероятность невроза остались почти на тех же уровнях.

Уже по показателям средних можно говорить, что «синдром достижения» сохраняется и через некоторое время. Показатели ситуационной тревожности снизились, а личностной и вероятности невроза остались на прежних уровнях, равно как и мотивации достижения - изменились лишь соотношение тенденций - они выровнялись.

Для более точной информации мы провели корреляцию методом Пирсона. Статистически значимую корреляцию между двумя исследованиями было выявлено только по шкале ситуативной тревожности, это означает, что только этот параметр изменился со временем, другие показатели не обнаружили значимых корреляций. Также интересным является анализ корреляций шкал между собой в первом исследовании и во втором отдельно. И в первом и во втором исследовании статистически значимыми на уровне 0,05 были корреляции между личностной тревожностью, вероятностью невроза, ситуативной тревожностью и мотивом избегания неудач, но в первом исследовании корреляция была несколько ниже, чем во втором. Так коэффициент корреляции Пирсона между ситуативной и личностной тревожностью в первом исследовании – 0,354, а во втором – 0,672; между личностной тревожностью и вероятностью возникновения невроза в первом – 0,708, во втором – 0,747. Это может свидетельствовать, что при повторном исследовании характеристики личности стали более стабильными и больше зависели друг от друга. Так, на-

пример, если при первом опросе у некоторых респондентов возникновение невроза не значительно зависело от уровня личностной тревожности, то при повторном исследовании у большего числа студентов была высокая вероятность возникновения невроза, если они имели высокие показатели личностной тревожности.

Далее мы исследовали изменение результатов с течением времени методом Т-критерия Стьюдента для парных выборок (табл. 2.).

Таблица 2

Корреляция парных выборок методом Т-критерия Стьюдента

		Количество респондентов	Корреляция	Значимость
Пара 1	Вероятность невроза 2 & Вероятность невроза	106	-,094	,287
Пара 2	Личностная тревожность 2 & Личностная тревожность	106	-,155	,081
Пара 3	Ситуативная тревожность 2 & Ситуативная тревожность	106	-,222	,012
Пара 4	Мотивация избегания неудач 2 & Мотивация избегания неудач	106	-,066	,437
Пара 5	Мотивация достижения успеха 2 & Мотивация достижения успеха	106	-,172	,050

Значимая корреляция при статистической значимости в 0,12 оказалась лишь для пары выборок по переменной реактивной тревожности, коэффициент корреляции Стьюдента – -0,222, значит данные по этому параметру изменились. Это подтвердило результаты сравнения средних двух выборок, поскольку в повторной ситуации респонденты не имели известных нам причин для волнения и тревожности.

Итак, при повторном исследовании, через полгода после предыдущего, когда присутствовала ситуация достижения мы получили почти те же данные по шкалам вероятности невроза, личностной тревожности, мотивации достижения, изменились показатели ситуативной тревожности, так как студенты не имели объективных причин для волнения. «Синдром достижения» в совокупности всех своих составляющих присутствует как в основной так и в повторной группах.

Абитуриенты, у которых проявлялся «синдром достижения» в ситуации достижения, став студентами, изменив свое поведение, приспособившись к новой ситуации, которая также включала в себя достижения, все

равно проявляют невротоподобные признаки: у них повышенная тревожность, высокий уровень мотивации достижения, высокая вероятность возникновения невроза.

Мы можем сказать, что «синдром достижения» - личностная характеристика, поскольку не меняется в зависимости от времени и внешней ситуации.

References:

1. Кудрина Т. С. Психология мотивации: теория та эксперимент: учебное пособие. / Татьяна Семеновна Кудрина. - К., 2006. – 215с.
2. Макклелланд Д. Мотивация человека. / Дэвид Макклелланд. - СПб.: Питер, 2007. – 672с.
3. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. / Абрахам Гарольд Маслоу. - СПб.: Евразия, 1999. - 478с.
4. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. / Даниил Яковлевич Райгородский – Самара:Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2008.– 72с.
5. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. / Хайнц Хекхаузен – 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. - 864с.

**THE PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF WOMEN ENGAGED
IN DEPENDENT LOVE RELATIONS: CLIENT-CENTERED PARADIGM**

¹ Anna Kotsyuba

¹ *Candidat of Psychological science, assistant of social psychology department
of Faculty of Psychology, Taras Shevchenko National University of Kyiv*

Abstract

The article examined the phenomenon of women's dependent love organization. The study has revealed the peculiarities of personal, emotional and physical experience of women engaged in dependent love relations. The feeling of women's dependent love has an acute form of a negative connotation. Constructs of shame, fear and anger are included in women's dependent love structural organization, doing this feeling internally disputed, bipolar and controversial. The analysis of body's psychological function has been shown, that body has an instrumental value for dependent women (the physical form, the function of attraction a partner's attention). The personality features of women engaged in dependent love relations have been found to include submissiveness, tension, as well as excessive levels of anxiety and self-criticism. The main principals of psychological correction program, which are based on the Client-centered approach, are described in this work.

Keywords: dependent love, structure of love, acceptance.

Введение. Большинство современных отношений подчинены очень странной закономерности – они легко начинаются, стремительно развиваются, однако, со временем обнаруживают свою несостоятельность, в том смысле, что являются не почвой для роста личности, а скорее, наоборот, той средой, в которой теряется суть основных жизненных потребностей человека. Одной из таких ведущих потребностей, несомненно, является любовь [1,3,7,12,14,17]. В условиях стремительной модернизации общества: приоритеты карьерного роста, замещение форм интимного взаимодействия, суррогатными формами общения (Интернет, телефон, телевиденье), псевдосвобода в сексуальных отношениях, которая пропагандируется СМИ – реализация чувства любви, крайне затруднена. Кроме того, материал, полученный в ходе работы с клиентами, позволяет сделать вывод, что в подавляющем числе семей присутствуют различные формы деструктивного взаимодействия, которые колеблются от пренебрежения, подавления и непоследовательности до крайних форм жестокости и насилия. В результате такого воспитания у человека есть все шансы стать эмоционально уязвимым, перекрытым, лишенным гибкости

и уверенности, психологически незрелым. При таких обстоятельствах естественное стремление к любви может искажаться, превращаясь в патологическую зависимость, с характерными для нее деструктивными формами взаимодействия [2,6,9,10,12,13,15].

Существующая статистика определенно указывает на то, что распространение этой проблемы значительно превышает число обращений [5,6,15]. Это может объясняться особенностями культуры, которая, достаточно толерантно относится, например, к такому явлению, как женская эмоциональная зависимость и созависимость [1,2,11]. Вместе с тем, из 140 опрошенных нами женщин в возрасте от 20 до 30 лет, большинство (58%) не удовлетворены своими отношениями и хотели бы многое в них изменить. Целью нашей работы было исследовать психологические особенности зависимой любви у женщин и на основе полученных результатов составить программу психологической коррекции.

Характеристика выборки и методов исследования. Для диагностики уровня зависимости у женщин была использована методика Б. Уайнхольда [15]. Как объективный критерий распределения «зависимых» и «независимых» женщин использовался минимальный пороговый коэффициент, вычисленный на украинской выборке О.С. Кочаряном и соавторами [5], который составляет $j = 45$ баллов. По результатам опроса «зависимую» группу составили 80, а «независимую» – 60 женщин.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно результатам нашего исследования, чувство любви у зависимых женщин является в значительной степени внутренне конфликтным и содержит два взаимоисключающих эмоциональных полюса. Один из этих полюсов направлен к объекту любви, второй же – препятствует сближению с этим объектом. Подобное предположение подтверждается полученной нами психосемантической структурой любви у зависимых женщин, для которой характерно наличие таких эмоциональных конструкторов, как радость ($U_p = 1,73, p < 0,05$), удовольствие ($U_p = 3,72, p < 0,01$), страсть ($U_p = 1,89, p < 0,05$), стыд ($U_p = 5,23, p < 0,01$), страх ($U_p = 5,6, p < 0,01$), гнев ($U_p = 5,78, p < 0,01$), а также конструктора тело (плоть) ($U_p = 2,59, p < 0,01$). В эмоциональной структуре зависимой любви (особенности ее конотирования) наблюдается значительно больше связей с негативными конструкторами, которые вероятно, делают ее внутренне противоречивой, биполярной, включающей в себя взаиморетардирующие элементы. Такая структура значительно затрудняет внутренне принятие и реализацию чувства любви.

Опираясь на полученные результаты, мы также предположили, что для зависимых женщин характерны такие типы контактов как уход от сексуальности или, наоборот, сексуализация контакта. В первом случае контакт имеет социализированную форму, в нем «налагается запрет» на сексуальную сферу отношений. В этом смысле представляет интерес субъективная значимость различных частей тела – у этих женщин наблюдается эго-идентификация с руками ($U_p = 2,13, p < 0,05$), шеей

($U_p=2,38$, $p<0,01$), лицом ($U_p=2,94$, $p<0,01$), что можно интерпретировать как телесную фиксацию на догенитальной сексуальности. Для такого телесного уровня функционирования, тело асексуально и вполне легитимно вписывается в пространство их жизнедеятельности.

Во втором случае - женщины могут сексуализировать контакт, на что указывает наличие компонента страсти в психосемантической структуре любви. Вместе с тем, ретардация страсти эмоциями страха, стыда и гнева может указывать на то, что сексуальность как таковая, у этих женщин перекрыта, а внешняя атрибутика имеет исключительно манипулятивный характер. Это предположение коррелирует с данными исследования, согласно которым, женщины зависимой группы воспринимают свое тело как инструмент ($U_p=4,24$, $p<0,01$) (физическая форма, функция привлечения внимания и удержание партнера), а не как источник удовольствия. Основным признаком этого типа контакта является неспособность к теплым, доверительным отношениям или страх интимности. Такие незрелые контакты становятся причиной внутреннего недовольства женщин, а подавление интимности и страсти в отношениях приводит к формированию «пустой любви» [17].

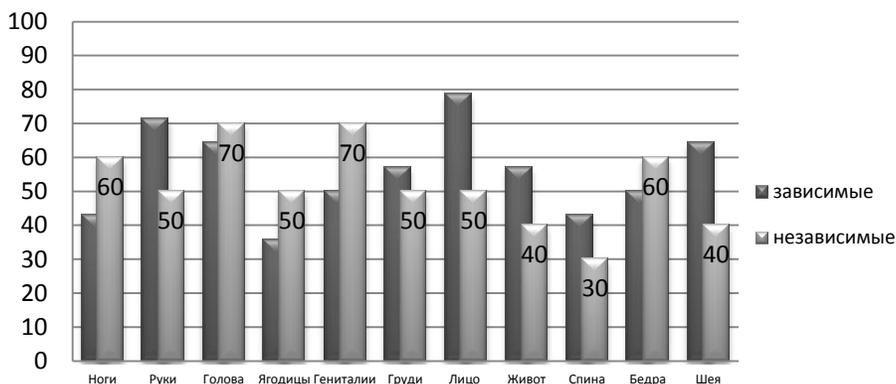

Рис. Отличия в идентификации с разными частями тела между группой зависимых и независимых женщин

Из результатов также видно, что особые личностные черты зависимых женщин создают предрасполагающие условия для построения незрелых контактов. Наличие детских травм отвержения ($U_p=6,1306$, $p<0,01$), наказания ($U_p=3,039$, $p<0,01$) и униженности ($U_p=2,3597$, $p<0,01$), является благоприятной почвой для развития таких качеств, как низкая самооценка ($t=2,99$, $p<0,01$), склонность к подчинению (избегание чувства вины) ($t=-3,02$, $p<0,01$), а также высокому уровню тревожности ($t=3,11$, $p<0,01$) и напряженности ($t=2,71$, $p<0,05$). Аддиктивные женщины компульсивно воспроизводят детский травматический опыт в своей

уже взрослой жизни, попадая в эмоционально холодные и даже унижительные отношения, наполненные стыдом, страхом и гневом. Повторная травматизация только усиливает ощущение своей ненужности и никчемности, вынуждая с большей силой «цепляться» за партнера и, в то же время, отталкивая его. В основе такого опыта лежит глубокое недоверие и непринятие самой себя. Исходя из этого, нами была разработана психокоррекционная программа, ориентированная на повышение самооценки (самооценки тела и самооценки «Я») и укрепление функции Эго. В качестве основной методологии был выбран Клиент-центрированный подход. Программа основывается на следующих *теоретических принципах*:

1) *аддиктивная любовь является приобретенным дисфункциональным поведением*, которое возникает в результате психологических травм детства [1,2,6,8,12,13,15 и другие]; 2) *симптомы характерные для зависимых отношений любви у женщин могут иметь разную степень выраженности*. На начальных этапах отношений проявление зависимости может быть слабо заметным, женщина может воспринимать свои отношения как полностью гармоничные, и только потом возникают фрустрация, боль и разочарование; 3) *склонность к межличностной зависимости является характерной чертой женского гендера* [11,16]. Модели «подчинения» в женском поведении являются проявлением культурных ролей в доминаторной системе общества. Хотя приоритеты современного общества существенно изменили роль женщины, это только усугубило проблему. Популярная в последнее время женская эмансипация, направленная на утверждение своей «независимости» [1,2,11], в большинстве случаев есть не чем иным, как способом ухода от близости или обратной стороной зависимости (контрзависимостью); 4) *необходимость осознания женщиной своей зависимости в отношениях любви*. Аддикция в отношениях любви часто остается субъективно «незамеченной» зависимой женщиной, что способствует ее нормализации и широкому распространению [2,5,10,12,15]. 5) *принятие ответственности за отношения*. Межличностная зависимость возникает из иллюзии о том, что любовь и принятие, безопасность и покой, которые не были обеспечены в детстве матерью и отцом, теперь зависят от партнера. Зависимая женщина, как правило, проецирует свои тревоги и ожидания на него, регрессивно уходя от собственной ответственности; 6) *основная мишень психокоррекционного воздействия – Эго-структуры*. Основная проблема всех аддиктов, в первую очередь связана с потерей или недостаточной дифференцированностью собственного «Я» [10,13,15], неумением распознавать потребности «взрослого» и потребности «внутреннего ребенка»; 7) *интеграция (сближение) зрелой части Эго-структур со структурами «внутреннего ребенка», как необходимый элемент коррекционного воздействия*. Ради выживания в дисфункциональной семье девочке приходилось подавлять свои естественные побуждения и приспосабливаться к фальши. В зрелом возрасте

такие женщины с трудом распознают свои действительные желания и возможности их реализации; 8) *направленность на эмоциональный опыт*. Работа с чувствами, имеет большое значение для раскрытия сущности женщины [15]. Ощущение своей испорченности, которое часто сопровождает зависимых женщин, предопределено внутренним «багажом» невыраженных обид и гнева; 9) *актуализация женственности как важного элемента полоролевой идентичности женщин*. По мнению Б. Мартель [8] родители, которые не способны справиться со своими собственными сексуальными чувствами, могли слишком рано срывать «естественной цикл отношений», подавляя в себе любой признак нежности. В связи с этим, любые проявления своей женственности девочка могла трактовать как неприемлемые и аморальные, и в дальнейшем транслировать этот опыт (сознательно или бессознательно) во взрослую жизнь; 10) *коррекция патологических жизненных сценариев личности зависимых женщин*. Непринятие женской гендерной роли может быть выражено в ряде девиантных жизненных сценариев [4]; 11) *работа с телом*. У зависимых женщин тело, в определенном понимании, «лишено жизни» (в нем нет страсти, а радость, любовь и удовольствие ретардированы негативными эмоциями). Негативная семантика собственного тела вынуждает женщин воспринимать его как «грязное» и недостойное любви.

Цель программы способствовать формированию отношений психологической интимности у женщин, которые находятся в отношениях зависимой любви. В рамках программы планируется решение следующих задач: 1. установление доверительных отношений, как необходимого условия для «раскрытия» зависимых женщин и осознания ими своих проблем; 2. проработка инфантильного (травматического) опыта женщин, который лежит в основе формирования зависимых отношений (выявление переживаний, связанных с детским опытом, самопознание, самопринятие, инсайт); 3. интеграция осознанного инфантильного опыта со зрелыми частями личности; 4. реструктуризация психологических границ, направленная на проработку механизмов нарушения контакта; 5. повышение телесной самооценки; 6. коррекция образа «Я»: принятие женственности и сексуальности; 7. формирование способности к отношениям эмоциональной близости.

Программа ориентирована на замужних женщин, которые оценивают свои отношения, как отношения любви и имеют высокие показатели зависимости по диагностическим критериям. Длительность программы – 1 год.

Клиент-центрированная парадигма. Важным фактором в процессе лечения зависимости являются такие взаимоотношения между психотерапевтом и клиентом (группой), которые имеют высокую степень доверия, осмысления и сотрудничества. Процесс освобождения от зависимости в любви может быть достаточно болезненным. Часто люди боятся идти на «столкновение» со своими травмами и проблемами – им мешает

страх, чувство вины, стыда [3,13]. Участник психокоррекционного процесса должен чувствовать готовность психотерапевта понять проблемы клиента и принять «поток» его болезненных чувств. Опыт быть понятным и принятым в атмосфере полного доверия сам по себе уже является са-ногенным. В этом смысле принципы клиент-центрированной психотерапии, предложенные К. Роджерсом, являются важными и необходимыми условиями для успешной психокоррекционной работы с эмоционально зависимыми личностями [3,14]:

Первое условие – конгруэнтность. В основе эмоциональной зависимости лежит глубокое недоверие к себе и людям. За неспособностью устанавливать зрелые межличностные отношения, как правило, прячется страх быть обманутым (отброшенным, преданным). Это условие предусматривает, что процесс психологической помощи строится на открытой и искренней основе. В этом смысле психотерапевт должен быть максимально честный не только перед клиентом, но и перед самим собой. Любые неискренние, «фальшивые» действия психотерапевта могут стать очередной травмой для аддикта любви. В то же время подлинность мыслей, поведения и чувств терапевта, приглашают клиента в качественно новые отношения, в которых можно свободно выражать свои чувства, позволяя себе быть самим собой.

Эмпатическое понимание, как второе необходимое условие психологической помощи, подразумевает понимание мира клиента таким, каким клиент видит его сам, причем это не просто понимание его слов, но и понимание его глубинных переживаний [14]. Подавленные чувства зависимого клиента часто становятся причиной ощущения спутанности и беспомощности. Эмпатическое реагирование психотерапевта на чувства клиента, которые клиент сам с трудом осознает, дает ему возможность поверить в то, что терапевт его действительно понимает и что его (клиента) чувства реальны и заслуживают внимания. «Отражая» чувства клиента терапевт, тем самым, расширяет пространство его самосознания. Поскольку зависимая личность постоянно имеет сомнения по поводу того, насколько она нужна и интересна другому человеку, в данном процессе важна не столько точность понимания клиента, сколько интерес, к миру клиента со стороны терапевта [3,14].

Третье условие выражается в безусловном позитивном отношении к клиенту. Это условие реализуется через уважение, сердечность, принятие и поддержку со стороны терапевта. Для зависимых личностей этот опыт имеет особенно большое значение, поскольку с детства они испытывали недостаток в последнем. Дефицит любви и отсутствие безусловного принятия и поддержки, которые человек должен получать с ранних лет в отношениях с родными (прежде всего с матерью) – блокирует в человеке врожденное стремление к самостоятельности и развитию. Задача терапевта в данном смысле помочь клиенту «расти». Давая клиенту тепло, заботу и любовь терапевт заполняет образовавшиеся пустоты и тем са-

мым создает новое пространство для роста клиента.

В качестве примера можно привести ключевые моменты работы с клиенткой О.В., 26 лет, которая обратилась за помощью с жалобами на напряженные отношения со своим партнером из-за «его пассивности и нежелания понимать ее». Клиентка дает следующее воспоминание, относящееся к возрасту 7 лет:

«Я бегу домой с прогулки, моя мама встречает меня возле калитки. Вдруг я спотыкаюсь и падаю в лужу на виду у соседей, а моя мама засмеялась. Мне было очень больно и стыдно перед соседями. На маму я сильно злилась, было обидно».

Как видно, воспоминание имеет негативное конотирование и насыщено эмоциями стыда, обиды и злости, связанные с тем, что мать не только не помогла, но еще посмеялась над дочерью. Такое воспоминание свидетельствует о наличии инфантильной травмы ненужности. В качестве травмирующей фигуры выступает мать. Такая трактовка раннего воспоминания корреспондирует с жалобами клиента: *«трудно доверять другим людям», «не уверена в том, что могу доверять своему партнеру», «со своими проблемами всегда приходится справляться одной».* Она достаточно требовательна и принципиальна, пытается занимать контролирующую, подчиняющую партнера позицию и при этом чувствует усталость и раздражение. Таким образом, в воспоминании актуализировались темы связанные с материнским принятием, отсутствием поддержки и связанные с этим проблемы доверия в интимной коммуникации.

Техника работы с направленным воображением («созерцание внутреннего ребенка»), которая также была применена для клиентки О.В., способствовала более глубокому контакту клиентки со своими чувствами. Важными переживаниями для нее были: ощущение чуждости «созерцаемого ребенка», «его ненужности», чувство жалости по отношению к нему. Эмпатическая реакция со стороны терапевта направленная на переживание беспомощности и одиночества, с которыми живет эта женщина, подняла на поверхность слезы и глубокую печаль. Клиентка О.В. призналась, что никогда по настоящему не обращала внимание на свои потребности, ей сложно было принимать себя и только теперь она осознала насколько сильно она и ее «внутренний ребенок» нуждаются в этом принятии. Она также осознала то, что ее ожидания и требования в отношении к партнеру были не реалистичны и продиктованы внутренними тревогами, что в значительной мере мешало ей принять его как равноправную личность.

В ходе групповой работы с образом «Я», было выявлено, что характерный жизненный сценарий для клиентки О.В., связан с архетипическим образом *Золушки*. Психотерапевтическая интервенция заключалась в групповом проигрывании (психодраматическая техника) неадаптивных сторон сценария, в процессе которого клиентка столкнулась со своими

конфликтными переживаниями: «мне хочется что-то изменить в своей жизни... попасть на бал, но мне кажется, я не имею на это право, мне там не место, я чувствую себя нелепо». Осознание клиенткой подавленных стремлений, открыло для нее новые направления в работе: «мне часто приходится отказывать себе в чем-то интересном, я мало общаюсь с друзьями, мало куда хожу...раньше я думала, что это из-за моего мужа, но теперь понимаю, что сама ограничиваю себя...есть над чем подумать». Поддержка и принятие со стороны группы и терапевта имели большое значение для клиентки О.В., некоторые из ее переживаний были усилены благодаря «чистым» реакциям терапевта: «я вижу, Ваше волнение и то насколько важны для Вас эти переживания, мне очень бы хотелось помочь Вам, быть рядом с Вами...должно быть не просто рассчитывать только на себя... Я понимаю, что не так просто доверится другому...требуется настоящее мужество увидеть свою истинность и тем более открыться другому – у вас оно, несомненно, есть, я чувствую это...(пауза, слезы)».

По результатам программы клиентка О.В. «стала лучше понимать свои потребности» у нее «появился интерес к своей внешности», «расширился круг общения», «стала посещать восточные танцы», в отношениях с партнером «появилось больше понимания, я перестала его так сильно контролировать и мы стали меньше ссориться».

В целом эффективность программы была определена экспертными оценками выраженности 9 признаков зависимости, предложенными С. Пилом и А. Бродским [12] и дополнительным признаком – принятия женственности, до и после проведенной психокоррекционной программы. В таблице 1 приведены данные относительно позитивного сдвига выделенных признаков по статистическому критерию знаков (G).

Таблица 1
Наличие позитивных сдвигов после проведенной психокоррекционной программы

КЗ	Признаки зависимости									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
G	4	3	5	5	4	5	9	6	8	5
p	<0,05	0,01	0,05	0,05	<0,05	0,05	>0,05	>0,05	>0,05	0,05

Примечания: КЗ – критерий знаков; G – показатель КЗ; p – уровень статистической значимости G – показателя; Признаки зависимости: 1 – самооценка тела; 2 – реалистичное отношение к себе; 3 – мотивация на последующие изменения; 4 – качество межличностных контактов; 5 – интерес к межличностным контактам вне отношений со своим партнером; 6 – интерес к другим областям жизни (работа, хобби, друзья); 7 – уважение к интересам партнера; 8 – способность к эмоциональной близости; 9 – умение выражать свои чувства; 10 – осознание и принятие своей женской роли.

Как видно из таблицы 1, достоверные позитивные сдвиги наблюдаются по 7 признакам, а по трем признакам (7 – 9) изменения не достигают статистически значимого уровня. В целом можно утверждать, что предложенная психокоррекционная программа является эффективной.

Выводы:

1. Аддиктивная любовь является комплексным расстройством, которое широко распространено в нашей культуре. К психологическим особенностям женщин, находящимся в отношениях зависимой любви относятся: выраженная коннотация чувства любви негативными конструктами страха, стыда и гнева, которые делают его внутренне конфликтным, биполярным, включающим взаиморетардирующие элементы.

2. Зависимые женщины имеют несколько противоречивых тенденций: с одной стороны они обнаруживают направленность на социальные контакты, однако при этом перекрывают в себе сексуальность, о чем свидетельствует идентификация с догенитальными зонами; с другой стороны – наличие страсти в психосемантической структуре любви, указывает на склонность к сексуализации контактов, которая вероятно носит манипулятивный характер, так как страсть ретардирована эмоциями страха, стыда и гнева.

3. Процесс освобождения от зависимости в любви может быть достаточно болезненным. Зависимым женщинам сложно быть в контакте со своими истинными переживаниями, они нуждаются в понимании и принятии, поэтому, на наш взгляд, клиент-центрированная парадигма, является наиболее оптимальной при работе с эмоционально зависимыми личностями.

4. В программе реализованы принципы полимодальности (работа одновременно на нескольких уровнях: эмоциональном, телесном, личностном) и эклектичности, который допускает использование разных методов, специфичных для разных подходов, позволяющих повысить эффективность психокоррекционного воздействия.

5. Мишенями психокоррекционного действия являются такие структурные образования личности: Эго-структуры личности, полоролевые сценарии женщин, инфантильный (травматический опыт) и соответствующие переживания.

6. Психокоррекционная программа является эффективной и может быть рекомендована к последующему использованию.

References:

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
2. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования – СПб.: Речь, 2004. – 368 с.
3. Карл Роджерс и его последователи: психотерапия на пороге XXI века / [под ред. Д. Брэниера; пер с англ]. - М.: Когито-Центр, 2005. - 315 с.

4. Кочарян А.С. Женские архетипы синдрома “эмоционального холода” в народных сказках / А.С. Кочарян, Н.Н. Терещенко, Т.С. Асланян // Научно-практический журнал: Наука і освіта 2007. № 8-9 С.72-75.
5. Кочарян А.С. Психометрическая оценка методики диагностики зависимости Б. Уайнхолда / А.С. Кочарян, Е.В. Фролова, Н.А. Смахтина // Вісник Харківського національного університету. Серія психологія. – 2006. - № 718- с. 47-51.
6. Кочарян А.С. Токсическая любовь как форма патологии супружеских отношений / А.С. Кочарян, Р.П. Федоренко // Вісник Харківського університету. Серія психологія. – 1998, № 419.- С. 87-91.
7. Льюис К. Любовь / Вопросы философии. 1989. №8.
8. Мартель Б. Сексуальность, любовь и Гештальт – Спб.: Речь, 2006. – 192 с.
9. Минигалиева М. Зрелые межличностные отношения: условия развития / М. Минигалиева, Н. Ничепоренко // Прикладная психология и психоанализ. - 2001. - №2. – С.57-66.
10. Москаленко В.Д. Зависимость. Семейная болезнь – М.: ПЕР СЭ, 2009. – 352 с.
11. Палуди М. Женская психология - СПб: Прайм-Еврознак: - 2007, - 384 с.
12. Пил С. Любовь и зависимость / С. Пил, А. Бродски – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2005 – 384 с.
13. Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даунинга [Пер. с англ. Р.Р. Муртазина]. – М.: Независимая фирма “Класс”, 2000. – 240 с.
14. Роджерс К.Р. Клиент-центрированная психотерапия – М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2002. – 511 с.
15. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд; пер. с англ. А.Г. Чеславской – М.: Независимая фирма «Класс», 2003. – 224с.
16. Josselson, R (1987), Finding Herself: pathways to identity development in women. London: Jossey-Bass.
17. Sternberg R.J. Triangulating Love. // Sternberg R.J. & Barnes M.L. (edc). The Psychology of Love.- New Haven, ST: Yale University Press, 1988.-P.119-138.

**EXPLANATORY MODEL OF PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF
FORMATION OF CONSUMER VALUES INCREASING HUMAN**

¹ Vladimir Kulishov

*¹ Associate Professor of General and social education
of the Kuban State University*

Abstract

The article contains a description of the signs of a child with modusom of consumerism. The article revealed the psychological mechanisms of formation of consumer of hypo-and gipersocializacii of the child. An analysis of optimum parameters of the socialization of the child as a balance of personal values and human needs. The article describes an explanatory model of the psychological mechanism of formation of consumer values growing person under the influence of norms and ideals of mass culture.

Keywords: socialization, popular culture, people-to-consumer, consumer gipersocializaciã consumer giposocializaciã, modus, consumerism, personal values, makrosocial'nye value, growing people, the psychological mechanisms.

Современный мир предъявляет образованию множество вызовов, в числе которых – формирование под влиянием социокультурных эффектов массовой потребительской культуры особого антропологического типа человека – «человека-потребителя». Исследованию этого феномена посвящено большое количество работ по философии, социологии и психологии. Анализ этих исследований был представлен ранее в ряде статей, выполненных нами и коллегами из Кубанского государственного университета [3,4]. Сегодня осуществлена концептуальная и эмпирическая реконструкция характеристик «человека-потребителя», определены основания ценностно-ориентированной методологии девиантологического анализа этих характеристик [3]. Однако, вопрос о механизмах формирования потребительских ценностей растущего человека оказался на периферии исследовательского интереса и нашел отражение лишь в совокупности противоречивых данных, наблюдений и представлений. Поэтому, в нашей статье хотелось бы остановиться на этой проблеме и представить описательную модель механизма формирования потребительских ценностей ребенка, вовлеченного в орбиту влияния современной массовой культуры.

Как известно, ценности являются психическими структурами, в которых аккумулируется смысловой опыт социальных групп. Ценности в форме элементов личностной структуры человека являются личностными

ценностями. Наряду с потребностями они выступают источником побуждений человека. По мере формирования личностные ценности ограничивают и опосредуют влияние потребностей на поведение - происходит перераспределение значимости и удельного веса личностных ценностей и потребностей. Оптимальный баланс удельного веса личностных ценностей и потребностей человека составляет главное содержание *aurea mediocritas* социализации.

Этот баланс может быть нарушен, если институты социализации по тем или иным причинам слабо формируют макросоциальные и общечеловеческие ценности растущего человека. В этом случае источником социальной идентичности для него становится малая референтная группа. Если ценности этой группы ориентированы на нормы потребительства и гедонизм, то они опосредуют, фильтруют и блокируют усвоение макросоциальных ценностей. В результате происходит не столько вытеснение потребностей ценностями, сколько трансформация первых во вторые: то, что было ранее лишь «личными потребностями», получает в группе идеологическое обоснование, становится социально желательным, приобретает независимость от ситуации, абсолютную значимость, «отвязывается» от потребностных состояний и превращается в идеал. В этом случае можно говорить о ценностном оформлении потребностей.

Изначальное сходство ценностей потребительской культуры и индивидуальных гедонистических потребностей растущего человека приводит к тому, что идеалы потребительства усваиваются легко, практически бесконфликтно, путем наименьшего сопротивления и ложатся на благодатную психологическую почву. Трансляция, скорее даже интервенция, этих ценностей осуществляется всем составляющими современной массовой культуры – от детских игрушек и гаджетов до государственных институтов образования. Ценности потребительской культуры, проникнув в структуру мотивации, становятся личностными ценностями, не претерпевая заметных трансформаций. Итогом является становление личностных ценностей, во многом дублирующих потребности. Происходит своего рода «потребительская» гиперсоциализация.

Макросоциальные ценности, напротив, сложные и непонятные для ребенка, встречают мощное сопротивление со стороны его потребностной сферы. Причем, против них восстают уже не только первичные потребности, которые естественно тяготеют к простоте и гедонизму, но и личностные ценности, порожденные «потребительской» гиперсоциализацией. В этом случае растущий человек не пропускает в свою личность внешние регуляторы, связанные с макросоциальными ценностями. Эти ценности не занимают в структуре мотивации соответствующего им места. Происходит своего рода «потребительская» гипосоциализацией.

Таким образом, психологической основой формирования растущего человека с модусом потребительства является низкий удельный вес макросоциальных ценностей по сравнению с потребностями как источников

мотивации – с одной стороны, и ассимиляция в структуру личности преимущественно потребительских ценностей массовой культуры – с другой. Ребенок с модусом потребления представляет собой результат гиперсоциализации по отношению к референтной группе с потребительскими ценностями, и гипосоциализацию – по отношению к макросоциальным ценностям.

Своеобразный характер сформировавшейся таким образом системы личностных ценностей порождает не критичное и несамостоятельное мышление, ориентированное на подсказку [1]. Восприятие и осмысление окружающей действительности носит прагматизированный и утилитарный характер. Мировоззрение является фрагментарным, отсутствуют стойкие убеждения не утилитарного характера. Ярко выражена ориентация на себя и эгоистические интересы. Моральные нормы и ограничения – размыты, а в морали выражен гедонистический элемент. Социальные связи и взаимоотношения с окружающими носят, как правило, обедненный, преимущественно обменный характер. При этом наблюдается тенденция к трансформации имеющихся «первичных связей» в связи обменного типа. Характер поведения и образ жизни часто безответственный, по принципу «после нас хоть потоп». Основу образа жизни составляет обладание, выступающее в роли базовой поведенческой установки к любым взаимодействиям с социальным и материальным окружением. Смысловая сфера ребенка с модусом потребления отличается узостью отношений с миром и структурной упрощенностью. Слабо иерархизированы побуждения, обладающие признаками неустойчивости. Существенно снижена роль осознания смысловых ориентиров, критичности и рефлексии. Очень специфичен удельный вес потребностей и ценностей в смыслообразовании – потребности преобладают, а ценности с содержательной стороны часто «дублируют» потребности. Ценности больших социальных общностей и общечеловеческие ценности представлены редко. Подростки фиксированы только на настоящем, а перспектива будущего, вместе с функциями планирования и целеполагания, у них нарушена. Потенциальная возможность обогащения сферы интересов путем переориентации на перспективу (ценности, идеалы) оказывается изначально заблокированной остановкой на «сегодня», несформированностью образа будущего.

Таким образом, ввергнутый в пространство массовой потребительской культуры растущий человек демонстрирует признаки, которые А. Маслоу назвал «снижением человечности» [2]. Можно говорить об особом типе изменений личности, который наиболее четко выделяется в выборке лиц, подвергшихся влиянию массовой потребительской культуры. Определяющим фактором в этом «потребительском синдроме» является, на наш взгляд, ослабление или недоразвитость смысловой регуляции жизнедеятельности – конституирующей функции личности.

References:

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. - М.: Смысл, 1999. - 487 с.
2. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы.- М.: Смысл, 1999. - 425с.
3. Хагуров Т. А. Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа. - М.: Институт социологии РАН, 2006. - 328с.
4. Kulishov V.V. Methodological problems of reason analysis of the impact of mass consumer culture on human growth. Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. Vol. 2. Humanities and social sciences: research articles, B&M Publishing, San Francisco, California. 2014. 218 pp.

TO THE QUESTION OF TEACHING ENGLISH THROUGH LEARNING VOCABULARY

¹ Elena Malyshkina

*¹ Candidate of historical science, senior lecturer of the chair
of foreign languages of the North Caucasus Federal University (branch)
in Pyatigorsk, Russia.*

Abstract

The article shows how teacher could help learners to develop their speech through learning new words. One of the most effective ways for learning and studying foreign language is method of games, because it is very important to arise the interest in students to learn the language. The vocabulary knowledge can be evaluated by different kinds of tests, that evaluating the reading, listening, writing and speaking vocabulary.

Keywords: the learning process, comprehension, to communicate information to others, effective way of teaching, preliminary discussion, reteaching, to involve the learner.

A person's vocabulary in his own language has a strong relationship to general intelligence and to reading comprehension. It makes possible communication with others on countless topics, both familiar to and far removed from our existence. Without vocabulary, most oral and written communication would be impossible.

There are four different types of vocabularies: listening, speaking, reading and writing:

- the listening vocabulary is composed of those words a person understands when he or she hears them spoken. It is possible for a word to be in a person's listening vocabulary and not in his or her speaking, reading, or writing vocabulary. For many students, the listening vocabulary exceeds each of the other vocabularies by a large margin. Listening develops in a student before speaking, reading and writing and may serve as a readiness agent for the other areas. Still later, reading and writing of the word are likely to develop;

- the speaking vocabulary is composed of those words a person can use orally to communicate information to others. Since speaking vocabularies are generally based on listening vocabularies, they are generally smaller than the listening vocabularies. Most students, even people in their own language understand many words that they never use in their speech;

- the reading vocabulary is composed of the words that a student understands when they are seen in print. A word may be in a student's

listening and speaking vocabularies and still not be in his or her reading vocabulary;

- the writing vocabulary is composed of words that a student can use accurately in written form. Most students have fewer words in their writing vocabularies than in their listening, speaking and reading vocabularies. Using a word in writing requires more than just understanding it when it is heard or read. Just as speaking the word does, writing the work requires the ability to recall the word and its meaning and to place it in meaningful relationships to other words, but writing requires one additional step – encoding the word into printed symbols. Writing vocabulary therefore takes somewhat longer to acquire. In addition, the permanence of the written word, as opposed to the spoken word, and its openness to close scrutiny make students unwilling to use in writing any words that they are not sure they have under complete control. [1]

Vocabulary instruction is a complex area. Teachers must choose words to teach on the lessons and techniques for more effective way of teaching these words. Regardless of whether you are concerned with developing listening, speaking, reading or writing vocabulary, or even all of these vocabularies, teacher must choose the terms on which teacher plan to focus instruction. The terms that teacher choose should be high-utility words for the grade level of students with which teacher are working. They may be chosen from words needed to deal with the basal reader lessons or content area textbook material. It makes sense to teach words that easier to learn first and then to follow up with the harder ones. Words that have concrete referents are easier to learn than are abstract words. Words that can be tied into the students' experiences are easier than ones that cannot. [2] Structure words, such as *what* or *thought*, are generally harder to learn than are nouns or verbs.

Just because a word appears for the first time in a basal reader the assumption cannot be made that the students don't know the word. Preliminary discussion about the lesson to assess and/or build background and to build motivation often reveals that a "new" word is already known and therefore needs no further class attention. On the other hand, some words that have been previously presented may not have been learned by the students. Teachers should be alert for this possibility also and be ready to work with words other than the "new" words that require attention. Paying attention to difficult words from previous lessons which may require reteaching or elaboration in new contexts should be standard procedure.

Vocabulary development techniques should actively involve the learner as much as possible. Students understand and retain better those things that they have experienced most directly and have been involved in analyzing and discussing. Encouraging use in spoken and written language of the vocabulary terms that are receiving attention is therefore a good idea.

One active method of learning word meanings is through conversations with the teacher and other students about a topic to which the words are related.

A specific technique for teaching vocabulary - categorization is one of the most effective ways to work with words and word meanings. It places the words into categories. By seeing the relationships among many familiar words and the new words, students are able to build connections between new information and prior knowledge. Arranging words in categories is also one way to develop the thinking skill of classifying. [3]

Teachers can use a children's game, in which one person thinks of an item and the others try to identify it by first determining the general category and then asking questions about it that can be answered by "YES" or "NO". If the item is not identified in a specified number of questions, the questioner has lost, the other player identifies the item and then thinks of another item, and the game begins again. This game might be played in the classroom with new vocabulary terms being interspersed with familiar words.

The items may also be grouped into classifications such as living and nonliving, movable and stationary and so on. The teacher should lead the learners to discuss reasons for grouping that they develop, pointing out common characteristics. At first the teacher may designate the categories into which items must be placed, but eventually the students need to come up with the categories independently. This same sequence could be used with word lists in reading.

The teacher may also provide a category, without providing items to place within the category, and let the learners suggest appropriate items. For example, teacher asks them to suggest things that grow from the list given below: *hair, animal, street, today, child, window, cat, etc.*

Also teacher can use this kind of game that can be enjoyable for students and can promote vocabulary development at the same time. In the activity a word is written vertically on the left side of the paper as shown in the table below. (T.1)

Categories are placed in a row across the top of the page. The children are challenged to use reference books or dictionaries to help them fill in the resulting grid with words for each category that start with each letter on the left. [4]

Table 1

Categories

<i>Letter</i>	<i>Name</i>	<i>Animal</i>	<i>Food</i>	<i>Color</i>
B	Bob	bird	beef	Brown
R	Rose	rabbit	rice	red
O	Olga	octopus	orange	orange

The semantic feature analysis is another good way to conduct word study. In it a number of words are categorized in relationship to several characteristics. [5] For instance, musical instruments might be located under such classifications as string, woodwind, brass, percussion, mouthpiece, bow and others, as shown below. (T. 2) The more features that are considered, the more knowledge the learners have to display about the target words in order to complete the chart. If enough features are included along the top of the chart, no two items will have exactly the same pattern of pluses and minuses. In the charter below, for example, timpani and snare drum have the same pattern, but the addition of *snare*s to the list of features would differentiate the two items. Similarly, trumpet and trombone have the same pattern, but the addition of *slide* to the list of features would change the pattern.

Table 2

Classifications

Instrumental	String	Woodwind	Brass	Percussion	Mouthpiece	Bow
Trumpet	-	-	+	-	+	-
Clarinet	-	+	-	-	+	-
Trombone	-	-	+	-	+	-
Timpani	-	-	-	+	-	-
Guitar	+	-	-	-	-	-
Violin	+	-	-	-	-	+
Snare drum	-	-	-	+	-	-
Cymbal	-	-	+	+	-	-
Oboe	-	+	-	-	+	-

Making analogies is a good way to learn about the words, as well as to develop thinking skills related to classifying, comparing and contrasting. Students will start learning the skill necessary for making analogies when they engage in categorization activities, for successful analogy construction requires the recognition of the relationships among words. Analogies can be developed on the basis of a multitude of possible relationships: synonym, antonym, homonym, member-organization, etc. Older students can be introduced to the symbols related to analogies, as the analogies become “Sock-foot, ___ - hand”. Such activities require the use of higher-order thinking skills.

Structural analysis involves learning to recognize common word parts, such as prefixes, suffixes, endings, parts of compound words and parts of contractions, and associating meaning with these word parts. Knowledge of structural analysis gives students a powerful tool in learning the meanings of new words that they encounter. It also enables them to develop skill in analytical thinking as they learn how to understand and use parts of words.

Teaching prefixes and suffixes by presenting lists of the word parts and their meanings is not a good practice. The word parts will be learned best if they are taught in the context of words for which the students can see some

in their life activities.

Use of the dictionary is another approach to vocabulary development that should be overlooked. Dictionary skills need to be deliberately taught, so that students can use them independently when the need arises. It is very important to learn how to use the dictionary, because when students look up words in the dictionary, they often do not fully use the information that is found. In addition to the lists of translation and meanings that the students expect to find in the dictionary, there are part-of-speech labels, sometimes represented by abbreviations that have to be looked up in the list of abbreviations located elsewhere in the dictionary. There may also be special forms of words with varying endings; indications of language of origin, along with the meanings of the words in those languages; a picture that represents the word; or a sentence that shows the word meaning in the context. [5] The teacher should discuss the definitions with the students, making sure that they realize that a word may have many different meanings, only one of which will make sense in the context in which they have heard or seen it. Each definition, or at least each definition of the word that is listed under the appropriate part of speech, must be read carefully and tested to see if it would make sense in the context under consideration. Learners too often try to force the first definition listed to fit any context that they find, ignoring others that would fit more exactly.

The construction of word webs is a good way to examine many characteristics of words and their meanings and relationships with other words. Suppose the students were preparing to read a story about a circus. Exploring the term “circus” before the reading begins will bring out the things the children already know about the circus and will meaningfully relate things that they know with things that other children know. The discussion that accompanies building the web is good preparation for reading the story. After reading a web can be expanded based on added information. Words related to the circus will probably be suggested in rather random order, but the teacher can write them on the board with related ideas close together and later ask the students for a category name for each group of ideas. This way of leaning new words is more effective than just write them on the blackboard with translation. Also teacher can give this task to read a new story and make a web of new words at home.

References:

1. Ross E., Roe B. An Introduction to Teaching the Language Arts. – Florida: PubPress, 2012. – 244p.
2. Mason J., Au K. Reading Instructions for Today. – Hmbg.: Kraft, 2010. – 85-89 p.
3. Smith C. Teaching English as a foreign language.– M.: SumDPU, 2009. – 122 p.
4. Mead R. Language Teaching.- M.: UPAO, 2012. - 128 p.
5. Gordon B. Theory of progressive learning.– GB.: INTOP, 2013. – 44 p.

**DEVELOPMENT OF ECONOMIC EDUCATION IN UKRAINE
AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURE**

¹ Lyudmila Medvid

¹ Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Kiev national economic university named after Vadym Hetman, Ukraine

Abstract

The article analyzed the features of the development of economic education in Ukraine at the beginning of the twentieth century.

Keywords: innovation, economic education.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена необходимостью всестороннего, объективного и непредвзятого изучения истоков истории современных процессов национального возрождения.

Для будущего Украины значимым является прогнозирование перспектив дальнейшего развития и усовершенствования существующей системы экономического образования. Одним из важных аспектов решения данного вопроса, по нашему мнению, должно стать переосмысление и обобщение положительного опыта по экономическому образованию, накопленного в начале XX столетия советской Украиной.

Проблема экономического образования подрастающего поколения всегда была в центре внимания выдающихся экономистов, историков, философов и педагогов, которые изучали ее отдельные аспекты.

Исторические аспекты экономического образования после Великой Октябрьской социалистической революции отдельно учеными не рассматривались, а лишь в контексте общих историко-педагогических исследований С. Батишева, В. Борисенко, Г. Ващенко, Г. Васковича, Ш. Ганелина, М. Грищенко, С. Гриценко, Е. Днепров, Г. Захаревича, Я. Звигальского, М. Иванова, М. Константинова, И. Крылова, Е. Луценко, Е. Мединского, Д. Павлова, К. Парменова, А. Пискунова, С. Пастернака, С. Сирополка, А. Степановича, Б. Тибиева и др.

Только в 60-х годах XX столетия вопрос экономического образования и воспитания начал разрабатываться как самостоятельное направление в науке. Первые исследования были проведены экономистом Л. Пономаревым и Л. Эпштейном. В 90-х годах экономист Е. Лортикян обратился к истории экономической науки и экономического образования.

Попытку проанализировать становления средних экономических учебных заведений при царизме предприняли в своих исследованиях Л. Володкевич, П. Искра, В. Постолатий, В. Трикоз, отдельные вопросы экономического образования в системе национального образования Ук-

раинской Народной Республики нашли отражение в работах Н. Демьяненко, Д. Дорошенко, А. Любаря, В. Майбороды, М. Собчинской.

Анализ исследований по проблеме свидетельствуют, что отсутствует целостная картина развития экономического образования в советской Украине в первой половине XX столетия, что обусловило выбор темы исследования. Его целью является раскрыть особенности развития экономического образования в Украине в исследуемый период.

В 20-е годы XX столетия закончилась гражданская война, установлена власть большевиков. В стране царил голод, разруха. Политику «военного коммунизма» сменила новая экономическая политика (НЭП).

Национальное образование Украины формировалось под влиянием таких документов, как «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», разработанных в 1918 году под руководством А. Луначарского, Н. Крупской.

Развитие экономического образования в советской Украине проходило на фоне следующих событий:

7 ноября (25 октября) 1917 года – победа Великой Октябрьской социалистической революции.

12 декабря 1918 года – образование Украинской Советской Социалистической Республики.

18 января 1919 года - Декрет об отделении церкви от государства.

2 марта 1919 года - правительство УССР издало декрет о правилах приема в высшие учебные заведения. Демократизация управления высшей школой.

Апрель 1919 года – Декрет о переходе всех частных высших учебных заведений на содержание государства.

2 июля 1919 года – Совнарком УССР утвердил «Положения о единой трудовой школе Украинской Советской Социалистической Республики».

1920 год – принятие плана ГОЭЛРО.

15 июня 1920 года – Наркомпрос РСФСР издал постановление «О внедрении в жизнь единой трудовой школы».

8-16 марта 1921 года – X съезд РКП (б). Переход к новой экономической политике.

13 апреля 1921 года – решение СНК УССР о создании в республике единой системы потребительской кооперации.

28 сентября 1921 года – образование Украинского экономического совета при СНК УССР.

1921-1923 гг. – голодомор в степных районах Украины.

19 мая 1922 года – образование организации Юных пионеров.

Ноябрь 1922 года – принят Кодекс законов о народном просвещении Украины.

30 декабря 1922 года – I съезд Советов СССР принял Декларацию об образовании СССР.

12 апреля 1923 года – Постановление ВУЦИК о проведении административно-территориальной реформы. Образование округов и районов вместо уездов и волостей.

17-25 апреля 1923 года – XII съезд РКП (б) взял курс на проведение политики «коренизации».

6 июля 1923 года – образование первого правительства СССР – Совета Народных Комиссаров СССР.

1 августа 1923 года – Постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах по обеспечению равноправия языков и содействия развитию украинского языка».

30 декабря 1924 года – принятие Конституции СССР.

5-11 января 1925 года – I Всеукраинский съезд учителей.

18-31 декабря 1925 года – XIV съезд ВКП (б) взял курс на индустриализацию.

2-19 декабря 1927 года – XV съезд ВКП (б) принял курс на коллективизацию сельского хозяйства.

5 сентября 1931 года - Постановление ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе».

19 сентября 1932 года - Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах».

25 сентября 1932 года – Постановление ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режиме в начальной средней школе».

1932-1933 гг. - голодомор в Украине с жертвами около 8 млн. человек.

12 февраля 1933 года – Постановление ЦК ВКП (б) «Об учебниках для начальной и средней школы».

18-23 января 1934 года – XII съезд КП (б) У принял решение о переносе столицы из г. Харькова в г. Киев.

К большому сожалению, все законодательные документы в области образования полностью копировались из Московских. Основы такой зависимости национального образования от «старшего брата» были заложены еще на I съезде Компартии (большевиков) Украины, который состоялся в Москве 5-12 июля 1918 года. На нем был провозглашен, на наш взгляд, ложный лозунг, что важным условием победы трудящихся Украины является укрепление Советской России. Именно это успешно делали коммунисты за счет собственного народа на протяжении всей советской эпохи. Она охватывает исторический период в 73 года с 12 декабря 1918 года, когда была образована Украинская Социалистическая Советская Республика, по 24 августа 1991 года - провозглашение независимой Украины. Этот период состоит из следующих этапов: 1) 20-е годы XX столетия – начало создания новой системы образования с инновационных позиций в условиях гражданской войны, хозяйственной разрухи, саботажа старой интеллигенции; 2) 30-40-е годы XX столетия – политика «коренизации» и национальное возрождение; 3) 50-90-е годы – победа тоталитарного режима и его влияние на развитие национального

образования и, в частности, экономического.

В нашем исследовании был сделан акцент на изучении особенностей формирования национальной системы образования в рамках первого этапа.

Огромное влияние на создание национальной системы образования имело Первое Всеукраинское совещание по вопросам образования. Оно проходило в марте 1920 года в г. Харькове. На совещании была утверждена новая система образования Украины, так называемая «Схема народного образования УССР», разработанная народным комиссаром образования Г.Гринько и его единомышленниками. Можно выделить следующие ее звенья: 1) дошкольное социальное воспитание (детский сад, детский дом, коммуне, колония и т.п.) – от 4 до 8 лет; 2) социальное школьное воспитание (трудовая школа, которая делилась на два центра: первый четырехлетний – с 8 до 12 лет и второй трехлетний – с 12 до 15 лет); 3) профессиональное образование: а) профессиональная школа: двух- или трехлетняя с годовым стажем – для подготовки квалифицированных рабочих; б) техникум (3 года) – для подготовки инструкторов; в) институт (4 года) – для подготовки высококвалифицированного специалиста-практика; г) академия (2 года) – для подготовки ученого в одной из областей науки.

В техникуме готовили специалистов высшей квалификации (инженеров-практиков, агрономов, хозяйственников) для различных отраслей народного хозяйства и государственного строительства. Формы обучения – дневная и вечерняя (рабочие техникумы), которые обеспечивали уровень квалификации мастера, помощника инженера или инженера узкой специальности. В то же время вводились разнообразные профессиональные курсы для взрослых. Они рассматривались как организационная форма профессионального обучения переходного периода.

Украинская система образования обсуждалась на совещании в г. Москве 1921 году, а уже в 1922 году по поводу воплощения в жизнь «Схемы народного образования УССР» возникла острая дискуссия между руководством Украины и России, в которой принимал участие В. Ленин. В результате дискуссии был разработан «Кодекс законов о народном просвещении УССР». «Схема» Г. Гринька были подкорректирована согласно «Кодекса». Так, происходило вмешательство Москвы в народное образование Украины.

В «Кодексе» были зафиксированы такие задачи профессионального образования, как подготовка всех видов квалифицированной рабочей силы, необходимой для социалистического строительства. Профшколы признавались массовым учреждением профобразования. Техникум – первый уровень высшего образования, второй – институт [5, с. 155-162].

Профессиональное образование готовило специалистов в таких отраслях, как индустриальная, агрономическая, социально-экономическая, педагогическая и другие. Известно, что собственных профессиональных

школ не имели следующие вертикали: художественная, научная и педагогическая.

Экономическое образование стало составной частью профессионального образования и было представлено в сети социально-экономических учебных заведений, потому что еще в 1920 году все типы экономических учебных заведений (начальные, средние и высшие государственные, общественные и частные общеобразовательные), возникших в дореволюционном образовании, были ликвидированы в соответствии с постановлением «О внедрении в жизнь единой трудовой школы», принятого 15 июня 1920 года Наркомпросом УССР. Классы средней школы реорганизовывались в 7-летнюю школу. Всесоюзная школьная перепись, которая состоялась в 1927/28 учебных годах, приводит следующие данные по Украине: 4 техникума, 75 профшкол, 14 школ конторщиков и торговоченических, 21 другая школа и курсы. Всего 114 социально-экономических школ, где обучалось 17327 учащихся [10, с.8].

Как видим, советское правительство Украины постепенно создавало заново систему социально-экономических учреждений.

Высшее экономическое образование так же переживало определенные инновационные преобразования. Так, в 1920 году в составе Наркомпроса УССР был создан Главный комитет научного, специального и профессионально-технического образования для руководства деятельностью высшей школы. Наркомпрос Украины отказался от такого типа высшего учебного заведения, как университет.

На базе университетских факультетов создавались соответствующие институты. Университеты были реорганизованы в институты народного образования (ИНО). Это Киевский, Харьковский, Новороссийский Екатеринославский (с 1926 г. - Днепропетровский) университеты. [4, с. 608].

В высших учебных заведениях советское правительство уделяло большое внимание распространению марксистско-ленинской идеологии. Известно, что экономическая теория является ее составной частью и считалась политминимумом, которым должны овладеть каждый студент.

Так, в 1921/22 учебном году в Киевском институте народного образования в учебных планах политминимум занимал – 23%, специальные дисциплины – 54%, педагогические -- 23%. Первым преподавателем политэкономии в институте был Б. Радзиковский [2, с. 603].

Политическую экономию в Харьковском институте народного образования читали профессора Т. Степанов, В. Левитский. Большинство профессоров, которые преподавали политическую экономию не разделяли догматов марксистского учения [11, с. 32].

На базе Новороссийского университета был образован Одесский институт народного хозяйства по приказу Одесского губернского комитета специально-научного и профессионально-технического образования № 66 от 16 мая 1921 года. Курс обучения длился 3 года (10 триместров), в составе восьми отделений: промышленного, статистического, финансо-

вого, внешних торговых отношений, кооперативного, административно-консультативного, транспортного, которым предшествовал общий для всех цикл [7, с. 3].

Первым ректором института стал В. Штайн, который написал ряд работ по экономической географии и истории экономических учений. Курс политэкономии читал профессор Й. Герлих (с 1921 года по 1930 год); курс статистики – проф. И. Бориневич.

В Одесском институте народного хозяйства была создана кафедра экономической географии, которую возглавил проф. О. Сухов. Ее открытие предшествовали два следующих события. Профессор Г. Швиттау, работавший в Новороссийском университете с 1918 года по 1920 год, выступил со статьей «Экономическая география в общей системе географических наук». В 1921 году В. Ленин подписал декрет о введении экономической географии как обязательного минимума высших учебных заведений.

О. Сухов подготовил группу ученых, среди которых – О. Смирнов, Ю.Шрабштейн и другие, которые плодотворно работали на кафедре экономической географии, организованной в 1934 году в составе географического факультета [3, с. 194-195].

Итак, экономические науки были представлены исключительно на кафедре политэкономии и статистики, которые входят в состав юридического факультета и читались только студентам этого факультета.

Такие инновационные преобразования переживали все университеты советской Украины.

Например, на базе Киевского коммерческого института был создан в 1920 году Киевский институт народного хозяйства. В институте по состоянию на 1 июля 1922 года существовали такие факультеты: 1) основной (общеподготовительный); 2) социально-экономический (с 1923 года – хозяйственно-организационный) с такими отделениями: статистическое, социально-экономическое, финансово-учетное и с 1923 года дополнительно организованы экономико-педагогическое, коммунальное, страховое и торговое отделения; 3) хозяйственно-технический с промышленным и торговым отделениями; 4) социально-правовой (юридический) с судебным и административным отделениями; 5) путей сообщения, транспорта и связи с железнодорожно-эксплуатационным, автогужевым, водным и авиационным отделениями; 6) кооперативный с экономическим, сметно-учетным и статистическим отделением; 7) педагогический; 8) внешнеэкономических отношений [1, с. 38-39].

Перед институтом стояла задача подготовить прежде всего администраторов, организаторов производства и управления для основных отраслей послевоенной экономики.

Таким образом, высшее экономическое образование можно было получить в Киевском институте народного хозяйства, Одесском институте народного хозяйства.

В целом, достижения украинской системы образования неоднократно обсуждали в г. Москве. В 1927 году нарком просвещения РСФСР А.Луначарский констатировал, что выпускники украинских школ были лучше подготовлены к жизни и продемонстрировали более высокий профессиональный уровень, чем российские. Но уже в 1932 году следующий нарком образования Украины Н. Скрипник отказался от украинской системы народного образования. Согласно постановления ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 года, в советской Украине вводилась десятилетняя школа, техникумы, которые не были переведены в институты перешли в категорию средних школ, а также возобновили свою деятельность университеты в г. Киеве, г.Одессе, г. Харькове, г. Днепропетровске в соответствии с решением СНК УССР от 10 марта 1933. Мы видим, что советская Украина полностью копирует российское образование.

Особого внимания заслуживает развития высшего экономического образования в Западной Украине.. Его можно было получить на юридическом факультете Львовского и Черновицкого университетов, а также во Львове в Украинском университете, который еще называли тайным и вольным.

Украинский университет (1921-1925 гг.) во Львове был создан в ответ на запрет польского правительства принимать студентов украинского происхождения во Львовский университет. Такую политику на оккупированной Восточной Галиции проводило польское правительство с 1919 года. Кроме того, в университете были закрыты семь украинских кафедр и уволены все украинские преподаватели как неблагонадежные.

Выход из создавшейся ситуации нашли студенты, которые обратились к своим бывшим преподавателям, украинским ученым и видным политическим деятелям с просьбой, чтобы те помогли организовать свой украинский университет и начали там преподавать. Прогрессивная интеллигенция поддержала студентов. И такие видные ученые и общественно-политические деятели, как доктор, проф. Д. Дорошенко, проф. Д. Антонович, проф. В. Биднов, проф. О. Колессо стали первыми преподавателями исторических дисциплин на философском факультете [6]. Первым ректором Украинского университета стал доктор, профессор философии Василий Щурат.

В Украинском университете было создано 3 факультета: юридический, философский и медицинский. На философский факультет поступило 234 человека, на медицинский – 138, на юридический – 841, а также было принято 156 вольных слушателей. Кроме того, если в 1921 году было 3 профессора в университете, то в 1922 учебном году насчитывалось более 55 профессоров [8, с.1].

Высшее экономическое образование можно получить на юридическом факультете, где из 26 кафедр на 7 преподавали экономические науки. Это - кафедра политэкономики, статистики, товароведения, банковского деловодства, «скарбовности» (казначейства), вексельного и торгового

права; истории и теории банковского дела. А также на этом факультете была кафедра марксизма [9, с. 2].

На юридическом факультете экономические дисциплины преподавали профессора О. Мацюк (история политэкономии, теория политэкономии), Ф.Щербина (общая и украинская статистика, земская статистика), А.Одарченко (финансовое право), доцент В.Тимошенко (экономика промышленности, торговая политика, экономическая политика).

Итак, даже на временно оккупированных украинских землях молодежь проявляла интерес к экономическим дисциплинам.

Выводы. Украинская система народного образования имела ряд особенностей по сравнению с московской. Из нее были исключены университеты, единая трудовая школа была семилетней, а в России десятилетней. Техникум считался подготовительной школой для поступления в институт и принадлежал к категории высшей школы.

Правда, заместитель народного комиссара просвещения УССР Я. Ряп-по внес некоторые изменения. Институты и техникумы были признаны высшими равноправными учебными заведениями с той лишь разницей, что техникум готовил узкого специалиста, а институт – специалиста администратора и организатора. Создавалась заново сеть социально-экономических учебных заведений.

К сожалению, период инноваций, экспериментов и различных реорганизаций учебных заведений в Украине закончился в 1933 году, но опыт советской Украины по созданию национальной системы образования был использован уже в 1990 году, когда она была восстановлена.

На наш взгляд, опыт организации экономического образования еще требует переосмысления и творческого использования его в новых условиях независимой Украины.

References:

1. Дорогой к национальному экономическому / А.Ф.Павленко и другие. – К.: КНЕУ, 1998. – С.38-39 (на украинском языке).
2. История Киевского университета 1834-1959. – К.: Изд-во КГУ, 1959 – С.603 (на украинском языке).
3. История Одесского университета за 100 лет (1865-1965) / Под ред. проф. О. Юрченко. – К.: Изд-во Киев.ун-та, 1968. – С. 194-195 (на украинском языке).
4. История Украинской ССР: В 10 т. – Т.6. – К.: Наукова думка, 1984. – С.608.
5. Кодекс законов о народном образовании в УССР. – Харьков, 1922. – С.155-163.
6. Перечень кафедр на философском и юридическом факультетах и списки членов Сената Украинского университета //Центральный государственный исторический архив Украины во Львове. – Ф.310. – Оп.1. – Спр.68. – Арк.2, 5, 6, 14, 19 (на украинском языке).
7. Приказы по губпрофобру //Государственный архив Одесской области. – Ф.129. – Оп.1. – Спр. 75. – Арк.3 (на украинском языке).
8. Справка о тайном университете во Львове // Центральный государственный

ный исторический архив Украины во Львове. – Ф.310. – Оп.1. – Спр.11. – Арк. 2 (на украинском языке).

9. Учебные программы Украинского вольного университета //Центральный государственный исторический архив Украины во Львове. – Ф.310. – Оп.1. – Спр.11. – Арк. 2 (на украинском языке).

10. Учреждения профессионального образования на Украине. Т.2.– Харьков: Госиздат., 1930. – С.8.

11. Харьковский государственный университет 1905-1980. Исторический очерк. – Харьков: Высшая школа: Изд-во Харьков. ун-та, 1980 – С.32.

**DEVELOPMENT OF INTERNATIONALIZATION
IN THE CLASSICAL GERMAN UNIVERSITIES**

¹ Anna Gavryliuk

¹ *Postgraduate student at the Chair of Pedagogy Theory and History,
Borys Grinchenko Kyiv University, Ukraine*

Abstract

The article highlights the contemporary development of internationalization and international affairs in the classical German universities. It concentrates on the role of international funds and organizations, which support research by international and German scientists. It also addresses the process of study and possibilities for international students in German universities.

Keywords: internationalization, international affairs, classical university, educational policy, international students, national codex.

Classical German universities have a long tradition in international cooperation, developing international relations and in supporting the international students. Today the internationalization of higher education is an important task of the classical university. Prof. Dr. Joybrato Mukherjee, a president of Justus Liebig University Giessen, Germany, sounds absolutely convinced that internationalization or international profile is a key factor for the development of education and science in Germany [3, 3]. International organization UNESCO defines internationalization as one of the forms in which higher education meets the possibilities and challenges of the globalization. Internationalization covers a number of important issues, such as the process of learning and teaching; conducting research; institutional agreements; curriculum; mobility of teachers and students; different forms of cooperation [5, 15].

This initiative is supported by state-level higher education institutions which are related to university education and internationalization; among them are Federal Ministry of Education and Science (BMBF – Bundesministerium für Bildung und Forschung), The Standing Conference of the Ministers of Education and Cultural Affairs in Germany (KMK – Kulturlinisterkonferenz), federal and land commissions of educational promotion and development of the research activity (BLK – Bund-Länder-Kommission für Bildungsplanung und Forschungsförderung), the annual German Rectors' conferences (HRK – Hochschulrektorenkonferenz) and German council of science and humanities (Wissenschaftsrat). The international component is also covered by various institutions on the

national level, namely, by European social fund (ESG – Europäischer Sozialfonds), European research space (Europäischer Forschungsraum) and Research program of the European Union (EU-Forschungsrahmenprogramm). These institutional bodies work closely together and initiate the adoption of joint projects and documents. The state authorizes federal states of Germany to finance many higher education institutions. International activities of the university are partly funded by the state and private funds.

A number of scientists from around the globe have investigated the problem of development of university education in the European educational space. They are: O. Anweiler, M. Wintermantel, J. Wimpfeling, B. Wulfson, M. Horheimer, W. Humboldt, W. Lenhart, H. Oehler, W. Paulsen, E. Tenorth, K. Jaspers.

The article aims to show the development of internationalization at the classical German universities.

In recent decades, a key factor in the transformation of education has been its internationalization. The University, as an institution, has been included into all contexts of European life and into the processes of globalization which take place in the modern world. Moreover, university has become a key leader and creator of these trends, the place of formation of the universal discourse of world knowledge and technology. From the beginning of the globalization era and of the process of active formation of a single global educational and research space, the university has been a guide featuring internationalization, that is, the ability and opportunity to be an influential institution of knowledge. Hugo Horta, a scientist from Portugal, shows in his article that the state is interested in support of their best universities. They could be the part of the global educational landscape. He writes “in the global world of higher education most of the national states are interested in having at least one university which is considered to be an international research center. Such university should be able to be global competitive and cooperate with other universities around the world” [6, 25]. There is a big number of universities in Germany, which are considered to be international research centers.

One of the most important parts of the internationalization are international relations. Due to this activity, a scientific potential in Germany has been enriched also due to a constant exchange of ideas and experience. Historical experience shows the importance of international activities within the walls of a classical university. Since the 1960s, there has been a steady quantitative increase in the number of foreign students in Germany. In 1960, there were around 5.000 international students in Germany and in the 1970s the number increased to 12.000 of students [1, 50]. Since the 1990s, this rate has risen to 9% of the total, and in 2009-2010 years, it rose up to 12% and amounted 245.000 international students. The number of Ukrainian students has been steadily increasing. In 2011, 8.557 Ukrainian

students were registered in Germany. Among them 6.324 students with Ukrainian school diploma and 2.233 with German school diploma. In general, Ukraine takes the fifth place among all the international students in Germany [4]. Such statistic data prove the importance of the internationalization policy in Germany. This country takes a third place after the USA and Great Britain as a popular place for obtaining a higher education among students.

According to DAAD organization in Kyiv, Ukraine (The German Academic Exchange Service) among the most popular specializations for Ukrainian students abroad are economics, engineering, law studies, informatics, German studies, and music. Postgraduate students choose physics and astronomy, and mechanical engineering for PhD theses at German universities [4]. The largest number of Ukrainian students study at Humboldt university in Berlin (Humboldt Universität zu Berlin), Heidelberg university (Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg), Cologne University (Universität zu Köln), Munich University (Ludwig-Maximilians-Universität München), Trier University (Universität Trier).

International profile of the universities is supervised by educational policy, which is established by Federal Ministry of Education and Science and by the annual German Rectors' conference. One of the most important educational laws is the National codex that regulates the study of international students at German institutions of higher education established in November 2009. It has been maintained by the work group of HRK and DAAD in the high school Gate Germany. The aim of the codex is to provide the quality of education for foreign students. The Codex formulates quality standards for teaching foreign students at German universities and highlights some common minimum standards for admission, and support during and after their graduation. These standards are available online for all students. One of the important points of the Codex is providing equal rights for foreign students from EU and non-EU countries, and in addition, providing assistance for international students. Today, there are 126 establishments of higher education that are members of the National codex. The admission requirement is compliance with the Code within six months [2, 3].

The studying at the higher educational institutions of Germany is partly free from the tuition fees. Students are required to pay a small amount of money when they enroll at the university. Each of the 16 federal states is allowed to determine its own amount of the tuition fee. From 2006 until 2009, the average tuition fee was approximately 500 euros per one term. This period was characterized by massive student strikes and protests where the students claimed to cancel the tuition fees. The active discussions in the universities, federal states and in Parliament took place as well. As a result, the tuition fees have been cancelled all over Germany except Lower Saxony. As of the fall semester 2012/2013, almost all German universities have no

tuition fees which enable the free access to German higher education. However, those students that study more than 10 semesters or those who are willing to get a second higher education degree are obliged to pay a tuition fee (approximately 500 euros). Many foreign students in Germany become scholarships to finance their study at the university. Each university has in its structure International Office that provides support and consultations for the international students concerning their living and studying in Germany. It is called Akademisches Auslandsamt (AAA). The students are informed about the process of enrollment, language courses and the programs of finance [3, 5].

There is a network of institutions that are engaged into international exchange and support of gifted students, young researchers, graduate and postgraduate students. Along with DAAD organization, there are many other programs that finance the scholarships and provide grants for the students. Among them one can differentiate funds from the political parties (Heinrich Böll Foundation, Fridrich Ebbert Foundation, Konrad Adenauer Foundation); funds supported by big entrepreneurships (Gottlieb Daimler and Karl Benz Foundation, Bosch Foundation); funds supported by federal states (Baden-Württemberg scholarship, Rosa Luxemburg Foundation); social and religious institutions (Karl Duisberg Scholarship, Friedrich Naumann Foundation); international research schools (German research foundation (DFG), Max Planck Foundation, Humboldt Foundation) [4]. In different fields, individual programs exist along with such important and influential organizations. They are: Alfred Krupp von Bohlen Foundation, which supports the research in pedagogics, medicine, culture studies, literature, and sport; The German Academic Exchange Service finances the students of German studies who plan to work as teachers of German. The German representatives of the international company IAESTE provide internships for the students who study engineering and agriculture [3, 5]. These foundations mostly finance gifted students and young researches who will implement their knowledge and skills in their home country.

The prime example of the most influential research foundation is Alexander von Humboldt Foundation the headquarters of which is in Bonn. It is one of the most prestigious foundations in Germany that supports international cooperation and implementing the policy of internationalization in the field of research. The foundation assists the finance programs in all fields of research in Germany. Since 1953, the foundation has subsidized 24 thousand individual grants and scholarships for the researchers from 130 countries in the world. Around 180 scholars from Ukraine have taken part in such programs and have had an excellent opportunity to work together with their colleagues from Germany. Alexander von Humboldt Foundation supports three main programs: programs for young researchers; programs for matured researchers; programs for world-known researchers. Award winners are invited to Germany to conduct research on their academic

choices together with German researchers [3, 4]. This fruitful collaboration provides for the exchange of scientific ideas, joint scientific achievements and implementation of internationalization at the university level.

Educational programs of the German classical universities also focus on the development of internationalization. Among such programs, one can distinguish Bachelor program (3-4 years), Master program (1-2 years), postgraduate program (3-4 years) and International English programs. For Ukrainian students in Germany, there are institutional programs. They are eastern partnerships (Ostpartnerschaften), and integrated international programs with double diplomas [4]. These programs have been successfully implemented on the basis of many Ukrainian and German classical universities. Among Ukrainian universities, which fruitfully collaborate with German universities on the basis of double diplomas on the graduate level, are Taras Shevchenko National University of Kyiv, National University of “Kyiv-Mohyla Academy”, National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”. After completing one of these programs, the student receives a diploma of a European standard that enables him to continue his studies and to take advantage of mobility in the European Higher Education Area.

What emerges from this chapter is that German universities support the policy of internationalization and possess strong research capabilities. One of the main tasks of the classical universities in Germany is attracting international students and young scientists to study and research, increasing the academic mobility of German students and implementing internationalization policy in the institutions of higher education. German universities are known and respected on the international level for their competitiveness, innovations, conducting research and the opportunities they offer to the students around the world.

References:

1. Anweiler, O., Fuchs, H.-J., Dorner, M. & Petermann, E. (1992). Bildungspolitik in Deutschland 1945 – 1990. Ein historisch-vergleichender Quellenband. Opladen: Leske + Budrich, 273 S.
2. Newsletter DAAD/Herausgeber.:D. Rühländ-K.: Information Center Kyiv, Ausgabe 21, 2013. – 6 S.
3. Newsletter DAAD/Herausgeber.:F. Küchler-K.: Information Center Kyiv, Ausgabe 18, 2012. – 7 S.
4. Educational online portal “Research in Germany” : <http://www.research-in-germany.de>
5. Higher Education in a Globalized Society. UNESCO Education Position Paper. UNESCO, 2004. – 28 p.
6. Horta H. Global and National Prominent Universities: Internationalization, Competitiveness and the Role of the State // High Education, 2009, 58. – p. 387-405.

**MODEL OF GRADUATING STUDENT OF PRESCHOOL ORGANIZATION
IN THE CONDITION OF PASSING TO 12-YEARS-OLD EDUCATION**

¹ Maira Kudaibergenova

² Zharkynay Arysbaeva

¹ Candidate of pedagogic sciences

² Main specialist, Branch of JSC «NCPD «Orleu» institute for professional development of South-Kazakhstan region, Shymkent

Abstract

In the article examined criteria of pedagogical and psychological readiness of senior preschool child to school

Keywords: education, 12-years-old education, school preparation, competitive personality.

В современную эпоху высочайшего динамизма, глобализации, изменяющегося образа жизни, общения и мышления одной из актуальных проблем казахстанского общества является формирование конкурентоспособной личности, готовой не только жить в меняющихся социальных и экономических условиях, но и активно влиять на существующую действительность, изменяя ее к лучшему. В связи с этим на первый план выходят определенные требования к такой личности - креативность, активность, социальная ответственность, обладание развитым интеллектом, высокий уровень профессиональной грамотности, устойчивая мотивация познавательной деятельности. Именно так определяются ключевые требования к выпускнику общеобразовательной школы в Концепции 12-летнего среднего общего образования в Республике Казахстан.

Началом формирования ключевых компетенций выпускника является первый уровень - дошкольное обучение и воспитание. Именно в дошкольных организациях в содружестве с семейным воспитанием закладываются основные качества современной конкурентоспособной личности, определённые Государственным общеобязательным стандартом дошкольного воспитания и обучения [1].

Последнее десятилетие характеризуется кардинальными изменениями в сфере образования и дошкольной подготовки детей за счёт создания новых современных нормативных документов, обновления программного содержания обучения и воспитания, отказа от авторитарной педагогики в пользу личностно-ориентированного педагогического процесса. Делается акцент на формирование и развитие личностных особенностей детей дошкольного возраста на основе

достижений этнопедагогике, этнопсихологии казахского народа и других национальностей, проживающих на территории Республики Казахстан.

Принимаются соответствующие меры по приданию высокого статуса педагогам-воспитателям дошкольных организаций и школ, расширяется сеть детских садов, дошкольных организаций, особенно в сельской местности, на методологической основе разрабатываются программы воспитания и обучения.

Образовательная организация на промежуточном этапе развития личности будущего выпускника располагает социально-нравственным портретом воспитанника 6 летнего дошкольного возраста

Ключевые компетенции служат основанием для определения ожидаемых результатов по каждой образовательной области, которые отображены в модели выпускника дошкольной организации [2].

Основополагающие моменты Государственного общеобразовательного стандарта дошкольного воспитания и образования в организации предшкольной подготовки и формировании ключевых компетенций дошкольника таковы:

➤ Максимальный охват детей старшего дошкольного возраста подготовкой к школе через дошкольные организации и предшкольные классы;

➤ Преемственность семьи, детского сада и начальной школы в подготовке детей к школе;

➤ Психолого-педагогическое просвещение родителей педагогами-воспитателями или другими компетентными специалистами о роли и значении предшкольной подготовки и формировании ключевых компетенций ребёнка-дошкольника;

➤ Согласованность программ и базисных учебных планов дошкольного образования и начального школьного обучения, что является основой закономерности перехода ко всеобщему непрерывному 12-летнему образованию в стране;

➤ Использование ведущих принципов дидактики, что опосредовано возрастными психологическими способностями и возможностями детей 5-7 летнего возраста.

➤ Сочетание возрастного и индивидуального подходов, в воспитании и обучении, что обеспечит эмоциональное благополучие и полноценное психическое развитие;

➤ Забота о физическом здоровье ребёнка, как генетическом носителе здоровой нации;

➤ Оптимальное сочетание индивидуальной и совместной деятельности детей, определение «зоны ближайшего развития» ребёнка;

➤ Оптимальная учебно-воспитательная нагрузка на ребёнка, с целью защиты его от переутомления и дезадаптации;

➤ Применение новейших развивающих технологий для раскрытия потенциальных возможностей ребёнка;

- Компетентность и высокая педагогическая подготовка педагогов-воспитателей;
- Создание благоприятной развивающей среды для дошкольника;
- Соблюдение санитарно-гигиенических требований и норм безопасности [3].

Следует отметить, что для успешной подготовки ребенка к школе не достаточно одно- и двухгодичной подготовки. Ребенок должен посещать детский сад с первого года жизни, в противном случае освоение программного материала будет затруднительно.

Под моделью выпускника понимается предполагаемый творческий коллективный результат совместной деятельности детского сада и семьи, характеризующийся системой ключевых компетентностей, которыми должен владеть ребенок при поступлении в 1-й класс, сформированных с учетом имеющегося у него психического и физического состояния здоровья.

Планируемое 12-летнее обучение будет ориентировано на развитие личности каждого учащегося.

Ключевые компетенции создают предпосылки для формирования ценностей и мотивов, а также для развития социальных и поведенческих норм жизнедеятельности человека: информационная компетенция, коммуникативная компетенция, компетенция разрешения проблем.

Ключевые компетенции служат основанием для определения ожидаемых результатов по каждой образовательной области.

К общественным ценностям как ориентирам развития образования Казахстана отнесены:

- здоровье, культура, общая и функциональная грамотность, профессиональная ориентация как база самореализации личности;
- семья, Родина, мир как основа социализации личности;
- ответственность за себя и страну, справедливость, толерантность, гармония и любовь как условие гармоничного межличностного и межкультурного взаимодействия;
- познание, сохранение и преумножение естественного богатства природы как фундамент существования человека и человечества в целом.

Эти ценностные ориентиры во взаимодействии друг с другом образуют ценностную базу, с которой начинается отсчет в развитии гуманистической культуры как основы современного образования, основы которого закладываются в дошкольном возрасте.

Дошкольное образование обеспечит создание основного фундамента развития ребенка – формирование базовой культуры его личности, которая подразумевает физическое, познавательное и художественно-эстетическое развитие. Эти линии развития ребенка преемственны на ступени дошкольного образования и ступени начального общего образования.

References:

1. «Модель выпускника дошкольной организации как основа формирования его ключевых компетентностей в условии перехода на 12-летнее образование». Методическое пособие. Астана, 2012 - 158 с.

2. Доронина Т.Н. и др. На пороге школы. Методические рекомендации для воспитателей. - А.: Просвещение-Казахстан, 2007.

3. Методические рекомендации к программе воспитания и обучения детей старшего дошкольного возраста «Біз мектепке барамыз», Астана 2009.

EDUCATION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN UKRAINE

¹ Natalia Myroshnychenko

² Olha Shtemakh

¹ *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Kryvyi Rih National University, Ukraine*

² *Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Kryvyi Rih National University, Ukraine*

Abstract

The article discusses a new approach in education - education for sustainable development. The importance of education for sustainable development for improving the problem of environmental and public health security in Ukraine is analyzed. The new vision of education for sustainable development oriented on intellectual, physical, spiritual and social development is proposed.

Keywords: sustainable development, education for sustainable development, environment, public health security, human values.

The United Nations General Assembly declared 2005-2014 the UN Decade of Education for Sustainable Development. The goals of the decade are to provide an opportunity for promoting the sustainable development through all forms of education, public awareness and training; and to give an enhanced profile to the important role of education and learning in sustainable development. [4]

Education for sustainable development (ESD) is very important because it is closely related to the development of people. First let's define what sustainable development is. The general thought is that sustainable development has three components: environment, society, and economy. The well-being of these three areas is linked. Sustainable development is a social transformation process, a learning process, whereby the inhabitants of the planet Earth learn to live together in peace and mutual respect, without producing and consuming in ways that damage the planet. Urgent steps should be made to prevent pollution, limit waste, and maximize conservation. Local resources should be developed and local economies should be enhanced. It concerns every citizen. For example, when a resident uses his own vehicle to visit a large mall just to buy, say, a can of tuna fish it doesn't prevent pollution. What worse is, residents prefer to do shopping in large supermarkets buying imported fruit and vegetables and ignore farmer markets with local products. And it doesn't promote efficiency and develop local resources. In spite of high prices for electricity and gas, people

consume the energy not trying to economize. The youth doesn't take seriously the HIV/AIDS problems and fall victims of their ignorance. Education for sustainable development can help understand all these issues. [3]

Education for sustainable development is not education in sustainable development. It is not explaining what sustainable development is about. Education for sustainable development is creating a learning environment in which individuals—young individuals, older individuals, everybody- are given the opportunity to develop their own talents, to follow their ambitions and use their talents, while at the same time contributing to sustainable development by engaging in responsible behavior. It's using our talents to contribute to this planet, where we have to live together and have to find a way to do so in which we are respectful to the planet and respectful to each other. Education for sustainable development promotes sustainable thinking and acting. It enables people to make decisions and to understand the way those decisions affect the life of others. In order to ensure a sustainable future, people of all ages need to assume responsibility for their actions and commit themselves to creating positive social and environmental change. It is a monumental task and education is the key to making it happen.

The United Nations University Education for Sustainable Development created a program. Its goal is to help transform the way the world views education and sustainable development, ensuring that sustainable development is incorporated into curricula at all levels of education and in all levels of society. [5]

What are the challenges that the European higher-education community faces regarding sustainability? In Europe the education system goes back a few centuries. For the establishment of European higher education, the period of the Renaissance, the Enlightenment, was very important. They have since developed the resource system of peer quality control, and so they organize their universities and learn according to disciplines. They started with just four faculties: the faculties of theology, medicine, law and philosophy. From those four and their specialization, they got other disciplines, faculties, etc. That is how universities are organized, how higher education is organized, how learning is organized. Now, that system has undergone a lot of developments, it is quite rich, it has a lot of good qualities, but challenges in the domain of sustainable development never fall within a single discipline; they involve dealing with complexity and uncertainty.

The Ukrainian educational system lacks even those features. Thus a new methodology had to be found. The focus here was on mainstreaming and reorienting of the education systems and curricula. There was also a need to challenge member states, governments, international organizations, institutions and community organizations, to support learning based approaches to change towards sustainable development; to consider action learning or social learning as way of informing decision-making processes.

This means that when the students become teachers, economists, architects, civil servants or whatever their chosen profession may be, they are to be able to inform or influence change for sustainable development. The biggest challenge for universities, at present, is to stand back and think of the capabilities and competencies that students need to acquire in their specializations, but also to look for opportunities for connecting practice across disciplines, and very specifically with the priorities and activities of professional bodies. The universities are training business leaders, government leaders, but how many of them are really sustainability-literate, and how many of them really have the skills to transfer that thinking into decision-making or practical changes on the ground? Universities are not making as substantial a contribution as they could in this regard.

It's no wonder that in most universities in Ukraine education for sustainable development is based on the subjects connected with geography and ecology. Education for sustainable development means including key sustainable development issues into teaching and learning; for example, climate change, disaster risk reduction, biodiversity, poverty reduction, and sustainable consumption. It also requires participatory teaching and learning methods that motivate and empower learners to change their behavior and take action for sustainable development. Education for sustainable development consequently promotes competencies like critical thinking, imagining future scenarios and making decisions in a collaborative way.

But education for sustainable development requires far-reaching changes in the way education is often practiced today. Working in the field of sustainable development means you have to cross boundaries all the time: boundaries between disciplines, boundaries between the expertise of laypeople and the expertise of experts in the scientific domain, boundaries between the knowledge of different regions, different countries and different cultures. We have to learn how to do research, how to educate, in a much more integrated way. All people need to know and to learn in this integrated way or it won't work. But you can't start your education by only this. You can't do inter- or trans- or multidisciplinary work if you haven't mastered a specialization, a discipline, first. We thus have to find a system of higher education that, on the one hand, offers very good, high-quality specialized education in a certain discipline and, on the other hand, confronts you during your studies with the multidisciplinary, the complexity and the uncertainty of real life. Information and communication technology (ICT) could contribute to sustainability. We can use ICT to share what is known at one university quite easily with another university. It was mentioned earlier that working in the field of sustainable development means crossing boundaries all the time. ICT can help us to meet with others in a virtual space and work together. Computer support of collaborative learning and collaborative working over long geographic distances is a reality. [2]

Thinking about education for sustainable development is a very powerful driving force for innovation in education within universities of Ukraine. It requires studying different disciplines but, at the same time, trying to find projects or whatever to create interactions between people from different disciplinary backgrounds, different disciplines, within the university and the expertise and knowledge found in society at large. It means bringing all that together with elements of higher education, as well. It's thus adding something new, something that will hopefully help to change the system to fit society better. In short, the educational system is a powerful system, but it was created in the past, so it has some history embedded in it, and yet this system is being used, with these traces of history, to educate the young people of today for the world of tomorrow. There should thus be changes in the system, as well, and that is what universities should be trying to do. [1]

At Kryvyi Rih national university sustainability is introduced as a core element of an education for sustainable development. That means students have an opportunity to engage with it in practical ways, by cleaning parks and growing trees and bushes during so called "clean Thursdays", by helping asylums to create happy childhood atmosphere communicating with children and visiting hospitals to learn how to combat HIV/AIDS, by introducing new construction projects using only environmentally friendly materials.

The message is in everything they do, because they see that modeling sustainability in practice is also a form of education, a way of communicating which is important. The biggest challenge is embedding it in the curriculum, but a formal commitment has been made that all the students at the university will experience ESD before they graduate. Everything they learn, from marketing to sports science, to psychology, to sociology, will have ESD embedded in it, so the connections are being made in thinking and practice, and that's a big challenge because it requires to support the teaching staff on a one-to-one level almost, to help them make those connections.

In our conclusion we should say that the goals of ESD are to provide an opportunity for refining and promoting the vision of, and transition to, sustainable development – through all forms of education, public awareness and training; and to give an enhanced profile to the important role of education and learning in sustainable development. ESD should become a way of life implying doing things for yourself not for authority. The stress should be made on intrinsic values. These values should be highlighted through participation which contributes to reflective learning. And this should lead to a change and encourage a new way of thinking.

References:

1. Gorobets A. Sustainable Development in Ukraine: Problem, New Vision,

Solution. - Integration of Information for Environmental Security NATO Science for Peace and Security Series C: Environmental Security. - 2008, pp 197-206

2. McKeown R. Education for Sustainable Development Toolkit, 2002, retrieved 7/7/10. - access: <http://www.esdtoolkit.org/discussion/default.htm>

3. Pavlova M. Technology and Vocational Education for Sustainable Development. - Technical and Vocational Education and Training for Sustainable: Issues, Concerns and Prospects – V.10, Springer Science+Business Media B.V. 2009

4. <http://www.unece.org/env/esd.html>

5. <http://ias.unu.edu/en/>

**COMPONENTS OF DECISION-MAKING STYLE:
THE PERSONAL APPROACH**

¹ Aleksandr Sannikov

¹ Candidate of psychological sciences, associate professor of South Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushynsky, Odessa

Abstract

The article deals with the issue of decision-making style components. The theoretical analysis of the literature shows that there is no single approach to the definition of such phenomenon as a decision-making style, despite the fact that it has been studied extensively by both domestic and foreign researchers. The character of correlations between the theoretically possible indicators of decision-making style is investigated. The specificity of the interconnections between the style components depending on their expressiveness is studied. The approach to the analysis of multi-component decision-making style is described.

Keywords: style, decision making, psychology of choice, personal approach, multi-component style of decision-making.

Принятие решения, понимаемое как выбор одной из нескольких возможных и допустимых альтернатив, пронизывают всю человеческую жизнь. Большинство решений личность (ЛПР – личность, принимающая решения) принимает, не задумываясь, на уровне сложившихся автоматизмов, проявляющихся и в поведении, и в деятельности, и в отношениях с другими. Есть решения, которым ЛПР не придает значения (лично не значимые и ситуации, и решения, принятые в этих ситуациях), и потому она не обращает на них внимания, ни на их особенности, ни на последствия их реализации (не фиксирует их в сознании, и не запоминает их). Особую группу образуют решения, принятие которых для ЛПР представляет особую сложность и сопровождается значительными психологическими перегрузками. Как правило, их появление обусловлено либо значимыми, важными для личности событиями (угроза жизни или здоровью, финансовому или психологическому благополучию), либо эти решения принимаются в жестких условиях (например, дефицита информации, требуемых ресурсов). По-нашему мнению, во всех описанных выше типичных ситуациях снижение ("снятие") нагрузки на психику ЛПР обеспечивает стиль принятия решений.

Проблема изучения стиля принятия решений (СПР) в сложных для ЛПР ситуациях существовала всегда, но по ряду причин в последние десятилетия ее важность значительно возросла. Прежде всего, резко возрос

динамизм окружающей среды и уменьшился период времени, в течение которого принятые ранее решения остаются эффективными. Во-вторых, развитие науки и техники, их вторжение во все сферы общества, привело к появлению у большинства решений значительного числа альтернативных вариантов. В-третьих, возросла объективная и субъективная сложность каждого из вариантов принимаемого решения. Наконец, увеличилась взаимозависимость между уже принятыми различными решениями и их последствиями. В силу этих причин резко возросли субъективные трудности, препятствующие формированию, выработке и развитию стиля (стилей) принятия решений.

Психологическую трактовку стиля обосновал Г. Олпорт в 1937 году, предположивший, что некоторые черты личности могут иметь инструментальное значение, репрезентируя стиль или экспрессию поведения, не обязательно являясь частью базовой личностной структуры. Стиль определялся им как характеристика системы операций, к которой личность предрасположена в силу своих индивидуальных свойств [8].

Развитие исследований когнитивного направления в психологии позволило выделить когнитивные стили, которые понимаются как индивидуально-психологические особенности познавательных процессов, предрасположенность к использованию свойственных человеку способов взаимодействия с информацией, актуализация индивидуально-специфичной познавательной структуры личности, опосредующей процессы оперирования информацией на всех уровнях познавательной сферы [11, с. 3]. Представляется, что перечисленные психические образования определенным образом взаимосвязаны. Типологические свойства нервной системы, взаимодействуя с внешними условиями жизнедеятельности человека, определяют характеристики темперамента, который на основе подобного же взаимодействия влияет на формирование базовой индивидуально-личностной организации. Именно ее взаимосвязи с индивидуальным когнитивным опытом субъекта проявляются в познавательной сфере в форме когнитивных стилей. Последние, по мнению М. А. Холодной, детерминируют индивидуальные формы репрезентации объекта в познавательной сфере и стратегии когнитивной деятельности, обусловленные также актуальной задачей [13].

На основе анализа закономерностей человеческого поведения и деятельности была разработана Е. А. Климовым и В. С. Мерлиным концепция индивидуального стиля деятельности (ИСД), понимаемого как обусловленная типологическими особенностями нервной системы устойчивая система способов оптимального осуществления деятельности, в том числе и принятия решений, понимаемого как этап деятельности [5]. Концепция ИСД в конце 80-х годов XX века создала условия для развития нового подхода в исследовании стиля – изучение стиля профессиональной деятельности (автор – В. А. Толочек) [12]. При этом стиль профессиональной деятельности рассматривается в совокупности многообразных

форм его проявления более широко – как адаптация субъекта к среде, к социотехническим системам, а не только традиционно – к требованиям деятельности. Стиль имеет трехфакторную детерминацию: актуализированные индивидуальные особенности человека; организация компонентов совместной профессиональной деятельности и организация взаимодействий субъектов.

Одновременно с выделенными направлениями исследования стиля, в психологии менеджмента, и позднее, в организационной психологии, сформировалось направление, непосредственно связанное с изучением стиля принятия решений руководителем (и позднее – менеджером). Изменение условий хозяйствования, изучение и обобщение результатов исследования деятельности руководителей, обусловило интенсивное развитие теорий руководства и как закономерное следствие – рождение концепций, связанных с СПР в управлении организацией (Р. Танненбаум и У. Шмидт, 1958; Ю. Н. Кулюткин, 1970; В. Врум, 1973; А. И. Китов, 1977; Р. Блейк, 1984; А. М. Омаров, 1987; А. В. Карпов, 1998; К. Томас, 1999; и др.).

В наиболее известным двумерным классификациям СПР можно отнести предложенную Ю. Н. Кулюткиным. Им выделены пять типов стилей в зависимости от соотношения двух главных этапов формирования и принятия решения: этапа формулировки гипотез и выработки альтернатив и этапа их анализа, коррекции и контроля [3]. П. Херси и К. Бланшард разработали ситуационную модель эффективного управления, в основе которой сочетание двух параметров оценки (поведения в области отношений и относящегося к работе и направленности поведения). Это позволило выделить четыре управленческих стиля, характерные для определенной степени зрелости подчиненных (например, указывающий, убеждающий, и др.) [14]. Представление стилевой сферы профессионала как особого психологического образования в структуре личности, имеющего свои специфические функции, позволило А.В. Либину предложить "стиль личности", реализующийся в двух аспектах: внутреннем – через систему индивидуально-психологических параметров, и внешнем, в форме различных типов взаимодействия индивидуума со средой [4].

Рассмотренные подходы позволяют нам констатировать некоторые общие закономерности анализа и описания СПР: 1) авторы выделяют принятие решений как центральную задачу и/или ведущую функцию деятельности; 2) рассматривая принятие решений, выделенный стиль распространяют в целом на всю деятельность; 3) особенности принятия решений зависят, с одной стороны, от организации процесса его принятия, и, с другой, от личности принимающего решения (ЛПР). Эти обстоятельства и определили цель нашего исследования – изучение личностных свойств ЛПР, влияющих на формирование и проявление стилевых особенности принятия решений, СПР.

Столь же проблематичным для оценки выраженности личностных

свойств принятия решений оказался выбор адекватного диагностического инструментария. Ранее (начиная с середины 70-х годов 20 столетия) для определения стиля управленческой деятельности использовался опросник А. Л. Журавлева, В. Ф. Рубахина и В. Г. Шорина, в основе которого лежит трехкомпонентная модель деятельности. Кроме того, для диагностики компонент стиля применялся опросник Р. Блейка и Дж. Моутон "Стиль деятельности менеджера", методика "Оценка стиля делового общения" Я. А. Коломинского и И. С. Поповой, методика М. Вудкока и Д. Френсиса "Профессионально важные качества руководителя и их диагностика", тест К. Томаса в адаптации Н. В. Гришиной "Стратегия поведения в конфликте" и ряд других [5]. В качестве методики диагностики личностных свойств, начиная с 80-х гг. 20 века, широко используется версия А и В опросника 16-PF Р. Кеттелла [там же].

Для проверки высказанных предположений нами был использован комплекс из 17 надежных и валидных методик, обеспечивающих устойчивую диагностику личностных свойств и факторов принятия решений. В комплекс вошли: методика диагностики уровня субъективного контроля (УСК, авторы Е. Ф. Бажин, С. А. Гольнкина, А. М. Эткинд), методика "Личностные факторы принятия решений" (ЛФР-25, автор Т. В. Корнилова), "Опросник принятия решений ЛПР" (ОПР, автор Г. Айзенк, модификация Е. П. Ильина), "Индикатор типа личности" (МВТИ, авторы К. Бриггс и И. Майерс) и др. [8-9].

Для обработки результатов были применены процедуры описательной статистики (метод «асов» и метод «профилей») и метод построения корреляционных матриц. Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием пакета программ математической статистики SPSS 13.0. Выборка включала 748 специалистов различного уровня квалификации и различных сфер профессиональной деятельности, проходящих переподготовку по специальности «Психология». Эксперимент проводился в период с 2008 по 2013 гг. [7-10].

Интерпретация и обобщение результатов статистического и качественного анализа полученных данных, позволяет высказать следующее:

1. Исследование стиля принятия решений личностью включает изучение множества научно-практических аспектов профессионализма – от социально-экономических и организационных до психологических и акмеологических. Одним из направлений развития психологии принятия решений может стать изучение формирования, развития и трансформации стиля принятия решений (СПР). Понимание СПР как системы, а также обеспечение ее эффективного функционирования создают условия для личностно-профессионального развития ЛПР, развития профессионально-психологической компетенции, оптимизации (коррекции, трансформации) используемого СПР.

2. К числу основных факторов, детерминирующих формирование и развитие СПР, необходимо отнести: а) новизна объекта, либо условий, в

которых принимается решение; б) уникальный, неповторяющийся характер ситуации выбора; в) сложный для оценки характер возможных, допустимых для данных условий альтернатив; г) недостаточную определенность последствий принимаемого решения; д) наличие совокупности разнородных факторов, которые следует принять во внимание при выработке решения; е) наличие лица или группы лиц, вовлеченных в принятие решения и его реализацию; и др.

3. Отправными для исследования СПР являются некоторые концептуальные положения о психологическом содержании, структуре и механизме его реализации: а) СПР может рассматриваться в совокупности многообразных форм его проявления как многоуровневая адаптация ЛПР к ситуации выбора, к требованиям деятельности, к социальной системе; б) стиль имеет многофакторную детерминацию: актуализированные индивидуально-психологические особенности ЛПР; организация компонентов принятия решений (ситуации выбора) и организация взаимодействия ЛПР с социотехнической средой; в) стиль есть психологическая система активного взаимодействия и адаптации ЛПР к условиям принятия решения и ее преобразование, «сопряжение», пронизывающая все проявления ЛПР (эмоциональные, когнитивные, волевые и поведенческие) и своеобразно преломляющаяся в их специфике; г) механизмом, обеспечивающим формирование и развитие стиля принятия решений личностью, является механизм трансформации индивидуально-психологических свойств ЛПР к ситуации принятия решений.

4. Функция принятия решений опирается на специфический механизм реализации, который, в свою очередь, может быть описан с позиций индивидуально-стилевой типологии. Принятие решений – одна из ключевых функций любых видов учебной и профессиональной деятельности. В силу этого, на примере анализа стилевых механизмов реализации именно этой функции, целесообразно рассматривать поведение ЛПР в проблемной ситуации. Поведение ЛПР в ситуации принятия решения характеризуется достаточной устойчивостью, основу которой составляет СПР – стиль принятия решений. Стилиевые особенности, на базе которых реализуется принятие решений, обладают относительной независимостью не только от используемого когнитивного стиля или стиля личности, но и стиля индивидуальной или профессиональной деятельности.

5. СПР представляет собой интегрированное образование и формируется как сочетание множества характеристик личности, и в первую очередь: «доминирования личностных качеств» – способа организации взаимодействия со средой и «ориентации в ситуации выбора» – способа поведения личности в ситуации выбора. Обе эти характеристики выступают основаниями для классификации стиля принятия решения. Поведение личности по каждому из параметров, лежащих в основе классификации, может быть описано в диапазоне, с одной стороны, от альтруизма до авторитаризма и, с другой, от избегания, отказа от поиска и выбора в про-

блемных ситуациях до намеренного их продуцирования. Разнообразие стилей принятия решений обусловлено структурной организацией личностных свойств принятия решений ЛПР. Различные стили принятия решений отличаются выраженностью образующих структуру свойств, составом этих свойств и связями между ними. Сравнительная эффективность стилей принятия решений связана со степенью организованности структуры личностных свойств и определяется ней. Свойства принятия решений ЛПР, лежащие в основе стиля, имеют меру индивидуальной выраженности в разных стилях, что позволяет осуществлять диагностику стиля, сочетая попарно индивидуальные показатели по каждому из параметров.

6. Перспективным направлением профессионального развития личности представляется личностный подход, целью которого является становление личностного образа человека, его индивидуально-личностное развитие как субъекта социума, углубление стилевого разнообразия ЛПР.

References:

1. Карпов А. В. Методологические основы психологии принятия решения / А. В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ, 1999. 232 с.
2. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности / Е. А. Климов // Психология индивидуальных различий: [текст] / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 74-77.
3. Кулюткин Ю. Н. Эвристические методы в структуре решений / Ю. Н. Кулюткин. М.: Педагогика, 1996. 352 с.
4. Либин А. В. Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? // Стиль человека: психологический анализ / Под. ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 109-124.
5. Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. М.: МГУ, 1982. 303 с.
6. Олпорт Г. Становление личности: [избр. тр.] / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М., 2002. с. 187.
7. Санников А.И. Психологический анализ стиля принятия решений / А. И. Санников // Проблеми сучасної психології: [зб. наук. пр. Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Інституту психології ім. Г.С. Костюка НАПН України]. Вип. 15. Кам'янець-Подільський, 2012. С. 576-585.
8. Санников А. И. Личностные аспекты принятия решений профессионалом / А. И. Санников // Наука і освіта. 2013. № 7/СХVII. С. 295-303.
9. Санніков О. І. Психологічна система ухвалення рішення / О. І. Санніков // Наука і освіта. 2010. № 9. С. 149-152.
10. Санніков О. І. Співвідношення когнітивних стилів і параметрів прийняття рішень / О. І. Санніков, С. В. Заваленко // Наука і освіта. 2011. № 11. С. 140-145.
11. Скотникова И. Когнитивные стили и стратегии решения познавательных задач / Ирина Скотникова // Стиль человека: психологический анализ / Под. ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 64 – 78.
12. Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности: организация компонентов и взаимодействий субъектов / Владимир Толочек // Вест. Моск. ун-та.

Сер. 14. Психология, 1996. № 3. С. 51 – 60.

13. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. [учеб. пособ.] / М. А. Холодная. М.: ПЕР СЭ, 2002. 304 с.

14. Hous R., Mitchell T. Path-goal theory of leadership // J. of Contemporary Business. 1974. V. 3(4). P. 81-97.

**SOCIAL INTELLIGENCE AS THE COMPETITIVENESS RESOURCE
IN COMMAND SPORTS**

¹ Zarema Sovmiz

¹ *Postgraduate student,
Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism*

Abstract

Increase of requirements imposed to physical and psychological training of athletes for competitions caused development and deployment in educational and training process of athletes of the training aimed at the development of social intelligence. Approbation of training confirms its positive influence on social intelligence and communicative competence of athletes.

Keywords: social intelligence, competitiveness in sport, resistance to stress, tolerance to uncertainty.

В настоящее время одной из наиболее значимых проблем психологии спорта является проблема социального развития личности спортсмена, а так же психологических и волевых качеств, способных обеспечить ему высокий уровень подготовки и достойное выступление на соревнованиях.

На каждом этапе своей спортивной карьеры спортсмен принимает участие в различных социальных ситуациях, характеризующихся необходимостью поддерживать стабильные и взаимовыгодные отношения с тренером и коллегами по команде, проявлять толерантное отношение к соперникам, грамотно общаться с прессой, правильно воспринимать и интерпретировать получаемую информацию [1, 2].

Поэтому этап высшего спортивного мастерства характеризуется возрастанием организационного стресса и ростом требований, предъявляемых к физической, тактической и психологической подготовке спортсмена и рядом социальных проблем, требующих быстрого включения, гибкости и способности противостоять стрессу [2].

К способностям, благодаря которым возможна успешная адаптация, относят социальный интеллект, стрессоустойчивость и толерантность к неопределенности. Социальный интеллект представляет собой способность правильно оценивать поведение людей, эффективно взаимодействовать с ними и успешно адаптироваться в различных социальных ситуациях [1, 2, 3].

Социальный интеллект представляет большой интерес для исследования, так как, на наш взгляд, является ресурсом конкурентоспособности

и повышения эффективности деятельности спортсменов, путем выполнения целого спектра функций: формирование программы успешного взаимодействия в тактическом и стратегическом направлениях; планирование межличностных событий и прогнозирование их развития, расширение социальной и коммуникативной компетентности [4].

Цель исследования: выявление особенностей влияния социального интеллекта на толерантность к неопределенности и стрессоустойчивость, обоснование и разработка психологического тренинга, направленного на развитие социального интеллекта спортсменов.

Выявление статистически значимых результатов влияния компонентов социального интеллекта на становление толерантности к неопределенности и стрессоустойчивости осуществлялось с помощью многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA) и проверки тестом Ливена. В качестве независимой переменной был рассмотрен социальный интеллект и его компоненты, в качестве зависимых переменных: стрессоустойчивость и толерантность к неопределенности.

В ходе констатирующего эксперимента были выявлены следующие статистически значимые результаты влияния факторов: высокий уровень способностей, определяемых субтестом №1 «Истории с завершением», влияет на рост стрессоустойчивости и снижает межличностную интолерантность к неопределенности. То есть умение определить намерения и эмоциональные состояния человека по вербальным и невербальным признакам позволяет спортсмену получить достаточное количество информации о собеседнике, что понижает его стремление к ясности в межличностных отношениях и снижает уровень тревоги. Так же повышению уровня стрессоустойчивости способствует чувствительность к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений и правильное понимание речевой экспрессии в контексте конкретных взаимоотношений (субтест №3 «Вербальная экспрессия»).

Умение правильно прогнозировать различные ситуации взаимодействия (субтест №4 «Истории с дополнением») способствует повышению уровня толерантности к неопределенности, так как владение набором всех возможных вариантов изменения и развития той или иной ситуации избавляет человека от страха перед неизвестностью.

Композитная оценка социального интеллекта способствует росту уровня толерантности к неопределенности и понижению уровня межличностной интолерантности к неопределенности.

Согласно полученным данным, социальный интеллект является фактором толерантности к неопределенности и стрессоустойчивости, что позволяет нам перейти к разработке и внедрению тренинга на развитие социального интеллекта спортсменов с целью повышения их способности противостоять стрессорам, успешно адаптироваться в меняющихся условиях и прогнозировать развитие определенных ситуаций.

Тем более, как показало исследование уровня социального интеллекта, нервно-психической устойчивости и толерантности к неопределенности данные показатели у большинства спортсменов не высоки и требуют дальнейшего развития. Так, например, наименее успешно развита способность, определяемая субтестом №3 «Вербальная экспрессия» (2,69 сте-на при $\max=5$) и субтестом № 4 «Истории с дополнением» (2,59 при $\max=5$). То есть спортсмены испытывают трудности при анализе речевой экспрессии, ситуаций межличностного взаимодействия и, как следствие, плохо адаптируются к различным типам взаимоотношений (семейным, деловым, дружеским и другим).

Уровень стрессоустойчивости соответствует 3,6 балла (при $\max=10$). Стремление спортсмена к ясности, как в межличностных отношениях, так и в любых других ситуациях объяснимо спецификой, выполняемой им деятельности, требующей для владения информацией о сопернике на соревнованиях, с целью грамотного распределения собственных сил и успешного построения тактики борьбы во время соревнований, что про-является в следующих результатах исследования: «толерантность к неоп-ределенности» (8,2 балла), «интолерантность к неопределенности» (9,5 баллов), «межличностная интолерантность к неопределенности» (3,9 бал-ла).

Таким образом, на констатирующем этапе исследования установлено влияние социального интеллекта на толерантность к неопределенности и нервно-психическую устойчивость спортсменов и, вместе с тем выявлен недостаточно высокий уровень его развития. Это обусловило необходи-мость разработки тренинга, направленного на развитие социального ин-теллекта.

Основываясь на трех компонентой структуре социального интеллекта (вербальные, невербальные и прогностические способности) тренинг был разделен на 3 блока, каждый из которых содержит по 5 занятий продол-жительностью 1,5 астрономических часа каждое [4].

Цель тренинга: развитие социального интеллекта спортсменов.

Задачи тренинга: расширение возможностей использования и интер-претации невербальной и вербальной коммуникации; обучение методам прогнозирования в различных обстоятельствах; развитие способностей к дальновидности в процессе соревновательной борьбы.

Участники: тренинг рассчитан на спортсменов старшего подростко-вого и юношеского возраста. Рекомендуемая численность группы 10-15 человек.

Для выявления эффективности внедренного тренинга, были сформи-рованы две группы исследования: контрольная и экспериментальная. Группы формировались по схожему уровню развития компонентов соци-ального интеллекта. Экспериментальную группу составили 15 спортсме-нок женского футбольного клуба «Кубаночка» в возрастном диапазоне от 16 до 19 лет. Из них 8 спортсменок квалификации КМС, 7 спортсменов,

имеющих I взрослый разряд. Контрольную группу составили 19 спортсменов по разным видам спорта: женский футбол, спортивная акробатика, художественная гимнастика, в возрастном диапазоне от 16 до 20 лет. Из них 10 спортсменов квалификации КМС, 9 спортсменов, имеющих I взрослый разряд.

Таблица 1

Средние значения показателей в экспериментальной и контрольной группах по компонентам социального интеллекта до и после внедрения тренинга (в баллах)

Выборки исследования	Этапы исследования	Компоненты социального интеллекта				
		Субтест №1 «Истории с завершением»	Субтест №2 «Группы экспрессии»	Субтест №3 «Вербальная экспрессия»	Субтест №4 «Истории с дополнением»	Композитная оценка
Экспериментальная группа (n=15)	первичное	9,7±2,6	8,6±2,37	8,3±1,8	4,4±1,6	31,5±3,98
	повторное	11,6±1,3	8,4±1,5	9,4±1,9	5,1±2,4	34,1±4,01
	Достоверность различий	p ≤ 0,01	-	p ≤ 0,05	-	p ≤ 0,05
Контрольная группа (n=19)	первичное	9,3±0,58	8±3,06	8,5±1,53	4,7±2,31	30,5±0,58
	повторное	9,9±1,1	8,02±0,58	8,7±1,73	4,62±3,06	31,2±3,69
	Достоверность различий	-	-	-	-	-

Средние значения показателей композитной оценки социального интеллекта до внедрения тренинга соответствуют умеренному уровню, но граничащему с низким (31,5 и 30,5 баллов).

Сравнительный анализ между результатами первичного и повторного исследования, проведенный по итогам внедрения тренинга показал достоверный рост показателей в экспериментальной группе спортсменов по субтесту №1 «Истории с завершением» (11,6 баллов при p≤0,01), субтеста №3 «Вербальная экспрессия» (9,4 балла при p≤0,05), а так же уровня композитной оценки (с 31,5 баллов до 34,1 балла при p≤0,05) (таблица 1).

Таким образом, внедренный тренинг повысил уровень отдельных компонентов социального интеллекта спортсменок, что выразилось в развитии умения прогнозировать события и понимать речевую экспрессию в контексте определенной ситуации.

Развитие компонентов социального интеллекта повлекло за собой дос-

товерное повышение показателей по шкалам «Толерантность к неопределенности» (с 8,1 до 9,4 баллов) и «Интолерантность к неопределенности» (с 8,8 до 9,5 баллов), в то время как в контрольной группе достоверных изменений по данным шкалам не установлено.

Следует учесть, что первичное обследование проводилось в период учебно-тренировочных занятий, в то время как повторное - в период соревновательной деятельности, которая является весьма стрессогенным фактором. Но, несмотря на данный факт, повышение уровня развития компонентов социального интеллекта способствовало сохранению оптимального уровня стрессоустойчивости и даже ее незначительному росту (с 3,6 до 4,1 балла).

Преимуществами данного тренинга являются легкость и доступность в применении, скорость внедрения, методика выполняет требования «зоны ближайшего развития» и вызывает интерес у участников тренинга. Наряду с преимуществами тренинг требует дальнейшей проработки блоков, не вызвавших достоверных изменений в некоторых компонентах социального интеллекта.

Вывод. Результаты исследования свидетельствуют о значимости развития социального интеллекта спортсменов как ресурса эффективности деятельности. Социальный интеллект может обеспечить команде успешное взаимодействие и на основе этого стабильную конкурентоспособность путем выполнения таких функций, как обеспечение адаптивности в меняющихся условиях; формирование программы и планов успешного взаимодействия в тактическом и стратегическом направлениях, расширение социальной и коммуникативной компетентности; стрессоустойчивости.

Полученные данные позволят спортивным педагогам, тренерам и психологам при изучении свойств личности начинающих и высококвалифицированных спортсменов применять тренинг, по развитию социального интеллекта с целью их максимального деятельностного прогресса.

References:

1. Баалдина М.Ю. Коммуникативная компетентность и общение: теоретический аспект // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2011. № 3. С.4-11.
2. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов: учебное пособие. Краснодар, 2008. 209 с.
3. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т.31. №1. С. 74-86.
4. Люсин Д.В, Михеева Н.Д. Психометрический анализ русской версии теста на социальный интеллект Дж. Гилфорда и М. Салливена // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования [под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова]. М.: Институт психологии РАН, 2004. С.119-129.

**POLYART EDUCATION AS PERSPECTIVE TENDENCY
OF IMPROVEMENT OF VOCATIONAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS
OF THE ART AND AESTHETIC CYCLE**

¹ Mayya Moroz

*¹ Ph.D., Barsky Humanities and Education
College of Mykhail Hrushevsky, Ukraine*

Abstract

In article the essence of polyart education is considered, its purpose and the main objectives is defined. Need of introduction of polyart education of future teachers of an art and esthetic cycle as effective factor of improvement of their vocational training in the conditions of sociocultural and information and technical development of modern society locates.

Keywords: education, polyart education, art, future teachers of an art and esthetic cycle.

Постановка проблемы. Социокультурное и информационно-техническое развитие современного общества обуславливает поиски новых подходов к организации образования подрастающего поколения, а также требует формирования личности учителя новой формации – компетентного специалиста, способного обеспечить эффективный процесс обучения и воспитания молодежи XXI века.

Одним из приоритетных направлений современной педагогики, что позволяет решать сложные образовательные задачи, является полихудожественный подход к организации образовательного процесса, направлен на решение таких проблем, как формирование в учащихся целостного представления о многогранности мира, развитие образного мышления и привлечение к творческой деятельности.

Современная школа нуждается в специалистах, готовых к полихудожественной деятельности, способных активно использовать художественные средства различных искусств с целью воспитания художественно-эстетической культуры школьника как составляющей его общей культуры. Перед средним и высшим педагогическим образованием в области художественного воспитания поставлены задачи создания и внедрения интегрированных курсов, программ, поисков точек соприкосновения различных видов искусств.

Анализ исследований и публикаций. Исследования ученых в философии и дидактике (А.Данилюк, С.Клепко, И.Козловская и др.), в педагогике искусства (Л.Масол, О.Кабкова, О.Рудницкая, Л.Савенкова, Г.Шевченко, О.Шолокова, Б.Юсов и др.) свидетельствуют о том, что широкое внедрение в образовательную деятельность занятий различными

видами искусства позволяет скорректировать и избежать целого ряда проблем, с которыми сталкиваются сегодня педагоги. В своих научных трудах ученые систематизировали результаты экспериментальных практик учителей-новаторов, а также собственный опыт преподавания учебных дисциплин художественно-эстетического цикла.

Формулировка целей статьи. Учитывая актуальность проблемы, целью статьи является определить сущность полихудожественного образования, определить его цель и основные задачи.

Изложение основного содержания исследования. Образование – это процесс и результат овладения учащимися системой научных знаний и познавательных умений, навыков, формирования на их основе мировоззрения, нравственных и других качеств личности, развития ее сил и способностей [5, с. 10]. Образование – это процесс и результат усвоения индивидом опыта, достижения им значительного образовательного уровня, приобщения индивида к культурным ценностям человечества [3, с. 6].

XX сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО принято определение образования, в котором отмечается процесс и результат совершенствования способностей и поведения личности, при котором она достигает социальной зрелости и индивидуального роста [2].

В научно-педагогической литературе различают общее и специальное образование. Задача общего образования (начального и среднего) – дать знания, привить умения и навыки, необходимые каждому человеку в повседневной жизни. Специальное образование предусматривает вооружение человека знаниями, умениями и навыками, необходимыми для работника определенной отрасли [1, с. 241].

Анализ понятия образования дает возможность определить, что образование – это длительный, насыщенный, многогранный и разносторонний процесс, главной целью которого является гармоничное сочетание обучения, воспитания и развития личности, ее умственных, интеллектуальных, психических, нравственных и духовных качеств.

Современное образование находится на достаточно высоком уровне развития, учеными разработано немало инновационных методик и технологий, которые призваны усовершенствовать и улучшить учебно-воспитательный процесс. Однако на практике все же наблюдаются определенные проблемы, связанные с усвоением подрастающим поколением системы образовательных знаний. Перегруженность программ и учебников учебным материалом, оторванность содержания образования от реальной жизни, отсутствие целенаправленной работы по формированию умений работать с различными источниками информации, недостаточное внимание к формированию общеучебных и интеллектуальных умений приводят к чрезмерной физической и психической усталости, и как следствие, к различным заболеваниям учащихся [6]. Данные врачей и физиологов свидетельствуют, что среди заболеваний современной молодежи лидируют болезни глаз и опорно-двигательного аппарата, а так-

же присутствующие нервно-психические расстройства. Решая эти проблемы, необходимо помнить, что здоровье человека зависит не только от соблюдения режима дня, определенных норм общей и личной гигиены, здорового питания, качественного распределения времени между учебной и отдыхом, но и от гармоничного единства физических и духовных сил, которое достигается в процессе занятий различными видами искусства [7].

В формировании современного типа мышления, в сохранении здоровья подрастающего поколения важную роль играет активное взаимодействие разных видов художественной деятельности, а не отдельно взятый вид искусства. Речь идет об общеобязательном полихудожественном образовании, которое включает, соответственно, полихудожественное воспитание и развитие и способствует формированию качественного уровня познания.

Полихудожественное образование представляет собой систему целей, образовательных технологий, форм деятельности, направленных, прежде всего, на распространение культурологических основ в общем, среднем, специальном, высшем, а также дополнительном образовании. Привлечение детей к различным видам искусства (театра, кино, музыки, изобразительного искусства, архитектуры, литературы, хореографии) призваны развивать необходимые для формирования личности качества.

Главные задачи полихудожественного образования состоят в развитии эмоционально-чувственной сферы детей и совершенствовании природных способностей слышать, видеть, чувствовать, двигаться, общаться и др.

Внедрение в общеобразовательные заведения Украины основ полихудожественного образования и интегрированного подхода к процессу освоения искусства и предметов гуманитарно-художественного цикла требует соответствующей подготовки педагогов, в частности учителей художественно-эстетического цикла. Эта подготовка предполагает наличие у них специальных знаний и умений в различных сферах искусства, активную деятельность разных видов художественного мышления, креативный подход к решению учебно-воспитательных задач.

Проблема полихудожественного образования будущих учителей художественно-эстетического цикла является актуальной еще и потому, что, к сожалению, сегодня мы не можем наблюдать достаточной реализации полихудожественного подхода к профессиональному обучению, поскольку подготовка специалиста осуществляется преимущественно в монохудожественной плоскости определенного вида искусства. Это часто приводит к отсутствию системности и целостности в знаниях студентов: им трудно сравнивать знания, почерпнутые из различных источников (различных учебных дисциплин), увидеть общие закономерности и единство принципов, хронологически выстроить учебную информацию, полученную от разных педагогов. Поэтому достаточно важно осуществлять профессиональную подготовку будущих учителей художественно-

эстетического цикла в условиях целостного художественного развития, который будет базироваться на интеграции, взаимопроникновении различных видов художественной деятельности в их взаимосвязях и активном взаимодействии.

Говоря о сути полихудожественного образования будущих учителей художественно-эстетического цикла, имеется в виду специальное образование, которое приобретает на основе комплексной взаимосвязи различных видов искусства и обеспечивается интеграцией учебных дисциплин культурологического и художественного циклов с направлением на формирование художественной компетентности учителя художественно-эстетического цикла.

Целью полихудожественного образования является формирование фундаментальных мировоззренческих представлений и личностно-ценностного отношения к искусству с осознанием при этом специфических закономерностей отражения действительности каждым видом искусства; стимулирование творческого потенциала личности и стремление к самореализации в собственной педагогической деятельности и художественно-эстетического самосовершенствования.

Согласно цели полихудожественного образования и особенностей его реализации в процессе профессиональной подготовки будущих учителей художественно-эстетического цикла выделяем следующие задачи полихудожественного образования:

- формирование системы фундаментальных теоретических знаний в области различных видов искусства, развитие общехудожественных способностей, художественно-образного мышления, воображения, что будет способствовать сознательному восприятию художественных произведений;
- формирование навыков интерпретации произведений искусства, художественного анализа, выражения собственного отношения и оценки художественного произведения;
- формирование художественно-эстетического и общехудожественного мировоззрения личности, ее вкусов, предпочтений, убеждений, идеалов, потребности к художественному саморазвитию, самосовершенствованию;
- формирование эмоционального интеллекта личности средствами различных видов искусства, что позволит понимать, объективно оценивать, регулировать не только собственные эмоции, вызванные восприятием произведений искусства, но и понимать, анализировать эмоциональное состояние окружающих.

Полихудожественное образование, будучи целостным и сложным явлением, гармонично сочетает в себе различные виды искусства, которые способствуют возникновению многогранных форм художественного творчества, имеющих импровизационную основу. Сущность творческой личности проявляется именно в импровизационности, которая предусматривает отход от шаблона, порождает синтез искусств, придающий

яркую самобытную направленность процесса обучения, и проявляет себя как креативный системообразующий фактор [4].

Выводы. Следовательно, искусство не только развивает, но и положительно влияет на эмоционально-чувственную сферу человека, помогает гармонизировать ее внутреннее состояние, культурно обогащает, что чрезвычайно важно для успешного развития личности во всех сферах жизни и творчества. Учебные дисциплины художественно-эстетического цикла осуществляют значительное влияние на развитие познавательных способностей и творческой активности личности, формирующей заинтересованное отношение к окружающему миру, обогащают духовную культуру.

Реализация цели и задач полихудожественного образования будущих учителей художественно-эстетического цикла будет эффективно осуществляться в условиях интегрированного, полихудожественного подхода к учебно-воспитательному процессу специалистов, в ходе которого будут объединяться, систематизироваться воспитательные воздействия различных видов искусств. Это будет способствовать художественно-эстетическому развитию личности, формированию устойчивого синтеза знаний и умений различных видов искусства, их творческому применению в собственной педагогической деятельности.

Именно в условиях полихудожественного подхода к современной системе профессионального образования, внедрения разнообразных художественных учебных курсов и дисциплин интегрированного характера возможно эффективное формирование современного, профессионально компетентного педагога.

References:

1. Гончаренко С. Украинский педагогический словарь / С. Гончаренко. – К.: Лыбидь, 1997. – 376 с.
2. Городяненко В. Г. Социология: Учебник / В.Г. Городяненко. – К.: Издательский центр «Академия», 2003. – 450 с.
3. Лозова В.И. Теоретические основы воспитания и образования (учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений) / В.И.Лозова, Г.В. Троцко. – Харьков, 1997. – 338 с.
4. Мун А.Н. Синтез искусств как постоянно развивающийся процесс порождения нового в искусстве, образовании, науке и его импровизационная природа / А.Н.Мун // Институт Художественного Образования Российской Академии Образования. Электронный научный журнал «Педагогика искусства». - № 2. – 2008.
5. Педагогика: Учебное пособие для студентов пед. институтов / Бабанский Ю.К., Сластенин В.А., Сорокин Н.А. и др. / Под ред. Ю.К.Бабанского. – М.: Просвещение, 1988. – 479 с.
6. Савенкова А.Г. Полихудожественное образование как фактор формирования современного типа мышления и сохранения здоровья детей и юношества / А.Г.Савенкова // Институт художественного образования Российской академии образования. Электронный журнал «Педагогика искусства». - № 1. – 2006.

7. Савенкова Л.Г. Современные технологии интегрированного обучения и полихудожественного воспитания в общеобразовательной школе / Л.Г. Савенкова // Институт Художественного Образования РАО (ИХО РАО) 2006 – 2009 гг.

B&M Publishing

Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. 3rd edition. Vol. 2. Humanities and social sciences. Psychology and pedagogics. Economics: research articles, B&M Publishing, San Francisco, California. 2014. 194 pp.

PQN 100

ISBN-10:1941655092

ISBN-13:978-1-941655-09-2